

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ШАРАПОВА

**АНОМАЛЬНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ
В ЯЗЫКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Специальность 10.02 01 русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
доцент Г. И. Кустова

Москва 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	15
1. Интенсификаторы как лексические средства выражения категории интенсивности	15
1.1. Интенсивность как категория языка	15
1.2. Интенсивность и смежные категории. Прагматическое содержание категории интенсивности	19
1.3. Семантические типы интенсификаторов	23
1.4. Семантическая несамостоятельность (идиоматичность) и ограниченная сочетаемость интенсификаторов	27
1.5. Семантическая мотивированность интенсификаторов и семантические механизмы их образования	34
2. «Языковая аномалия» в языке и художественном тексте	40
2.1. Об особенностях значения слова в художественном тексте	40
2.2. Определение языковой аномалии. Механизмы и уровни возникновения аномалий	43
2.3. Вопрос об аномальности языка художественного текста	47
3. Некоторые особенности идиостиля Ф. М. Достоевского	55
Выводы	61
Глава 2. МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ТИПЫ АНОМАЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ С ОПОРНЫМИ СЛОВАМИ В «БОЛЬШИХ РОМАНАХ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	66
1. Интенсификация неградуируемых признаков	68
2. Тавтология	82
3. Оксюморонные сочетания со значением противоположной оценки	92
4. Аномальная сочетаемость «общих» интенсификаторов	101
5. Аномальная сочетаемость интенсификаторов класса <i>большой</i>	120
6. Аномальная сочетаемость интенсификаторов с семантическим признаками 'агентивность' и 'эмоциональное возбуждение' / 'активность'	128
6.1. Аномальная сочетаемость «агентивных» интенсификаторов	130
6.2. Аномальная сочетаемость интенсификаторов с семантическим признаками 'эмоциональное возбуждение' и 'активность'	140
7. Аномальная сочетаемость, основанная на преобразовании синтаксических конструкций	150
7.1. «Перевешивание» интенсификатора в синтаксической конструкции	151
7.2. «Совмещенные пропозиции»	158
Выводы	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
БИБЛИОГРАФИЯ	177
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Аномальные сочетания интенсификаторов с опорными словами в «больших романах» Ф. М. Достоевского	

(в сравнении с корпусом художественных текстов второй половины XIX века и с корпусом художественных текстов XX–XXI веков)	201
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Аномальные сочетания интенсификаторов с опорными словами в «больших романах» Ф. М. Достоевского (Обратный словарь)	220

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена анализу сочетаний интенсификаторов (слов со значением высокой степени) с опорными словами в языке Ф. М. Достоевского и выявлению типов нарушений (аномалий), которые встречаются в таких сочетаниях. Проблематика работы связана с такими областями современной лингвистики, как исследование лексической и семантической сочетаемости, когнитивная семантика, изучение авторского идиостиля. В работе рассматриваются:

- интенсификаторы как средства выражения интенсивности, и шире – экспрессивности, субъективно-оценочного компонента высказывания – в рамках изучения языковых средств выражения функционально-семантических категорий;

- типы аномальных сочетаний интенсификаторов с опорными словами – в рамках изучения семантических и когнитивных механизмов построения текста;

- особенности идиостиля Ф. М. Достоевского – на материале аномальной сочетаемости интенсификаторов.

Интенсификаторы входят в арсенал лексических средств выражения языковой категории интенсивности, смысловым содержанием которой является высокая степень проявления признака. Под интенсификаторами в настоящей работе мы понимаем слова, семантика которых ориентирована на передачу значения интенсивности признака, выраженного другим словом. Слова со значением высокой степени признака могут иметь широкую и относительно свободную сочетаемость (*большой, необыкновенный, очень, сильно, весьма* и др.), а могут иметь узкую, фразеологически связанную сочетаемость, ограниченную несколькими лексемами, и образовывать с этими лексемами коллокации (*гробовая тишина, проливной дождь* и др.). К показателям высокой степени примыкают слова со значением предельной

и чрезмерной степени признака (*совсем, полностью, слишком* и др.), которые мы тоже относим к интенсификаторам.

Большое, а иногда главное, место в значении интенсификаторов занимает субъективный (экспрессивный) компонент, интенсификаторы нередко служат не столько для выражения высокой степени признака, сколько для выражения субъективных впечатлений и ощущений говорящего. Именно поэтому, при огромном разнообразии уже существующих средств выражения интенсивности, корпус слов со значением высокой степени постоянно пополняется [Сергеева 1967; Беручашвили 1986а; Беручашвили 1986б; Кустова 2011].

Комплексное описание **категории интенсивности** было предпринято в рамках [ТФГ 1996] (отв. ред. А. В. Бондарко). Изучение категории интенсивности и механизмов интенсификации входит в широкое поле исследований языка в его прагматическом аспекте – «как формы отражения аксиологических приоритетов современного русского языкового сознания» [Родионова 2005: 152]. Описание аномальных средств выражения интенсивности является неотъемлемой частью изучения всего поля усилительных средств языка, включая и его строго системные явления.

Языковые аномалии отражают индивидуальную манеру использования системных языковых средств, особенности идиостиля писателя. Интерес к понятию аномалии в лингвистических исследованиях можно считать одной из современных тенденций в отечественной лингвистической науке [Апресян 1990; Апресян 1995 т. II; Кобозева, Лауфер 1990; Мурдускина 2011; Падучева 2009г; Радбиль 2012 и др.]. В понятии аномалии сконцентрировано внимание науки к индивидуальной речи и личности говорящего, потенциальным возможностям языковой системы, творческому и игровому потенциалу языка, что отражает закономерности эволюционирования парадигмы гуманитарного и филологического знания.

Анализ аномальных сочетаний в рамках уникальной текстовой системы отдельного автора опирается на анализ материала в рамках системы языка. В первом случае мы исходим из положения о том, что механизмы образования нестандартных (аномальных) сочетаний слов отражают «скрытые механизмы, по которым работает текст Достоевского», индивидуальную антропологию писателя [Синеокая 2014: 102, 108]. Во втором случае мы исходим из того, что в индивидуальной речи (художественном тексте) и в общеязыковом употреблении действуют одни и те же механизмы расширения сочетаемости. В результате действия этих механизмов образуются как индивидуально-авторские сочетания, аномальность которых хорошо ощущается читателем, так и неаномальные сочетания, которые входят в общий фонд языка [Падучева 2004: 15-16].

Современная научная парадигма ориентирована на понятие текста. «Текстоцентрический» подход предполагает изучение текста как главного объекта не только филологического, но и всего гуманитарного знания. При этом важно учитывать, что семантическое пространство художественного текста дважды антропоцентрично: это «ментальное образование, в формировании которого участвует, во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора набор языковых знаков – слов, предложений, сложных синтаксических целых (виртуальное пространство); во-вторых, интерпретация текста читателем в процессе его восприятия (актуальное семантическое пространство)» [Бабенко 2004: 51-52] (см. также [Barthes 1961]).

Степень изученности проблемы. Вопрос о «неправильности», «неточности» языка Ф. М. Достоевского, «самого сложного и самого неоднозначного русского писателя и мыслителя» [Ружицкий 2015: 3], был поднят уже его современниками (см. обзор в [Ковач 2008a]). В «небрежности» (Д. С. Лихачев), с которой писатель относился к нормам языка, исследователи видят неповторимую оригинальность его стиля: «Язык Ф. М. Достоевского в его восприятии современным читателем часто

представляется трудным, малопонятным, иногда “небрежным”, но одновременно с этим обладающим какой-то особой и необъяснимой притягательной силой» [Ружицкий 2015: 3]. Различного рода «неправильностям» языка Достоевского посвящены многочисленные статьи и исследования [Лихачев 1984; Арутюнова 1999; Ковач 2008а; Ковач 2008б; Слово Достоевского 2014; Ружицкий 2015 и др.]. Однако системного изучения интенсификаторов и их аномальных сочетаний с ключевыми словами до сих пор не предпринималось.

Теоретико-методологическая основа исследования сложилась на основе:

- исследований, выполненных в рамках теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст» (И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского, И. И. Убина, И. В. Червенковой);

- исследований по семантике интенсивности и смежных языковых категорий, в т. ч. работы в русле концепции функциональной грамматики (А. В. Бондарко, Е. М. Вольф, Ю. Л. Воротникова, Е. М. Родионовой, И. И. Туранского);

- работ по теоретической семантике и интегральному описанию языка (Ю. Д. Апресяна, Анны А. Зализняк, Г. И. Кустовой, Е. В. Падучевой, исследовательской группы «Логический анализ языка»);

- работ, посвященных понятиям языковой личности и картины мира (Ю. Н. Караулова, В. И. Карасика, А. Д. Шмелева и др.);

- работ, посвященных языку Ф. М. Достоевского, в том числе классических трудов М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева и работ, связанных с составлением словаря языка Ф. М. Достоевского (Ю. Н. Караулова, И. В. Ружицкого, С. Н. Шепелевой и др.);

- классических трудов по языку художественного текста (В. В. Виноградова, В. П. Григорьева, Б. А. Ларина, Б. М. Эйхенбаума);

– работ по филологическому анализу текста, обосновывающих разные подходы к изучению художественного текста (Н. Г. Бабенко, Н. С. Болотновой, Н. А. Купиной, Н. А. Николиной, В. А. Пищальниковой).

Актуальность исследования обусловлена:

– необходимостью изучения постоянно пополняющегося корпуса средств выражения интенсивности, в том числе – механизмов образования интенсификаторов, которыми располагает язык и которые заложены в языковой способности говорящих;

– интересом современной лингвистики к аномальным явлениям предложения и текста, в том числе художественного. Аномальные явления художественного текста могут продемонстрировать потенциальные возможности языковой системы;

– важностью изучения идиостиля Ф. М. Достоевского.

Объектом исследования стали около 650 аномальных сочетаний интенсификаторов с опорными словами из текстов «больших романов» Ф. М. Достоевского.

Предмет исследования – типы аномальных сочетаний интенсификаторов с главными словами и механизмы их образования (1) как явление уникальной системы текста Ф. М. Достоевского, (2) как проявление потенциальных возможностей языковой системы, (3) как языковое проявление когнитивных процессов и механизмов.

Материал исследования – аномальные сочетания интенсификаторов с опорными словами, извлеченные методом сплошной выборки из текстов «больших романов» Ф. М. Достоевского: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»¹. Выражение «большие романы» принадлежит Льву Шестову [Шестов 1922: 190]. Иногда этот корпус текстов называют «великим пятикнижием» Достоевского [Дунаев 2002; Криницын 2001].

¹ Далее мы будем пользоваться следующими обозначениями: «Преступление и наказание» - ПН, «Идиот» - И, «Бесы» - Б, «Подросток» - П, «Братья Карамазовы» - БК.

Поиск языкового материала для сопоставления с материалом романов Достоевского был осуществлен в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ): в подкорпусе художественных художественных текстов второй половины XIX века и в подкорпус художественных текстов XX-XXI веков (тексты 1901–2017 годов).

Новизна исследования включает несколько аспектов:

– выявлены и описаны типы аномальных сочетаний интенсификаторов с опорными словами в романах Ф. М. Достоевского, которые, в отличие от других языковых нарушений, свойственных языку Ф. М. Достоевского, ранее специально не исследовались;

– аномальная сочетаемость интенсификаторов проанализирована: (а) с точки зрения общеязыковых механизмов возникновения аномальных сочетаний; (б) как важная особенность идиостиля Ф. М. Достоевского, (в) как языковое проявление когнитивных процессов и механизмов.

Цель исследования – описать характерные для языка Ф. М. Достоевского типы аномальных сочетаний и механизмы возникновения аномальной сочетаемости интенсификаторов с опорными словами (а) как явление уникальной системы языка Ф. М. Достоевского, (б) как проявление процессов, действующих в лексической системе общенационального языка.

Цель исследования была реализована через решение следующих **задач**:

1) выявить аномальные сочетания «интенсификатор+опорное слово» в текстах больших романов Ф. М. Достоевского;

2) определить характерные для языка Ф. М. Достоевского типы аномальных сочетаний;

3) описать механизмы возникновения аномальных сочетаний интенсификаторов с опорными словами на фоне общеязыковых механизмов сочетаемости;

4) охарактеризовать стилистические особенности аномальных сочетаний.

Дополнительно был проведен сравнительный анализ выявленных в «больших романах» аномальных сочетаний с данными корпуса художественных текстов второй половины XIX века и XX-XXI веков (текстов 1901–2017 годов).

Методы исследования. Кроме общенаучных методов наблюдения, сопоставления, описания в процессе работы использовались следующие специальные методы:

- семантический анализ значений слов и их взаимодействия в сочетании. Этапы анализа нестандартных словосочетаний: семантический анализ опорного слова с точки зрения возможности присоединения интенсификатора; семантический анализ интенсификатора – определение его типа и особенностей взаимодействия с семантикой опорного слова;

- метод лингвистического эксперимента – подстановка на место аномальных интенсификаторов, зафиксированных в текстах Достоевского, нормативных (узуальных) интенсификаторов данного опорного слова, извлеченных из НКРЯ, специальных словарей ([ТКС 2016], «Словаря русской идиоматики» [Словарь 2008]), а также из некоторых других словарных источников («нахождение нормативных словосочетаний» [Ковалевская 1986: 10]);

- анализ сочетаемостных норм и запретов, выявление типа нарушения в данном словосочетании с точки зрения общезыковых закономерностей лексической и семантической сочетаемости;

- контекстуальный и стилистический анализ значения слова.

Теоретическая значимость исследования заключается в описании типов и механизмов образования аномальных сочетаний интенсификаторов с опорными словами в языке Ф. М. Достоевского, результаты которого способствуют углублению представлений (1) о формальных и содержательных особенностях художественных текстов писателя, в частности – о характерных для языка Достоевского типах нарушений узуальной сочетаемости; (2) об аномальных явлениях художественной речи;

(3) об общеязыковых механизмах лексического и семантического взаимодействия, порождающих как расширение лексической сочетаемости слов и ее дальнейшую узуализацию, так и образование аномальных сочетаний слов.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов в лексикографической практике (например, для создания словаря слов со значением высокой степени, встречающихся в текстах Ф. М. Достоевского), а также в практике преподавания ряда филологических дисциплин (курсы по филологическому анализу текста, лингвопоэтике, стилистике, лексикологии, истории русского литературного языка, семантике, лексикографии).

Положения, выносимые на защиту:

1. Интенсификаторы, как правило, образуются от полнозначных признаков слов в результате десемантизации, так что семантический признак 'очень', 'высокая степень' становится основным компонентом их значения. Некоторые интенсификаторы по абстрактности значения и широте сочетаемости приближаются к грамматическим показателям; однако большинство интенсификаторов сохраняют внутреннюю форму (связь с исходным значением), которая во многом определяет их избирательную (ограниченную) сочетаемость с опорными словами.

2. На возможность употребления при данном опорном слове того или иного интенсификатора влияют 1) существующие в языке правила семантического взаимодействия компонентов словосочетания; 2) существующие ограничения лексической сочетаемости, нарушение которых, даже при отсутствии семантических запретов, может приводить к образованию аномального сочетания интенсификатора с опорным словом.

3. Общим механизмом возникновения аномальных сочетаний является нарушение семантических, лексических или прагматических ограничений в сочетаемости интенсификатора с опорным словом.

Конкретными механизмами, порождающими соответствующие типы аномальных сочетаний, являются:

- интенсификация неградуируемых признаков;
- тавтология;
- оксюморонные сочетания со значением противоположной оценки;
- различные виды замен, т. е. неидиоматичное выражение значения высокой степени при опорном слове: 1) употребление «общих» интенсификаторов на месте «специализированных»; 2) смещение интенсификатора к другому семантическому классу (например, от агентивных предикатов к неагентивным);
- синтаксические преобразования («перевешивание» интенсификатора, «совмещение» пропозиций, эллипсис).

4. В текстах Достоевского обнаруживаются устойчивые тенденции образования определенных типов аномальных сочетаний интенсификаторов и опорных слов, которые являются важными характеристиками художественного языка Ф. М. Достоевского.

5. Аномальная сочетаемость в языке и художественном тексте представляет собой амбивалентное явление. С одной стороны, аномальные сочетания в своей совокупности порождают авторские смыслы и коннотации текста, определяют особенность художественного языка и художественного мира писателя, его идиостиль. Аномальные сочетания (в числе других языковых средств) формируют язык писателя как особую систему. С другой стороны, аномальная сочетаемость в художественном тексте демонстрирует зависимость от системных языковых процессов, закономерностей развития общенационального языка и когнитивных механизмов сознания.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка словарных и библиографических источников, Приложений 1 и 2.

Достоверность результатов исследования обеспечена соответствием выбранных методов исследования особенностям изучаемого объекта и

репрезентативным языковым материалом: проанализировано около 650 аномальных словосочетаний из пяти «больших романов» Ф. М. Достоевского. Сравнение с общезыковой сочетаемостью интенсификаторов проводилось по данным «Национального корпуса русского языка»: подкорпус художественных текстов второй половины XIX века (1850-1900, 1 295 документов, 24 097 429 слов) и подкорпус художественных текстов XX-XXI веков (1901-2017, 6 247 документов, 91 651 083 слова).

Апробация исследования. Отдельные аспекты и результаты исследования:

(1) отражены в семи научных статьях, четыре из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ: 1) «Окказиональные интенсификаторы в языке Ф. М. Достоевского» (Преподаватель XXI век. – 2015. – №4 (Часть 2)); 2) «О некоторых закономерностях нестандартной сочетаемости интенсификаторов (На материале произведений Ф. М. Достоевского)» (Русский язык в школе. – 2016. – №1); 3) «“Совмещенные пропозиции” в языке произведений Ф. М. Достоевского» (Русский язык в школе. – 2016. – №11); 4) «Аномальная сочетаемость “общих” интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского» (Преподаватель XXI век. – 2016. – №3 (Часть 2)); 5) «“Неопределенность” значения слова в романах Ф. М. Достоевского (на примере лексемы *страх* в романе “Преступление и наказание”» (Научные труды молодых ученых-филологов. Выпуск X. – М.: Литера, 2011); 6) «Аномальная агентивность ситуации в языке Ф. М. Достоевского (о некоторых случаях окказиональной интенсификации)» (Русская литература и современные проблемы образования: материалы Международной научно-практической конференции. – Саратов: ИД «Марк», 2015); 7) «Нестандартная сочетаемость “экспериментальных контактных” интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского» (Русский язык и литература в образовательном

процессе: материалы Международной научно-практической конференции. – Саратов: ИД «Марк», 2016);

(2) были представлены в виде научных докладов на следующих конференциях: «Русская литература и современные проблемы образования» (СГЮА, г. Саратов, 2015, 2016 гг.), «Максимовские чтения» (МПГУ, г. Москва, 2017 г.), «XLVII Международная филологическая научная конференция Санкт-Петербургского государственного университета» (СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 2018 г.), обсуждались на заседаниях кафедры русского языка МПГУ и на семинарах аспирантского объединения.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Интенсификаторы как лексические средства выражения категории интенсивности

1.1. Интенсивность как категория языка

Смысловым содержанием языковой категории интенсивности является высокая степень проявления признака. В рамках теории функциональной грамматики интенсивность рассматривается как одно из проявлений семантики компаративности, которая «представляет собой синтез категорий качественности и количественности» [ТФГ 1996: 6, 107 и след.]. Компаративность соотносится с универсальной мыслительной категорией градации, отражающей «способность человеческого мышления расчленять происходящие с объектами качественные изменения на определенные отрезки, количественно характеризовать их и соотносить между собой» [Воротников 2011: 43, 63-64].

Семантической основой интенсивности является градуируемость: «значение степени выражается только при словах с качественной, количественной и оценочной семантикой, которые обозначают градуируемые признаки, и, вообще, при словах, значение которых моделируется шкалой» [Кустова 2011: 258]. Градуируемые признаки могут быть чрезвычайно разнообразны. Это не только качественные признаки, но и, например, «процессы, которые можно представить как движение по шкале (*увеличиваться, остывать*) <...> специфические внутренние состояния человека и их внешние проявления, которые тоже градуируются по шкале интенсивности, – *боль, дрожь, кашель, страх, радость* и т. п.» [Там же].

Типичным классом обозначений градуируемых признаков являются качественные прилагательные, значение которых соотносится со шкалой.

Относительные и притяжательные прилагательные обозначают неградуируемые признаки, вследствие чего у таких прилагательных, взятых в их прямом, исходном значении, отсутствует сочетаемость с интенсификаторами (**довольно каменный дом, *вполне морская рыба, *чрезвычайно лисья нора, *поразительно мой портфель*) и неупотребительны степени сравнения (*автомобильный – *автомобильнее, стиральный – *стиральнее*).

Однако для описания механизмов сочетаемости с интенсификаторами важно, что практически любой признак может быть представлен как «растяжимый», градуируемый, интенсифицируемый:

(1) *У тебя еще более каменное сердце, чем у него;*

(2) – *Понравился Ленинград? – Не. – А что так? – Больно каменный. У нас, в Архангельске, и то лучше. Вперемежку камень с деревом* (Ф. Абрамов, «Трава-мурава»);

(3) *Этот рисунок больше сестрин, чем мой, я его только чуть-чуть подправил* (примеры из [Воротников 2011: 83-86]).

Во всех перечисленных примерах в контексте интенсификаторов или показателей компаратива признак переосмысливается как градуируемый, а в самом прилагательном происходит семантический сдвиг в сторону качественного значения: (1) – качественная характеристика (метафорическое значение *каменный* – ‘злой, бесчувственный’); (2) – окказиональная (авторская) количественная характеристика (‘слишком много камня’), (3) – окказиональная (авторская) оценочно-прагматическая характеристика (измерение «объема» участия субъекта в создании объекта).

Все приведенные контексты являются в той или иной степени стилистически окрашенными и прагматически маркированными, в них даже таким чисто реляционным признакам, как ‘сестрин’ и ‘мой’, может приписываться градуируемость и количественная измеримость. Н. Д. Арутюнова описывает это явление как универсальную закономерность языка и мышления («Континуальность мира берет верх над попытками

представить его дискретно» [Арутюнова 1988: 233]), делая, однако, исключение для «собственно реляционных значений», выражающих отношение между предметами или понятиями (значения относительных прилагательных, притяжательных местоимений и др.). Для Ю. Л. Воротникова во всех прилагательных «заложен разрушительный для дискретности потенциал количественной растяжимости качества» – «качественная континуальность мира берет верх над его дискретной вещностью» [Воротников 2011: 91-92].

Суждения об интенсивности признака предполагают сравнение данного количества с некоторой величиной, принимаемой за норму, т. е. среднее, или «наиболее обычное количество признака в определенной ситуации» [Червенкова 1975: 34]. Относительно нормы выстраивается и шкала значений (и обозначений) некоторого признака, т. е., в терминологии Н. Д. Арутюновой, скалярно-антонимический комплекс – «объединение поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта (класса объектов) и разделенных градационной шкалой, в середине которой проходит ось симметрии, соответствующая норме признака. <...> В классическом виде скалярно-антонимический комплекс представлен количественными (размерными) прилагательными, относящимися к физическим свойствам объектов. Примерами могут послужить такие пары, как *большой – маленький, высокий – низкий, глубокий – мелкий*, указывающие на поляризованные значения, принимаемые соответствующими параметрами предмета» [Арутюнова 1988: 231-232]. Ряд подобных скалярно-антонимических комплексов «в авторском варианте» мы можем обнаружить в «Записках из подполья», где герой-«парадоксалист» противоречит сам себе, утверждая, что он «не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» [Достоевский Ф. М. ПСС: т. V, 100].

Сама норма «имеет слабый выход в лексику», вероятно, потому что «стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций» [Арутюнова 1988: 234-]

235]. Норма фиксируется либо в предельно обобщенных выражениях типа *средний, нормальный, обычный*, либо в названиях родов и видов объектов, которые указывают на их эссенциальные признаки.

Однако как некоторая точка отсчета норма в интенсифицирующих высказываниях обязательна. Норма устойчива, традиционна (поскольку объективизируется в процессе человеческой деятельности) и в некоторой степени абсолютна (т. к. антропоцентрична, «ориентирована на различные параметры человека как биологического и социального существа» [Воротников 2011: 113]). Однако она вариативна и может быть чрезвычайно подвижной. Например, для физических параметров предмета могут быть названы видовая норма, норма пропорции, норма ожидания, ситуативная норма (норма пригодности) [Арутюнова 1988: 239]. Ситуативная, или окказиональная, норма не имеет точного значения, она связана с прагматикой высказывания, субъективна, т. е. релятивна. Оказывая «существенное влияние на семантику параметрических или оценочных прилагательных», она «делает явной относительность их значения», а также вносит в понятие градации модальные значения необходимости и желательности [Арутюнова 1988: 242, 247].

Интенсивность – это языковая категория, отражающая грамматический смысл высокого уровня абстракции. Категория интенсивности реализуется на всех уровнях языка – от звукового аспекта речи до сложного синтаксического целого, – поэтому в рамках теории функциональной грамматики эта категория рассматривается как функционально-семантическое поле, центр которого образует морфологическая категория степеней сравнения [Бондарко 1996, Родионова 2005, Туранский 1990]. Однако в некоторых работах признается полицентризм поля интенсивности, т.е. выделяется два центра – грамматический и лексический [Ревенко 2004]. Исследования, целиком посвященные лексическим средствам интенсификации, позволяют заключить, что «средства лексического уровня занимают приоритетное положение в системе остальных средств языка, участвующих в выражении

семантики интенсивности, отличаются от них высокой продуктивностью, наибольшей многочисленностью и разнообразием в различных языках мира» [Бельская 2000: 6].

1.2. Интенсивность и смежные категории

Прагматическое содержание категории интенсивности

На фоне «родственных» семантических категорий – «меры признака» [Воротников 2011], «градуальности» [Колесникова 2010], «категории недискретного количества» [Беловольская 1999] категория интенсивности обнаруживает выраженную субъективную составляющую и тесную связь с языковой прагматикой: «Для категории интенсивности важнейшим становится прагматический аспект – субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения количества признака» [Родионова 2005: 156]. Прагматический характер категории интенсивности выражается во взаимодействии с категориями, отражающими индивидуальность говорящего, – экспрессивностью, оценкой, модальностью, эмфазой.

Разграничение логических и эмоциональных аспектов интенсивности восходит к Ш. Балли, который определил интенсивность как предельно «растяжимую» категорию, охватывающую разнообразные случаи языкового выражения количественных характеристик: от «чисто логических операций» – через переходные явления, где «трудно разобрать, что относится к логическому, а что к области чувств» – до «интенсивности эмоциональной окраски, или эмоциональной интенсивности», «бесспорные случаи» которой мы находим в фамиллярной речи [Балли 1961: 204-205]. По мнению Э. Сепира, эмоции составляют основу любых градуирующих суждений: «даже простые градуаторы “больше, чем” и “меньше, чем” связаны обычно в конкретном контексте с выражением определённых эмоций», поскольку то или иное выражение выбирается говорящим «в зависимости от желаемого

или нежелаемого увеличения или уменьшения количества» [Сепир 1985: 66-67].

Выделяя несколько видов количественной характеристики признака: точно измеренная величина – *скорость ветра 20 метров в секунду*; сравнительная величина – *ветер сильнее, чем вчера*; достаточная или чрезмерная величина с точки соответствия тем или иным внешним требованиям – *ветер слишком сильный, чтобы сегодня выходить в море*; предельно возможная величина – *абсолютно чистая страница*; существенная величина – величина признака, заметно превышающая обычную и поэтому существенная для человека – *очень сильный ветер* (ср. универсальный языковой смысл *очень* в теории семантических примитивов А. Вежбицкой), – Е. М. Родионова относит последний к ядру категории интенсивности на том основании, что он «отличается от других прежде всего ярко выраженной субъективностью» [Родионова 2005: 152-153]. Функция выражения эмоционального отношения говорящего к сообщаемому выходит на первый план в словосочетаниях типа *истинная правда*, при многократной интенсификации (*безумно ненавидеть*) или при сопоставлении выражений типа *немыслимо бурный поток* и *невероятно бурный поток* (последний пример из [Арутюнова 1988: 248]): такие выражения вряд ли обозначают реальные различия в градации признака.

Таким образом, интенсивность является производной, «с одной стороны, от категорий количественности и качественности, а с другой – от особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий “выделенность (релевантность)” и “выдвижение”» [Родионова 2005: 156]. Понятия «выделенности» и «релевантности» («существенности») основаны на представлении, что «в центре внутреннего мира каждого человека находится он сам, а мир воспринимается как межсубъективная действительность». Это «существенное» имеет различные способы языкового оформления [Кубрякова 1996: 22-25]. «Выдвижение» – это

«важность помещения на первый (передний) план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула или “ключа” в процессах языковой обработки информации» [Там же: 21]. Характерно, что термин «выдвижение» в трудах русской формальной школы и пражского лингвистического кружка обозначал «прием построения литературно-художественных и поэтических текстов» [Там же].

За «выделенность» слова в тексте могут отвечать «стилистическая сниженность или возвышенность, образность, оценочность, эмоциональность, интенсивность и др. «<...> интенсивность является одним из языковых средств повышения воздействующей силы языковых единиц» [Шейгал 1981: 3]. Интенсивность (имеющая, по мнению Е. И. Шейгал, объективную ономаσιологическую отнесенность) стоит здесь в одном ряду с прагматическими категориями, отражающими субъективный взгляд говорящего. Поэтому при исследовании интенсивности неизбежной становится характеристика интенсивности как «признака второй ступени» в отличие от квантификаторов и параметрических величин, которые «есть признаки первой ступени и могут выступать как непосредственные признаки вещей» [Шейгал 1981: 6]².

Таким образом, отражая высокую степень признаков, наблюдаемую во внеязыковой действительности, интенсивность одновременно является одним из многочисленных средств повышения экспрессии высказывания, текста. Для интенсивности важен перлокутивный эффект, это семантическая категория прагматического характера, который и отличает ее от таких категорий, как мера признака и градуальность.

Как мера экспрессивности интенсивность рассматривается в монографии И. И. Туранского [Туранский 1990]: если «интенсивность как ономаσιологическая категория называет объективную количественную определенность признака (меньше нормы – норма – больше нормы)», то интенсивность как понятие экспрессивной стилистики «отражает

² Ср. «теорию трех рангов» О. Есперсена [Есперсен 2002].

субъективное восприятие степени выраженности признака» [Туранский 1990: 19]. Для И. И. Туранского интенсивность – это «мера экспансивности личности говорящего», «показатель его речевого темперамента» [Туранский 1990: 25].

Семантика усилительных средств имеет также «градуальную модальную рамку, представляющую собой мерительное отношение говорящего субъекта» [Колесникова 2010: 252-253]. Категорию интенсивности и категорию модальности объединяет семантический компонент 'отношение'. С точки зрения И. В. Червенковой, модальность субъекта в значении показателей высокой степени включает не только отношение к количеству признака (субъективную оценку меры признака – 'считаю, что...'), но «также отношение говорящего к предполагаемому (или высказанному) мнению собеседника по поводу сообщаемого, а именно направленность против иной оценки меры признака – как большей или меньшей» – в этом случае модальность говорящего «заключается в полемической направленности против модальности адресата и имеет эмфатический характер, имплицитно двойное отрицание: 'не считай, что не...'» – таким образом, модальная рамка интенсификатора может быть представлена следующим образом: «“говорящий считает, что N, и не хочет, чтобы слушающий думал, что не N (что говорящий преувеличивает)”, где N – признак с указанием его меры» [Червенкова 1975: 9, 15-16].

В тексте интенсивность может функционально не отграничиваться от эмфазы, связываясь с актуальным членением предложения, со способами утяжеления коммуникативного веса отдельных компонентов высказывания [Туранский 1990: 123]. Например, эмфатическую функцию имеет интенсификатор в следующем контексте: *Ах, как кстати: здесь в городе и около бродит теперь один Федька Каторжный, беглый из Сибири, представьте, мой бывший дворовый человек, которого папаша лет пятнадцать тому в солдаты упёк и деньги взял. **Очень** замечательная личность* (Б). Однако категория интенсивности имеет и свое собственное

содержание, в то время как «понятие эмфазы релевантно только для речевого акта, она может быть придана языковой единице только при её функционировании» [Неверова 1997: 9].

В некоторых аспектах категория интенсивности сближается с категорией оценки. Общность категорий интенсивности и оценки проявляется в наличии абстрактной шкалы, представления о норме и присутствии интерпретирующего субъекта, т. е. необходимом наличии «деятельной работы сознания, умственного акта» (Т. В. Маркелова, цит. по [Бельская 2000: 73]). Однако если интенсивность предполагает шкалу количества признака, то категория оценки опирается на ценностную шкалу и осмысливается «как положительная или отрицательная характеристика объекта, обусловленная признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям» [Бельская 2000: 72].

Таким образом, интенсивность сближается с категориями градуальности, меры признака, поскольку отражает реально существующие различия в степени признаков предметов и явлений, однако определяющими являются те аспекты ее содержания, которые отражают субъективность и индивидуальность говорящего – прагматический характер, связь с категорией экспрессивности, эмфатические, модальные и оценочные элементы значения. Поэтому средства выражения интенсивности представляются важным материалом для характеристики языковой личности автора текста.

1.3. Семантические типы интенсификаторов

Как уже говорилось выше, интенсификаторы присоединяются к словам с качественно-количественным и оценочным значением, которое моделируется шкалой. Прежде всего, это качественные прилагательные, наречия и предикативы, а также соотносительные с ними глаголы

(*увеличиваться, остывать*) и существительные (*холод, жара*). Важным источником интенсифицируемых признаков и ситуаций является сам человек: он не только воспринимает как градуируемые внешние признаки и ситуации, градуируемыми являются самые разные ситуации, где он является непосредственным участником, наблюдателем или субъектом оценки: внутренние состояния и переживания и их внешние проявления: *острая боль, неудержимый смех, глубокая печаль*; динамические ситуации (градуируются усилия, энергетические затраты, ср. *плясать до упаду*), воздействие на объекты внешнего мира и на других людей (*сильно ударить*), речь (*горячо спорили, очень прошу*), оценка (*ужасный негодяй; страшный переполох*).

При этом надо иметь в виду, что какая-либо ситуация – например, ментальное состояние (пропозициональная установка) – может быть и неградуируемой, но она включает аспекты, которые подлежат градуированию (подробнее см. ниже). Например, в сочетании *исчерпывающе охарактеризовал* интенсификатор (количественная характеристика) относится не к речевому действию *охарактеризовать*, а к объему информации, в сочетании *горячо спорил* интенсификатор относится не к содержанию речевого акта ('о чем спорил'), а к возбужденному состоянию субъекта ('горячился', см. [Кустова 2014]). При этом типы шкалы различаются, и каждому типу соответствует свой тип интенсификаторов.

Первый тип интенсификаторов мы, вслед за [Кустова 2017a], будем называть непредельными. Они соотносятся со шкалой, которая определяется понятием нормы, введенным в [Сепир 1985] и развитом в ряде работ Ю. Д. Апресяна [Апресян 1974 / 1995; НОСС 2004]. В [НОСС 2004] на шкалах «степени – интенсивности – количества» выделяются «три основные точки: малый полюс, норма и большой полюс» [НОСС 2004: 747], между которым распределяются все называющие данное свойство лексемы, ср., например: *боязнь – страх – ужас* [НОСС 2004: 1109-1110]. Наречия степени также распределяются между этими тремя областями: «меньше

нормы (ср. *немного, мало; еле, едва, чуть, слегка; слабо* и т. п.), норма (ср. *достаточно, довольно*), больше нормы (ср. *очень, предельно, крайне, совершенно*)» [НОСС 2004: 747].

Соответствующим образом толкуются прилагательные, которые обозначают шкалу, где точкой отсчета является норма: *высокий* – ‘больше нормы высоты’; *низкий* – ‘меньше нормы высоты’, см. [Апресян 1974 / 1995: 66–67]. Такие прилагательные относятся к большому или малому полюсу шкалы и сочетаются с показателями большой, малой, достаточной, чрезмерной степени: *очень высокий, довольно высокий, слишком низкий* и т. п.

К неопредельным интенсификаторам мы будем относить показатели высокой степени: *очень, ужасно, чрезвычайно, весьма* и др. – и показатели чрезмерной (избыточной) степени *слишком, чересчур, чрезмерно* и др. Чрезмерная (избыточная) степень признака – это несоответствие какому-либо требуемому значению с точки зрения субъекта оценки, ср. *слишком холодный*. Как правило, такие сочетания обозначают нежелательно высокую степень признака, не соответствующую каким-то прагматическим ожиданиям говорящего.

Другие прилагательные соотносятся со шкалой наличия или отсутствия признака: такая шкала обозначает увеличение признака от нуля или его убывание до нуля (предела); точкой отсчета является предел (нуль признака), ср. *сухой* – ‘не содержащий нисколько влаги’ – в отличие от *влажный, мокрый* – ‘содержащий какое-то количество влаги’. Прилагательные, обозначающие наличие признака, сочетаются с теми же показателями степени, что и прилагательные типа *высокий-низкий*: *довольно / очень / слишком влажный*, а также с показателями отклонения количества признака от нуля: *слегка влажный*. (см. [Кустова 2018]). Прилагательные, обозначающие нуль (предел) признака, не сочетаются с показателями степени, поскольку нуль не градуируется (как отмечается в [Червенкова 1975: 25], «только названия неточечных признаков обладают

средствами выражения градации»), но сочетаются с показателями предела *совершенно, абсолютно, полностью* и приближения к пределу *почти* (*совершенно сухой; почти сухой; абсолютно точный / безразличный / равноправный; совершенно здоровый / трезвый / чистый / безнадежный / неинтересный*) (прилагательные типа *пустой, глухой* и др. остаются качественными и связаны с идеей градуируемости, т. к. обозначают нулевую точку на шкале *градуируемого* признака).

Надо отметить, что предельные интенсификаторы могут обозначать как настоящий предел (*совершенно спокоен*), так и прагматический предел, т. е. прагматическую оценку (мнение) говорящего, что признак достиг «крайнего», максимального значения., которое дальше изменяться не может: *совершенно удивительно, абсолютно искренний / беспомощный* (см. [Куцова 2018]).

Особое место среди показателей предела занимает квазипредельное наречие *совсем*, которое означает, что признак достиг такого значения, которое дальше уменьшаться не может. *Совсем* сочетается не только с прилагательными, обозначающими нулевое значение признака (*совсем пустой, совсем новый*), но и с прилагательными малого полюса, если говорящий прагматически оценивает какое-то значение признака как крайнее, ср. *совсем низкий, совсем маленький* (таким образом, при одном и том же прилагательном, в зависимости от интерпретации, возможны и показатели предела, и показатели высокой степени), ср.: *очень низкий – совсем низкий; ужасно неинтересный – совсем неинтересный; очень дешевый – совсем дешевый* (см. [Куцова 2018]).

ПРИМЕЧАНИЕ. В [НОСС 2004] среди интенсификаторов, указывающих на большой полюс шкалы признака, выделяются обозначения очень высокой степени (*очень, весьма, сильно, ужасно, крайне, предельно* и т. п.) и наречия предела и полноты (*совсем, совершенно, абсолютно; полностью*) [НОСС 2004: 747]. Это разграничение связывается со свойствами интенсифицируемых признаков: наречия высокой степени выражают высокую степень неопредельных признаков, наречия предела и полноты – высокую

(предельную) степень предельных признаков. В [Апресян 1995 т. II: 44] предельным названо «прилагательное, обозначающее такое градуируемое свойство, которое имеет максимальную степень (предел)», предел – это та точка, где перестает действовать шкала соответствующего признака. В отличие от предельного, непредельное качественное прилагательное «обозначает такое градуируемое свойство, которое не имеет максимальной степени (ср. *длинный, высокий, глубокий, далекий*)» [Апресян 1995 т. II: 44]. К предельным в [Апресян 1974 / 1995; Апресян 1995 т. II: 44] отнесены прилагательные малого полюса шкалы типа *низкий, тонкий*, а также прилагательные формы и цвета (*квадратный, красный*) и оценки (*хороший, плохой*), при этом интенсификаторы *совсем, совершенно, абсолютно* называются наречиями полной степени признака. Мы будем использовать терминологию из работы [Кустова 2018], т. е. различать семантический предел и прагматический предел. Под семантическим пределом мы будем понимать не максимальное, а нулевое значение признака, под прагматическим пределом – максимальное – с точки зрения говорящего, субъекта оценки – значение признака.

Таким образом, мы будем различать непредельные интенсификаторы группы *очень*, к которым примыкают показатели избыточной степени типа *слишком*, и предельные интенсификаторы группы *совершенно* (с учетом особого статуса наречия *совсем*). Кроме этого основного противопоставления существуют еще показатели, которые можно назвать компаративными, – *значительно, гораздо, намного*: они сочетаются с компаративами, а также с глаголами, в толкование которых входит компаратив, ср. *X стал значительно / гораздо / намного шире; X значительно расширился* = ‘стал значительно шире’. Из этой группы для нас наибольший интерес представляет показатель *значительно*.

1.4. Семантическая несамостоятельность (идиоматичность) и ограниченная сочетаемость интенсификаторов

В работе [Шейгал 1981] предпринята попытка выявить специфику интенсификаторов на фоне другого типа слов со значением высокой степени

– интенсификатов (аналогичное употребление термина «интенсификатор» см., например, в работах [Вольф 2002; Литвинова 2002; Родионова 2005]).

В рамках данного противопоставления интенсификаторами, ср. *очень (интересный)*, *ужасно (неприятный)*, названы «слова-усилители, <...> семантика которых полностью ориентирована на передачу значения интенсивности. Эти единицы семантически не самодостаточны, а предназначены для усиления признака, выраженного другими словами», – в то время как интенсификаты – это слова, «которые непосредственно своей семантикой и называют какой-либо признак, и содержат указание на высокую степень наличия данного признака» [Шейгал 1981: 5], ср. *захватывающий*, *отвратительный* (в исследовании Е. И. Шейгал, рассматривается материал английского языка: *very*, *extremely*, *awfully* (interesting) и *adore* = like very much, *absorbing* = very interesting) [Там же]³ (аналогичное противопоставление интенсификаторов (*очень красивый*, *безумно плохой*) и интенсификатов (*великолепный*, *чудовищный*, *шквал*, *триумф*) проводится в работе [Родионова 2005: 159-160]).

Рассматривая семантический компонент интенсивности в структуре значения слова-интенсификата, Е. И. Шейгал отмечает, что при внутренней интенсификации – например, у интенсификата *absorbing* ('very interesting') – «соотношение номинации и дейксиса у ядерного компонента *interesting* и внутреннего интенсификатора *very* такое же, как у соответствующих лексем в словосочетании *very interesting*, с той разницей, что в данном случае это соотношение скрыто в семантике слова» [Шейгал 1981: 7], т. е. интенсификаторы в сочетании с опорными компонентами с признаковым значением и интенсификаты – это два способа выражения одного значения, различие «заключается в статусе компонента интенсивности в структуре их значения. Если у слов-усилителей компонент интенсивности является ядерным, и он практически исчерпывает денотативный аспект значения

³ Отметим, что в работах, посвященных категории интенсивности, в понятия «интенсификатор», «интенсив» может вкладываться разный смысл, см., например, [Неверова 1997] или [Савостина 2013].

интенсивов, то в структуре значения интенсификатов он занимает подчиненное положение, являясь конкретизатором ядерного компонента» [Шейгал 1981: 13]. Поэтому интенсификаторы как лексико-синтаксический, аналитический способ выражения интенсивности характеризуются «семантической “несамостоятельностью”» [Там же]. В этом смысле показатели степени можно считать грамматикализованными лексемами, аналогичными словообразовательным и грамматическим средствам выражения интенсивности (для русского языка таким средством являются, например, суффиксы *-айш-* / *-ейш-* или приставка *наи-*). Следует добавить также, что интенсификаторы являются не только семантически, но и синтаксически несамостоятельными, т. к. всегда распространяют опорное слово.

С семантической несамостоятельностью интенсификаторов тесно связано такое их свойство, как идиоматичность.

Лишь очень небольшое количество интенсификаторов, как отмечается в [Родионова 2005: 159], можно считать универсальными – это «наиболее употребительный и не отягощенный никакими другими семантическими компонентами интенсификатор *очень* и его “ближайшие родственники” – *сильно, сильный, большой, весьма* и т. п.». Эти интенсификаторы имеют наиболее широкую сочетаемость и наименьшее количество сочетаемостных ограничений. Значения остальных интенсификаторов являются в большей или меньшей степени идиоматичными (фразеологически связанными) и имеют более узкую или очень узкую (ср. *закадычный друг, проливной дождь, гробовая тишина*) сочетаемость. Такие сочетания являются коллокациями.

Коллокации – это «слабоидиоматичные фразеологизмы преимущественно со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент (база) употреблен в своем прямом значении, а сочетаемость со вспомогательным компонентом (коллокатом) может быть задана в терминах семантического класса, но выбор конкретного слова предопределен узусом» [Баранов, Добровольский 2012: 20]. В классификации

В. В. Виноградова коллокациям соответствуют фразеологические сочетания – выражения типа *принимать меры, одержать победу*, в которых одно слово употреблено в прямом значении, а другое – во фразеологически связанном [Виноградов 1977].

Интенсивность «регулярно выражается в языке при помощи фразеологизованных конструкций, называемых *коллокациями*»⁴ [Polguère 1998: 18]. Наиболее системное описание интенсификаторов и других «универсальных» смыслов, выражаемых идиоматично, было предпринято авторами модели «Смысл↔Текст».

В модели «Смысл↔Текст» (МСТ) интенсификаторы рассматриваются как один из лексических параметров, т. е. одна из разновидностей лексических функций [Апресян 1974 / 1995; Жолковский, Мельчук 1965; Жолковский, Мельчук 1967; Мельчук 1999; Мельчук 2012 и др.]. Под лексическим параметром понимается «абстрактное, типовое значение, которое, подобно грамматическому, выражается при достаточно большом числе слов; однако, в отличие от грамматического значения, при разных словах оно выражается очень различными средствами, причем способ его выражения зависит от того, при каком именно слове оно выражается. Таким образом, понятие лексического параметра развивает <...> идею об идиоматичных, лексически обусловленных (иногда – дополнительно распределенных) вариантах выражения одного и того же значения при разных словах <...>» [Апресян 1974 / 1995: 45].

Смысловые отношения между интенсификаторами и главными (опорными) словами были формализованы в МСТ в виде лексического параметра *Magn* ('очень', 'высокая степень'). Значение этого параметра, т. е. конкретные лексемы, выражающие смысл 'очень' при конкретном слове, должны записываться в словарной статье этого слова: *Magn(брюнет) = жгучий*, *Magn(дурак) = круглый*, *Magn(ошибка) = грубая*, *Magn(тишина) =*

⁴ "<...> l'intensification est couramment exprimée en langue au moyen de constructions semi-idiomatiques, appelées *collocations*." (фр.)

гробовая, Magn(*тьма*) = *крошечная*, Magn(*дисциплина*) = *железная*, Magn(*знать*) = *досконально*, Magn(*спать*) = *крепко*, Magn(*ранить*) = *тяжело*, Magn(*белый*) = *ослепительно*, Magn(*круглый*) = *идеально*, Magn(*здоровый*) = *абсолютно* [Апресян 1974 / 1995: 45]; Magn(*опыт*) = *богатый*; Magn(*болезнь*) = *тяжелая*; Magn(*давление*) = *сильное*; Magn(*наказание*) = *суровое*; Magn(*изменение*) = *коренное*; Magn(*зависть*) = *острая*; Magn(*гнев*) = *яростный*; Magn(*пример*) = *убедительный, яркий*; Magn(*уважение*) = *глубокое*; Magn(*уверенность*) = *твердая*; Magn(*сопротивление*) = *упорное*; Magn(*прием*) = *горячий* [Жолковский, Мельчук 1965: 25]. Этот подход авторов МСТ к описанию языковых единиц реализован в «Толково-комбинаторном словаре» [ТКС 2016], где при каждом ключевом слове дается список возможных значений функции Magn, например: ОШИБКА 1 (*орфографическая ошибка*) – Magn: *грубая*; ОШИБКА 2 [*промах в поведении*] – Magn: *грубая, серьезная < неоправимая, трагическая* [Мельчук 2012: 116]; *победа1* (*победы Наполеона*) – Magn: *внушительная, значительная, решительная, убедительная < крупная < блестящая, блистательная; с большим перевесом; понимать1* (*Он интуитивно понимает ситуацию*) – Magn: *ясно, отчетливо, во всех деталях (подробностях), в полном объеме, полностью, до конца, вполне* [ТКС 2016: 356, 371].

Таким образом, интенсификаторы в МСТ описаны как параметры, значения (т. е. средства выражения) которых «синтагматически комбинируются в тексте с ключевым словом (*проливной дождь*), а лексические усилители типа *absorbing / захватывающий* («интенсификаты» в терминологии Е. И. Шейгал) описаны как результат «склеивания» значения параметра с самим i_0 в одно слово: *проливной дождь = ливень* [Жолковский, Мельчук 1967: 187]. Смысл Magn может также совмещаться в одном слове с другими лексическими функциями – синтагматически, например (Func₀ + Magn) = *бушевал (шторм)* (т. е. типичное «действие» подлежащего + ‘очень’, ‘высокая степень’) или парадигматически, например,

Magn=Bon=Ver(*алиби*) = *железное / надежное*» (т. е. ‘хороший’, стандартная похвала + ‘такой, как следует’, удовлетворяющий стандартным требованиям + ‘очень’, ‘высокая степень’) (примеры из [Апресян 2008]).

У разных интенсификаторов может быть разная степень усиления признака: ср. *дождь сильный* < *проливной, как из ведра; отчаяние глубокое, глухое* < *страшное* [Мельчук 2012: 70; ТКС 2016: 329]. Но классификацию интенсификаторов по степени следует признать затруднительной ввиду большой прагматизированности их значений (см. об этом также в разделе 2 главы 1): «Шкала интенсивности существует в сознании всех участников акта коммуникации. Разметка на этой шкале субъективна, так как находится в зависимости от восприятия и языкового опыта говорящего» [Неверова 1997: 7; см. также Арутюнова 1988]. Значение ‘степень интенсивности’ следует скорее признать неопределимым: «Интенсификаторы составляют длинные, слабо организованные ряды из единиц, соотнесенных друг с другом неопределенным образом» [Вольф 2002: 45].

В ранних работах представителей МСТ подчеркивалась фразеологическая связанность и «словарность» лексических функций, но постепенно акцент сместился на их семантическую мотивированность (т. е. семантически мотивированную сочетаемость) [Кустова 2011: 257]. В материале, который раньше трактовался как «ограниченная лексическая сочетаемость, т. е. наличие прихотливых ограничений на возможные комбинации слов» [Мельчук 2012: 69], было обнаружено соответствие лексических функций значениям главных слов⁵ [Mel'čuk 1997: 24–25].

Описание правил сочетаемости семантических элементов («правила семемотактики») значения лексической функции Magn и ключевого слова было предложено в рамках терминологического аппарата МСТ в работе [Убин 1974а / Убин 1974б]. В ходе эксперимента фиксировалась реакция

⁵ “<...> la décomposition sémantique et les FL d'une même lexie entretiennent des liens très étroits <...> à une FL donnée de la lexie L, c'est-à-dire à f(L), il doit correspondre une composante sémantique particulière (σ) dans la définition lexicographique de L ; le sens de la valeur de cette FL, (f(L)), porte sur (σ). Cette correspondance permet d'étayer les décisions prises par le linguiste concernant le sens et la cooccurrence de L..” (фр.)

носителей языка на сочетания слов-усилителей с ключевыми словами. На материале русского и английского языков исследователь выявляет:

(1) те правила семемотактики, которые реализуются на исследованном материале. Например, на материале русского языка реализуются правила ‘время’ → ‘глубина’ (*глубокий старик*), ‘действие’ → ‘активность’ (*бурные аплодисменты*);

(2) множества «однотипных» правил, которые отражают сочетаемость определенных семантических классов интенсификаторов (слов-усилителей), например ‘чувство’ → ‘размер’, ‘результат’ → ‘размер’ (СЭ_i → ‘размер’) (*огромное восхищение, огромное возмущение; большой успех, грандиозный успех*), а также СЭ_i → ‘активность’, СЭ_i → ‘длительность’, СЭ_i → ‘глубина’, СЭ_i → ‘высота’, СЭ_i → ‘ширина’ и др.;

(3) те правила, которые на исследованном материале не реализуются. Количество возможных для того или иного множества, но не реализованных в условиях эксперимента правил, отражает степень ограничения сочетаемости классов слов-усилителей. Например, на русском материале правило ‘состояние’ → ‘размер’ оказалось запрещенным, а отсутствие в исследуемом материале сочетаний **большие аплодисменты, *огромный бег* позволяет предположить, что семантические элементы ‘величина’ и ‘действие’, ‘движение’ «при выражении языкового усиления непосредственно не сочетаются» [Убин 1974б: 71, 175].

Следовательно, правила лексической сочетаемости, т. е. «правила лексемотактики, определяющие сочетаемость реальных слов» зависят от правил сочетаемости семантических элементов в значениях этих слов [Убин 1974б: 172]. По нереализованным (запрещенным) семантическим правилам образуются словосочетания аномальные, неосмысленные, например: ‘время’ → ‘размер’ – **колоссальная старина, *гигантская древность, *крупная старина, *огромная старость*.

Однако на семантическую сочетаемость слов влияют также норма (узус), эмоциональная и стилистическая окраска слов. Например, по правилу

‘чувство’ → ‘размер’ образуются словосочетания *огромное возмущение*, *огромная ненависть*, но не **крупное возмущение*, **большая ненависть*. По правилу ‘время’ → ‘глубина’, ‘явление природы’ → ‘глубина’ образуются сочетания *глубокий старик*, *глубокая зима*, но не **глубокая старуха*, **глубокая весна*. В данном случае правило семантической сочетаемости ограничено правилами лексической (идиоматической) сочетаемости, узусом.

Согласно [Убин 1974а / Убин 1974б], эмоциональные и стилистические элементы смысла могут влиять на сочетаемость как в сторону ее ограничения, например, **прожженный театрал* (*прожженный* выражает отрицательную оценку и негативное эмоциональное отношение, ср. *завзятый театрал*), так и в сторону расширения (об этом также см. ниже, раздел 2 главы 1).

Таким образом, для интенсификаторов характерна лексически ограниченная (узуальная, идиоматическая) и семантически мотивированная сочетаемость одновременно. На правила идиоматической и семантической сочетаемости также влияют стилистические и эмоциональные аспекты значения интенсификаторов и опорных слов.

1.5. Семантическая мотивированность интенсификаторов и семантические механизмы их образования

Уже в одной из первых отечественных работ [Сергеева 1967: 4], где использовалось понятие интенсивности, лексические средства усиления связывались с «дополнительными эмоциональными наслоениями» и характеризовались как «преимущественно изобразительные и аффективно-экспрессивные». Среди них, как отмечает автор, «господствующее положение занимают образные фразеологизмы и эмоциональные имена прилагательные с ослабленным качественным значением» [Там же]. Е. Н. Сергеева так охарактеризовала процесс семантического развития слова-интенсификатора: постоянно употребляясь в речи, оно постепенно теряет

связь с первоначальным качественным значением и образные смыслы, в конце этого пути остается только значение интенсивности ‘очень, высокая степень’ [Сергеева 1967: 5].

Как было показано в последующих исследованиях, ср. [Апресян 2004; Бельская 2000; Кустова 2004; Кустова 2011; Телия 1986], 1) полной утраты исходного значения в интенсификаторах всё же не происходит; 2) постоянное употребление снижает степень экспрессивности интенсификаторов именно потому, что приводит к стиранию образно-ассоциативных смыслов; 3) требуется постоянное пополнение лексических средств интенсивности, для того чтобы они сохраняли свою образность и экспрессивность.

Значение высокой степени является результатом семантического упрощения, опустошения значения лексической единицы в процессе ее семантической эволюции: «у многих качественных слов конечным пунктом, последней стадией семантического развития оказывается степенное значение (в конце своего “жизненного пути” слово становится Magn’ом)» [Кустова 2011: 264]: *отчаянный шаг* ‘в котором выразилось отчаяние, совершенный от отчаяния’ – *отчаянный крик* ‘в котором выражается отчаяние + Magn’ – *отчаянная нужда* ‘Magn’ [Кустова 2011: 264]; ср. также *страшная жара, жуткий холод, острая необходимость, серьезное нарушение, широкое распространение, сильно запылился, больно умный* и т. п. Однако «большинство этих лексикализованных сочетаний не полностью “выветрены”, они семантически мотивированы, хотя и несвободны» [Кустова 2004: 303]. Как правило, они сохраняют связь с прототипической ситуацией (см. [Кустова 2004: 12, 281-282]) и яркую внутреннюю форму, которые определяют частную специфику значения и особенности сочетаемости интенсификатора. Даже интенсификаторы с очень широкой сочетаемостью сохраняют «память» о своей внутренней форме, например, нормально ужасная температура, но не нормально

Он пользуется ужасным уважением (т. е. 'очень большим') [Кустова 2011: 265].

Исследование внутренней формы интенсификатора и его коннотативного потенциала, семантических признаков, мотивирующих значение высокой степени, занимает важное место в диссертации И. Г. Беручашвили, где отмечается, что интенсификаторам свойственны «стилистические коннотативные признаки: образность, эмоциональность, оценочность, обуславливающие их экспрессивность» [Беручашвили 1986а: 8-9]. Диссертационное исследование [Бельская 2000] показало, что «практически все лексические единицы, характеризующиеся свойством интенсивности, обладают и свойством мотивированности <...>» [Бельская 2000: 71], и в основе обоих свойств лежит внутренняя форма [Бельская 2000: 70].

В [Телия 1986] «смысловая внутренняя форма» рассматривается как «мотивирующее основание коннотации» и «основной прием создания экспрессивной окраски» [Телия 1986: 66]. Как «мотивирующий признак вторичных наименований» внутренняя форма составляет основу эпидигматики слова, сохраняя его синхронное и историческое тождество, способствуя его идиоматичности и определяя своеобразие лексической семантики слова» [Телия 1986: 67-68]. В [Шмелев 2009: 82, 86] отмечается, что внутренняя форма играет важную роль в «расширении» сочетаемостных возможностей в аномальных контекстах (в том числе, очевидно, и в образовании интенсификаторов). Внутренняя форма как «мотивирующий признак, оставивший о себе память в прямом значении слова», выступает как «ассоциативно-образное средство» при формировании «экспрессивно-окрашенных значений слов», прежде всего — метафорических [Телия 1986: 67-68].

В [Кустова 2011: 263] подчеркивается, что в образовании интенсификаторов большую роль играют не только метафорические

когнитивные механизмы, основанные на аналогии, но и метонимические, основанные на связи, смежности явлений и ситуаций.

Среди интенсификаторов, построенных по аналогии, есть собственно метафорические (*безграничный, мощный*) и компаративные (*ослиное упрямство* = как у осла, а у осла большое, *рабская покорность* = как у раба, а у раба – большая). В то же время одним из ведущих механизмов в образовании интенсификаторов является метонимия: большинство интенсификаторов – «это результат всеохватных и всепроникающих метонимических сдвигов» [Кустова 2011: 260], поэтому именно этот класс интенсификаторов является самым многочисленным. Среди метонимических интенсификаторов выделяются субъектные (переносят характеристику субъекта на ситуацию – *активное участие, азартный спор*) и имплицативные. Последние характеризуют «высокую степень через ее импликацию, следствие» [Кустова 2011: 263].

Выделяются следующие имплицативные модели: 1) ‘Степень Р так высока, что вызывает следствие R’ – имплицативная модель эмоциональной реакции, где «действует не совсем обычная логика метонимического переноса», поскольку «обычно метонимический сдвиг происходит с некоторой исходной ситуации на её последствие, на её результат», а «в имплицативной модели эмоциональной реакции (на качество или на количество) характеристика следствия метонимически переносится “обратно”, на причину, – так устроены, например, каузативные прилагательные эмоциональной реакции типа *удивительный (впечатляющий, потрясающий* и т. п.)», т. е. «имплицативно-метонимическая модель действует как бы в две стороны: сначала сама реакция является следствием, импликацией высокой степени: ‘такая степень Р, что удивляет’. А потом эта реакция Экспериенцера в виде прилагательного метонимически переносится на признак: *удивительный* Р (и приобретает значение ‘большой’,

‘удивительный по величине’» [Кустова 2011: 263-264]⁶; 2) ‘Степень Р такова, что невозможно R’ – отрицательно-модальная имплицативная модель (*невыразимый, неопиcуемый, невообразимый, немыслимый, неисчерпаемый, нестерпимый, непоколебимый, непобедимый, неудержимый*) [Кустова 2011: 264]: ‘такая высокая степень Р, что невозможно выразить, описать, терпеть и т.д.’.

При этом при образовании интенсификаторов нередко наблюдается совместное действие механизмов аналогии и метонимического смещения. Так, например, «в основе самых разных случаев распространения идеи тяжести на внутреннюю сферу человека и воздействующие на него внешние факторы лежит аналогия с эффектом воздействия реальной тяжести»: *тяжелый чемодан → тяжелый подъем → тяжелое похмелье* [Кустова 2004: 303, 307]. Но в то же время присвоение экспериенциального признака ‘тяжело’ различным ситуациям осуществляется на основе СВЯЗИ (ПРОЕКЦИЯ экспериенциального предикатива в различные сферы существования человека) [Кустова 2004: 307].

Анализируя интенсификаторы в литературных произведениях на английском языке, И. Г. Беручашвили [Беручашвили 1986а; Беручашвили 1986б] приходит к выводу, что только интенсификаторы с явно ощущаемой внутренней формой, сохранившие связь с прямым вещественным значением, обладают экспрессивностью, образностью, оценочностью – т. е. выразительностью, необходимыми для их употребления в художественном тексте [Беручашвили 1986а: 18-19]. Поэтому художественный текст является языковой средой, в которой (1) «совершается круговорот становления новых», (2) «обновления старых, системных интенсификаторов» [Беручашвили 1986а: 13].

И. Г. Беручашвили выделены три способа в образовании новых, асистемных интенсификаторов, интенсификаторов-окказионализмов:

⁶ Экспериенцер – одна из семантических ролей: «одушевленный инактивный участник ситуации, “испытывающий” нечто» [Zaliznjak 1992: 31].

«принцип аналогии, тавтологическое повторение одинаковых семантических признаков в членах синтагмы и образное переосмысление признака; они, как правило, находятся во взаимодействии, порождая смешанные случаи» (*smoldering rage* ‘тлеющая ярость’, *fierce joy* ‘ожесточенная радость’; *a kind of gangrened insensitiveness* ‘своего рода гангренозная нечувствительность’; *the phoenix and unicorn of passions* ‘феникс и единорог страстей’, *a whirlwind charm* ‘вихревое очарование») [Беручашвили 1986а: 13; Беручашвили 1986б: 98-122] и несколько способов «оживления» старых системных интенсификаторов в художественном тексте, среди которых отметим те, что выделены в настоящей работе для языка Ф. М. Достоевского: лексический и синонимический повтор (*How utterly, utterly, utterly detestable you are!* – ‘совершенно отвратительный’, S. Maugham) и нарушение норм сочетаемости интенсификаторов (*absolutely Carnaby Street, extremely married* ‘слишком женат’, *abnormally sane* ‘ненормально нормальный [в своем уме]’, *magnificently shoking* ‘великолепно шокирующий’, *wonderful stomach-ache* ‘чудесная боль в животе’) [Беручашвили 1986а: 17-18]. Словосочетания с нарушениями норм сочетаемости интенсификаторов «создают высокую экспрессию, грамматическую или лексическую образность и субъективную оценочность; они осложнены содержательно, гиперсемантизированы и, наконец, они стимулируют новое значение, для которого нет адекватного языкового выражения» [Беручашвили 1986а: 18].

Обязательное наличие у интенсификаторов внутренней формы, образно-ассоциативных коннотативных смыслов, «памяти» о мотивирующем значении говорит о том, что нормы сочетаемости интенсификаторов с главными словами диктуются не только соответствием основных семантических признаков опорного слова и интенсификатора, но также определяются метафорической концептуализацией действительности и метонимическими сдвигами, так что образ-концепт интенсификатора задает необходимый набор некоторых семантических признаков у главного слова, а главное слово требует интенсификатора с определенной внутренней

формой. Если «стандартная» логика метафоры нарушается, возникают словосочетания с названиями несвойственных для того или иного интенсификатора явлений. Расширение сочетаемостных возможностей интенсификаторов приводит (1) к появлению нестандартных речевых оборотов, которые выражают авторскую концептуализацию мира, (2) к повышению экспрессивности, эмотивности текста.

2. «Языковая аномалия» в языке и художественном тексте

2.1. Об особенностях значения слова в художественном тексте

Специфика художественного текста включает множество аспектов. В художественном тексте на первый план выдвигается поэтическая функция языка [Якобсон 1975], он обладает эстетической функцией, характеризуется автореферентностью [Ревзина 1990, Чернейко 1999], реализуется в особенной (неполноценной) коммуникативной ситуации [Падучева 2009а] и т. д. Для настоящего исследования представляется важным отношение уникальной системы отдельного художественного текста к общей системе языка.

Отбор языковых средств для построения художественного текста осуществляется в соответствии с «коммуникативным заданием, авторской интенцией, эстетическим замыслом» [Стрельцова 1995: 114], поэтому текст ориентирован на языковую систему, однако в то же время «представляет собой особым образом организованную (внутри себя) частную, индивидуальную динамическую систему, которая, как всякая система, проявляется в отношениях общности, связанности и в отношениях противопоставленности (или оппозиции)» [Купина 1980: 19]. Специфика системы художественного текста определяется отношением его парадигматики и синтагматики к парадигматике и синтагматике «общего», «практического» [Кожевникова 1977: 85] языка. Если парадигматика текста является результатом отбора определенных языковых единиц

из общезыковой системы, то особенности синтагматики выражаются в отступлении от нормативной языковой сочетаемости [Там же].

В художественном тексте «внутритекстовая действительность (по отношению к внетекстовой) имеет креативную природу, т. е. создана воображением и творческой энергией автора, носит условный, как правило, вымышленный, характер. Изображаемый в художественном тексте мир соотносится с действительностью лишь опосредованно, отображает, преломляет, преобразует ее в соответствии с интенциями автора <...> Референция в художественном тексте обычно осуществляется к объектам возможных миров, моделируемых в произведении» [Николина 2003: 11]. Поэтому слово художественного текста характеризуется «двуплановостью» — выражая индивидуально-авторский смысл, его семантика опирается на нормированное общезыковое значение [Виноградов 1959].

Уникальное семантическое пространство текста каждого автора формируется средствами «идиолекта» — «индивидуализированной “версии” общенародного языка, сохраняемой текстами» [Леденева 2001: 38]. Для характеристики особенностей языка писателя чаще используют термин «идиостиль», делая акцент на художественной значимости этих особенностей. Идиостиль — «это индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам авторепрезентации средствами идиолекта» [Леденева 2001: 40].

Как указывает Ю. Н. Караулов, «если от безличной речи естествен переход к языку, то от речи персонифицированной, от индивидуальной речевой структуры к языку вообще перейти нельзя» [Караулов 2004: 30]. В этом случае, по мнению исследователя, возможен переход к языковой личности автора текста. Понятие «языковой личности», как и категория «образа автора», были введены В. В. Виноградовым, последняя представляет собой методологическую основу изучения языка писателя [Виноградов 1971; Караулов 2004].

Семантическая структура слова в художественном тексте расширяется: «Слово в художественном тексте, обретая эстетическую функцию, становится главным в экспликации авторской интенции, актуализирует не только узуальные смыслы, эксплицитно представленные в словаре, но и “скрытые” смыслы слова» [Стрельцова 1995: 114]. При этом смысл слова в тексте «зависит от внутренних потенциальных возможностей языковой системы, использованных в тексте художником слова» [Купина 1980: 34].

Индивидуально-авторские смыслы текста могут быть выражены не непосредственно в тех или иных лексических единицах, а являться результатом взаимодействия смыслов, зафиксированных в дискретных единицах языка – это т. н. «континуальность» смыслов художественного текста [Пищальникова 1991]. Б. А. Ларин определял «обертоны смысла» художественного слова как «те смысловые элементы, которые нами воспринимаются, но не имеют своих знаков в речи, а образуются из взаимодействия совокупности слов» [Ларин 1974: 36]. Поэтому изучение «индивидуально-авторских», «скрытых», «потенциальных» смыслов слова в художественном тексте «выдвигает на первый план выявление и комментирование ненормативных связей слов с разного рода нарушениями синтаксических и лексических правил» [Шепелева 2001: 488],

«Необычная» сочетаемость интенсификаторов приводит к появлению нестандартных речевых оборотов, в которых появляются характерные, регулярные для художественных текстов Ф. М. Достоевского «обертоны» (Б. А. Ларин), «приращения смысла» (В. В. Виноградов). В «необычных» сочетаниях актуализованы периферийные, «потенциальные» семантические признаки опорных слов, которые изменяют представление о «прототипической ситуации» (Г. И. Кустова).

Таким образом, смысловое варьирование слова-знака на фоне значения – смыслового инварианта, присутствующего в речевом мышлении – специфика художественной речи. Слово, включенное в уникальную систему художественного текста, реализует индивидуально-авторский смысл,

который является одновременно (1) отражением языковой личности автора текста, его концептуализации действительности и системы оценок, (2) отражением возможностей языковой системы, в том числе скрытых, потенциальных, не реализованных в узуальных единицах «практического» языка (общезыковых употреблениях).

2.2. Определение языковой аномалии.

Механизмы и уровни возникновения аномалий

«Необычные» сочетания с главными (опорными) словами в романах Ф. М. Достоевского могут быть описаны в рамках теории окказиональности [Узуальное и окказиональное 1986; Бабенко 1997], где окказиональные сочетания слов определяются как один из типов окказионализмов (наряду с фонетическими, лексическими, семантическими и грамматическими окказионализмами) – «окказиональные (необычные) сочетания слов представляют собой стечение лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна, поскольку противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях» [Бабенко 1997: 12-13]. В настоящей работе мы используем понятие языковой аномалии.

В лингвистике «языковая аномалия» определяется очень широко – как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50]. Столь широкое определение охватывает аномалии, которые можно классифицировать по различным основаниям: 1) уровневые аномалии (фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, прагматические и т. п.); 2) аномалии степени (совсем неправильно, неправильно, не вполне правильно и т. п.); 3) намеренные аномалии – ненамеренные аномалии; 4) аномалии, возникающие в результате тавтологии – аномалии, возникающие в результате противоречия [Там же].

Типы аномалий могут отражать типы правил употребления языковых единиц. Первый тип правил отражает «стихийные процессы фразеологизации», которые происходят в языке. Правила второго типа отражают «рациональную основу языка», т. е. ограничения, мотивированные «содержательной (семантической, референциальной, прагматической, коммуникативной) несовместимостью двух (или более) единиц языка» [Апресян 1995 т. II: 622].

В результате нарушения правил второго типа (т. е. «мотивированных») возникают языковые аномалии, которые Ю. Д. Апресян разделяет на два класса с точки зрения механизма возникновения аномалии – это тавтологии и противоречия, или тавтологические и контрадикторные аномалии [Апресян 1990; Апресян 1995, т. II]. Примеры тавтологий: **очень прекрасный, *очень великий, *очень гениальный*, где повторяется смысл ‘большая степень признака’, или **Обе стороны шли на компромиссы друг другу*, где повторяется смысл ‘друг другу’. Примеры противоречий: **почти редкий случай, *почти мало народу*, где *почти* обозначает близость к пределу какой-либо шкалы, а *редкий* и *мало* не имеют этого значения; **Он на йоту уступил, а потом сожалел об этом; *Он пальцем шевельнет, чтобы помочь тебе*, где ассерция ‘X уступит’/‘X поможет’ вступает в противоречие с модальной рамкой ‘говорящий считает, что X не уступит (не поможет) совсем’ [Апресян 1995 т. II: 622, 624, 625-627].

Как механизмы образования аномалий тавтологии и противоречия выделяются и в других исследованиях: [Rastier 2009: 142-154] или [Падучева 2009г]. Е. В. Падучева рассматривает разные виды семантических неправильностей, опираясь на положения теории речевых актов: неаномальные высказывания должны соответствовать условиям успешности речевых актов, нарушение этих условий представляет собой аномалию и ведет к коммуникативной неудаче:

– *Выпей еще чаю, сказал Мартовский заяц, наклоняясь к Алисе.*

– *Еще?* – переспросила Алиса с обидой. – *Я пока ничего не пила.* –

Алиса обижается, потому что не соблюдается презумпция, содержащаяся во фразе Зайца ‘Алиса уже пила чай’ [Падучева 2009г: 505].

Вопросам «смысловой противоречивости разных видов дискурса – практического и художественного» – посвящен сборник «Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста» (1990) [Арутюнова 1990: 3]. Обобщая представленные в статьях сборника проблемы и их решения, Н. Д. Арутюнова выделяет два вида противоречий – прагматические и семантические: «Если прагматическая неприемлемость апеллирует к социально принятым правилам речевого поведения — устройству общества, то семантическая противоречивость апеллирует к опыту, эмпирическому знанию устройства мира: несовместимы те значения, которые указывают на несовместимые свойства предмета» [Арутюнова 1990: 6].

Противоречия и тавтологии могут возникать на разных уровнях организации высказывания. Ю. Д. Апресян различает разные уровни возникновения противоречий в зависимости от типа языковой семантики: степень аномальности выражения «тем больше, чем больше глубина залегания исключающих друг друга смыслов в семантических структурах сочетающихся единиц» [Апресян 1995 т. II: 624].

На уровне несовместимости лексических смыслов «языковой аномалии, как правило, не возникает: *Это мой друг-враг; Я его люблю и ненавижу* <не люблю>; *Серж подошел к своей чужой жене Марише и пригласил её танцевать* (Л. Петрушевская, Свой круг); *И месяц алмазной фелукой / К нам выплывает встречей-разлукой* (А. Ахматова). Таким внешне противоречивым высказываниям легко придать разумный смысл: ‘в одном отношении друг, а в другом - враг’, ‘за одни свойства люблю, за другие – ненавижу <не люблю>’, ‘когда-то была моей женой, а теперь замужем за другим’» [Апресян 1995 т. II: 625].

Неинтерпретируемые, абсурдные выражения, «языковые ошибки» возникают на уровне (1) несовместимости грамматических или грамматикализованных значений между собой или со значениями других типов и (2) на уровне несовместимости пресуппозиций и модальных рамок между собой или с асертивной частью значения [Апресян 1995 т. II: 625] (см. примеры, приведенные выше). Это правило в общем виде распространяется и на тавтологии. Если лексический и семантический повтор – одно из условий связности текста, то утверждение того, что ранее уже было принято в качестве презумпции, ведет к тавтологии [Падучева 2009г: 483].

Если Ю. Д. Апресян различает уровни возникновения аномалий по типам языковой семантики (лексическая, грамматическая, уровень пресуппозиций и модальных рамок), И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер различают этапы построения аномальных выражений (в языке А. Платонова) в зависимости от этапа процесса вербализации, который представлен в следующем виде: расчленение исходного замысла → категоризация → пропозиционализация (лексикализация) → построение поверхностной структуры → замены [Кобозева, Лауфер 1990: 126]. В этом ряду прослеживается соотношение с уровнями МСТ (семантическое представление, глубинно-синтаксический уровень, поверхностно-синтаксический уровень и т. д., см., например, [Мельчук 2012]): уровни формальной модели сменили «речемыслительные структуры», но разделение на глубинный смысловой и поверхностный уровень языкового выражения остается [Кобозева, Лауфер 1990: 126-128]. На каждом из этих этапов (уровней) выделяют разнообразные механизмы аномализации, например: *плачет своими слезами* – в терминологии И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер – избыточная лексикализация на уровне пропозиционализации, иначе – тавтологическое выражение, поскольку смысл ‘текут слезы’ в нем выражен дважды; *обнажаться навстречу воде* – совмещение двух предикатов на этапе построения поверхностно-синтаксической структуры – один из них

сохраняется, а второй остается в виде «следов» – своих актантов [Кобозева, Лауфер 1990: 132, 134].

В монографии [Радби́ль 2012], написанной также на материале языка А. Платонова, рассматриваются и неязыковые уровни возникновения аномалий. Исследование Т. Б. Радби́ля посвящено «исследованию феномена языковой аномальности, понимаемой в широком смысле как любое значимое отклонение от принятых в данной социальной, культурной и языковой среде стандартов, которое имеет знаковый, т.е. языковой характер манифестации, но не обязательно системно-языковую природу». В работе предлагается «расширительное понимание понятия языковой аномалии в качестве родового термина для любого нарушения или отклонения на уровне любого из трех членов постулируемого триединства художественного текста: художественный мир – язык – текст» [Радби́ль 2012: 3-5].

Таким образом, языковые аномалии определяются как нарушения правил употребления языковых или текстовых единиц. Исследователями предложены разные критерии классификации аномалий, описаны разные типы аномалий и механизмы возникновения аномальных выражений. Для дальнейшего анализа сочетаемости интенсификаторов с опорными словами и специфических задач данного исследования представляется важным то, что механизмы возникновения аномальных выражений могут различаться:

1) с точки зрения наличия логической, семантической основы, наличия «мотивированности». В одних аномальных выражениях нарушены правила немотивированной, фразеологической, семантической сочетаемости, в других отсутствует согласованность содержательных (семантических, прагматических, коммуникативных) элементов разных уровней языка.

2) с точки зрения собственно «операции» построения аномального высказывания. Общим для перечисленных работ является выделение тавтологий и противоречий. Для настоящего исследования отметим также механизм замен (Н. М. Кобозева и Л. И. Лауфер).

2.3. Вопрос об аномальности языка художественного текста

Термин «языковая аномалия» в работах Ю. Д. Апресяна обозначает отклонения от норм функционирования «идеально правильной» языковой системы: «Суждения о правильности–сомнительности–неправильности в основном тексте данной работы (имеется в виду работа «Языковая аномалия и логическое противоречие», см. [Апресян 1995 т. II] – *Е. III.*) относятся только к реальным предложениям естественного языка и опираются непосредственно на языковую интуицию говорящих. Все такие оценки, за исключением специально оговариваемых случаев, имеют в виду простейшие условия употребления предложений в семантически нейтральном контексте с максимальным соответствием грамматического (группы подлежащего и сказуемого) и функционального (тема и рема) членений, без логических акцентов, эмфаз, противопоставления, уступительности и тому подобных факторов. Наличие таких факторов оказывает сильное влияние на правильность предложения (в сторону больше правильности) и должно учитываться особыми правилами» [Апресян 1995 т. I: 601]. В работах, написанных в русле классического варианта МСТ (Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского, И. А. Мельчука и др.), объектом изучения является строго нормативный язык, а случаи употребления слова «в индивидуально-экспрессивных контекстах» рассматриваются как «ненормативные, неправильные, невозможные» [Григорьев 1973: 26]. То есть языковая аномалия определяется по отношению к «модели стандартного владения нормированным языком» – «нулевой точке эстетического отсчета» [Григорьев 1973: 28].

Аномалии художественного текста рассматриваются как частный случай авторских аномалий, которые, в свою очередь, представляют собой один из вариантов намеренных аномалий. Авторские аномалии составляют выразительный фонд языка, возможность их образования – его

выразительный потенциал. Поэтому авторские аномалии являются предметом специального изучения в стилистике и поэтике.

Для смысловой интерпретации языковых аномалий в художественном тексте представляют интерес их классификация по 1) степени аномальности и абсолютности-относительности; 2) по признаку намеренности-ненамеренности.

1

Классификации аномалий по степени и по признаку абсолютности-относительности применимы к «стандартному» языку, но вряд могут быть признаны однозначными по отношению к художественному тексту. Абсолютные аномалии связаны с поверхностными сочетаемостными правилами, относительные с «более тонкими, содержательными» [Апресян 1990: 54-57]. Так, логически противоречивое высказывание может быть языковой аномалией, языковой ошибкой, а может и не быть – «не всякое логическое противоречие избегается языком <...> порождает языковую ошибку, т.е. факт, который квалифицируется словами “так по-русски сказать нельзя”» [Апресян 1995 т. II: 598, 608-609]. К аномалиям, которые используются в стилистических целях, относятся метафора, каламбур, оксюморон и многие другие тропы и фигуры – «в стилистических целях, в частности, для создания речевого портрета персонажа, можно совершить насилие практически над любым правилом языка, каким бы строгим оно ни было» [Апресян 1990: 51].

Возможность классификации по абсолютности-относительности и по степени указывает на то, что языковая аномалия – неоднозначно определяемое явление. Возникая в тексте, она «задевает» восприятие, однако одновременно стремится быть интерпретированной и оправданной, поэтому «в применении к естественным языкам такие понятия, как “противоречивость”, “неприемлемость” и “неинтерпретируемость”, не совпадают по экстенционалу» [Арутюнова 1990: 4]. Например, даже такая

«абсолютно» аномальная фраза как **Он сказал, что очень ему нужно стоять в очереди* (нарушено ограничение на возможность цитирования фраземы *очень нужно*) способна «найти в сознании слушателя/читателя странный, хотя и возможный мир» – быстрая разговорная речь, разговор на ходу, второпях – и стать относительной [Апресян 1990: 56-57]. Аномальность снимается в результате когнитивных операций, владение которыми заложено в языковой способности слушателя/читателя. Правильное понимание аномалий обеспечивается семантической компетенцией, т. е. «способностью не только понимать, но и интерпретировать речевые произведения»; семантическая компетенция «определяется владением – в большой степени интуитивным – правилами преобразования отклоняющихся смыслов в нормативные» и «зависит от прагматической компетенции человека – его способности разбираться в моделях речевого поведения и идентифицировать их в каждом частном проявлении» [Арутюнова 1990: 4].

Языковая аномалия может опираться на наши эмпирические знания о мире, когда «несовместимы те значения, которые указывают на несовместимые свойства предмета» [Арутюнова 1991: 6]. Но текст может быть «соотнесен с иными мирами», «онтология которых отлична от онтологии предметной действительности»: это мифы, сон, фантазия, а также психический мир человека, в котором, например, трудно четко разграничить разные состояния (ср. *мне грустно и радостно, люблю и ненавижу*) [Там же, примеры из Апресян т. II 1995].

Таким образом, языковая аномальность снимается при следующих условиях:

1) соотнесенности текстов с некоторыми иными, «возможными», «абсурдными», «странными» мирами. Как эстетическое обобщение, одна из возможных моделей реального мира, художественный текст имеет полное право на аномальность, в том числе на аномальность языковых средств;

2) нашей интерпретативной семантической компетенции, знанию моделей языкового общения и правил построения определенного типа

текстов (от художественного текста, например, скорее ожидается сложность и метафоричность, чем официально-деловой «сухой» стиль).

Поэтому некоторые исследователи предлагают исключить стилистические приемы художественного текста из разряда аномалий на основании их «не-аномальности» (в строгом смысле слова), т. е. традиционности и интерпретируемости. Например, Т. Б. Радбиль считает, что тропы, стилистические фигуры и «многообразный фонд языковой образности фольклора и литературы» должны быть «выведены из сферы языковой аномальности» (в этом случае даже выражение А. С. Пушкина *вьюга злилась* нам придется признать аномальным) [Радбиль 2012: 14]. Традиционные стилистические приемы могут быть названы аномалиями *языка*, но не могут считаться аномалиями *художественного текста*, поскольку художественный текст – это «естественная среда обитания» языковых аномалий, в которой они «утрачивают свой потенциально деструктивный характер и обретают прагматическую оправданность, функциональную целесообразность и эстетическую значимость» [Радбиль 2012: 4].

Наоборот, И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер подчеркивают, что описание аномалий возможно в рамках традиционного риторического подхода, если мы будем считать, что «языковая аномалия – это отклонение от “нулевой степени письма” в смысле Р. Барта» [Кобозева, Лауфер 1990: 125]. При таком подходе языковой аномалией являются те случаи отклонения от нормы, для которых можно предложить стандартный способ выражения в языке (см. примеры в 2.2), а те выражения, «для которых сложно восстановить их нормативный прообраз», аномалией не считаются (например, *Чувства высоко поднимались сердцем и падали по другую сторону его*) [Там же].

Соотнести степень аномальности приемов художественной литературы с их (не)интерпретируемостью предлагает Н. Д. Арутюнова. Поскольку «приемы, специфические для языка художественной литературы, практически целиком созданы отклонениями от семантического шаблона», их можно разделить на две категории, т. е. (1) «сводимые (с потерей

образности) к семантическому стандарту (риторические тропы и фигуры), т. е. интерпретируемые аномалии» и (2) «несводимые к стандартной семантике (прагматические аномалии, абсурд, нонсенс)» [Арутюнова 1999: 88-89].

Говорить о языковых аномалиях, а не о стилистических приемах, целесообразно прежде всего по отношению к языку произведений модерна и постмодерна, т. е. к тем, «чей художественный дискурс оценивается – по тем или иным причинам – как девиантный» [Радби́ль 2012: 4]. Термин «языковая аномалия» был использован в работах об «образцово аномальном» языке А. Платонова [Кобозева, Лауфер 1990: 125; Радби́ль 2012], языке А. Белого [Гажева 2007], языке Льюиса Кэрролла [Падучева 2009г], которые, очевидно, не поддавались описанию при помощи понятий «стилистический прием» или «окказионализм».

Таким образом, возможны два противоположных понимания, что представляют собой языковые аномалии в художественном тексте: 1) понятие аномалии не имеет смысла для художественного текста, так как для реализации авторского замысла возможны любые отступления от языковых норм; 2) любое отступление от норм нехудожественной речи (включая тропы и стилистические фигуры) можно считать языковой аномалией. Между понятиями «стилистический прием» и «аномалия» сложно провести четкую границу.

2

В художественном тексте также оказывается сложным деление аномалий на намеренные и ненамеренные.

С одной стороны, при изучении художественного текста мы должны говорить не о «явлении» аномалии, а о «приеме» аномалии [Эйхенбаум 1969: 336]. В лингвистике поэтический язык рассматривается как разновидность языка вообще, поэтика начинается с представления

о поэтическом языке, как о «деятельности, направленной к особой цели» – «поэтика строится на основе телеологического принципа и поэтому исходит из понятия *приема*; лингвистика же, как и все естествознание, имеет дело с категорией причинности и поэтому исходит из понятия *явления как такового*» – «лингвистика оказывается в ряду наук о природе, поэтика – в ряду наук о духе» [Там же: 336-337].

Исследование языковых аномалий в литературоведении связано с приемом остранения. Этот термин, использованный В. Б. Шкловским для характеристики стиля Л. Н. Толстого, обозначает необычное именование вещей и событий, для того чтобы подчеркнуть абсурдность какого-либо события в общем потоке в целом осмысленной и гармонизированной жизни [Шкловский 1925: 12]. Однако «если у Л. Н. Толстого приемы остранения носили фрагментарный характер, то в эстетике модернизма и постмодернизма, для которой характерно восприятие мира как всеобщего хаоса, дисгармонии, этот прием становится ведущим и находит свое проявление на всех уровнях вербализации смысла», а языковые аномалии служат «основным средством отражения в творческой форме дисгармонии окружающей действительности» [Козлова 2012: 123-124]. В литературе XX-XXI веков языковые аномалии могут выступать как «результат осмысления вещей и явлений познающим их субъектом» и отражать «меру нашего незнания» окружающего мира [Радбиль 2012: 8]. В этом качестве языковые аномалии используются как средство создания нонсенса (например, сказки Л. Кэррола) и абсурда (например, драматургия абсурда Э. Ионеско) [Падучева 2009г: 480 и след., 484 и след.].

Языковая аномальность в художественном тексте может быть представлена как «игровое употребление слова» [Ружицкий 2014: 143], которое рассматривается с точки зрения теории игровой деятельности как «сознательное и понятное читателю (слушателю) отклонение от языковой нормы, допускаемое с целью выражения различных смысловых нюансов (познавательная функция) или достижения комического эффекта»

[Ружицкий 2014: 146]. С языковой игрой связаны такие стилистические фигуры и приемы, как алогизм, оксюморон, паронимическая аттракция, плеоназм, повтор, каламбур и др.

С другой стороны, исследователи допускают, что аномалии могли возникнуть неосознанно, т. е. быть не «приемом», а «явлением». Так, в статье И. М. Кобозевой и Л. И. Лауфер о языке А. Платонова признается сосуществование как осознанных так и неосознанных элементов в когнитивных операциях, результатом которых являются языковые аномалии; в последнем случае «аномалии позволяют очертить некоторые нормы речемыслительной деятельности» [Кобозева, Лауфер 1990: 126].

Сложность в определении степени намеренности/ненамеренности языковых выражений художественного текста связана также с тем, что художественный текст является сложной многоуровневой речевой единицей, «обладает самой сложной семантической структурой» [Лукин 2005: 17]. Если, например, языковая аномалия присутствует в речи персонажа, то как средство его речевой характеристики она может квалифицироваться как ненамеренная языковая ошибка, а с точки зрения реального автора аномалия будет намеренной. Языковую аномалию в авторской речи также следует расценивать как намеренную с точки зрения реального автора, но как ненамеренную с точки зрения «образа автора» [Радбиль 2012: 21-22].

Таким образом, вопрос о намеренности/ненамеренности языковых аномалий в художественном тексте является одновременно вопросом об их квалификации как явлений языка, составляющих объект изучения лингвистики, или о приемах стиля (объект изучения в литературоведении, поэтике). Этот вопрос не может быть решен однозначно и зависит (1) от эстетических принципов эпохи, литературного направления, от эстетических установок конкретного автора, от типа повествования и места аномального выражения в системе конкретного художественного текста; (2) от целей конкретного исследования.

Термин языковая аномалия использован в данном исследовании для характеристики «необычных» сочетаний интенсификаторов с главными (опорными) словами в романах Ф. М. Достоевского поскольку он 1) может обозначать случаи отклонения от нормы разной степени вплоть до неинтерпретируемости; 2) квалифицирует изучаемые сочетания как явления языка с акцентом на лингвистическом аспекте проблемы.

3. Некоторые особенности идиостиля Ф. М. Достоевского

В научной литературе о Ф. М. Достоевском накоплен богатый материал, касающийся поэтики его произведений. Поскольку изучение языка писателя требует также учета более общих особенностей художественного мира его произведений, здесь мы кратко охарактеризуем те особенности идиостиля Ф. М. Достоевского, которые представляются важными для изучения аномальных средств выражения интенсивности в его «больших романах».

Фундаментальной категорией поэтики Достоевского следует считать полифонию его произведений (М. М. Бахтин). Полифония проявляется на всех уровнях структуры произведений Достоевского и характеризует особый художественный взгляд, «способность Достоевского видеть всё в сосуществовании и взаимодействии», замечать «многое и разнообразное там, где другие видели одно и одинаковое» [Бахтин: 1979: 36].

Полифония в произведениях Достоевского неразрывно связана с таким их качеством, как диалогичность. М. М. Бахтин выделяет «большой диалог» и «микродиалог». Если «большой диалог» определяет композиционные особенности произведений Ф. М. Достоевского, то «микродиалог» определяет особенности его словесного стиля. Для стиля Достоевского характерно «двуголосое слово, притом внутренне диалогизированное, и отраженное чужое слово: скрытая полемика, полемически окрашенная исповедь, скрытый диалог» [Бахтин 1979: 236]. В «двуголосом слове»

Достоевского активизированы разнонаправленные акценты, оно не дает окончательного определения, завершающей характеристики героя. С лингвистической точки зрения, такое слово обладает чрезвычайно богатой, разносторонней семантикой и всегда открыто для смыслового обогащения.

Диалогичность и полифоничность произведений Достоевского обуславливают неопределенность – еще одну фундаментальную категорию его идиостиля. По мнению Н. Д. Арутюновой, «внутренняя незаполненность (неконкретизированность) – характерная черта текста Достоевского <...> Он обращает его [читателя – *Е. III.*] внимание на то, что человеку трудно понять, на то последнее, чего никто не может ни достигнуть, ни постигнуть, на те смыслы, которые недоступны языку» [Арутюнова 1999: 849]. Неопределенность, фундаментальная категория поэтики Достоевского, и «может быть следствием убеждения писателя в неисчерпываемости мира тем, что причинно предопределено и объяснимо» [Караулов, Гинзбург 2001: XXVII].

Для анализа средств выражения интенсивности, относящихся к сфере субъективной оценки, часто эмоционально окрашенной, важно указать на такое свойство художественного мира Достоевского, как персоналистичность. Для М. М. Бахтина персоналистичность произведений Достоевского означает прежде всего изображение любой идеи и мысли не отвлеченно, а как «позиции личности» в целом полифонического романа [Бахтин 1979: 10]. Однако персоналистичность необходимо влечет за собой и особенное изображение человека, глубокий психологизм творчества, когда доминантой изображения является внутренний мир героя: не только его идеология, но и его психология, сфера его чувств, эмоций и отношений. У Достоевского в сферу внутреннего мира героя вовлекается весь остальной предметный мир произведения: «Единственное серьёзное жизненное дело людей Достоевского есть их взаимоотношения, их страстные притяжения и отталкивания». Так, «в «Преступлении и наказании» нет ничего, кроме раскрытия внутренней жизни человека,

его экспериментирования над собственной природой и природой человеческой вообще, кроме исследования всех возможностей и невозможностей, заложенных в человеке» [Бердяев 1994б: 154, 157]. В. Я. Кирпотин называет психологическую глубину определяющей чертой художественного мира Достоевского: «Достоевский обладал способностью как бы прямого видения чужой психики. Он заглядывал в чужую душу, как бы вооруженный оптическим стеклом, позволявшим ему улавливать самые тонкие нюансы, следить за самыми незаметными переживаниями и переходами внутренней жизни человека. Достоевский, как бы минуя внешние преграды, непосредственно наблюдает психологические процессы, совершающиеся в человеке, и фиксирует их на бумаге...» (В. Я. Кирпотин, цит. по [Бахтин 1979: 44]).

Изображая человека, Достоевский уделяет особое внимание эмоциональной сфере его жизни. В художественном мире, создаваемом Достоевским, эмоции, действия, интеллектуальные состояния героев получают неожиданные характеристики, которые чрезвычайно усложняют наше представление об «образе человека» (Ю. Д. Апресян, см. [Апресян 1995 т. II]), его духовных и психических возможностях: «внутренний мир произведений Достоевского – это мир малого сопротивления в духовной и психической области, как мир сказки – малого сопротивления материальной среды» [Лихачев 1984: 77].

Эмоции и переживания героев в мире Достоевского намеренно гиперболизируются. «Гиперболизация страстей и страданий» является «одним из устойчивых приемов» творчества Достоевского, оставаясь, однако, «на той грани реальности», где еще не нарушено полностью правдоподобие образа ([Щенников 1997: 146]). Она может быть обозначена словом самого Достоевского – *надрыв*: «весь мир Достоевского, с выставляемыми напоказ гипертрофированными чувствами, с патологическими характерами и изломанными судьбами – это один сплошной *надрыв*» [Левонтина 2005: 250]. «Пограничность» описываемого состояния человека, доведенного

до отчаяния, безумия, самоубийства предполагает и особое использование языковых средств: «интенсификацию актуальной стороны высказывания, предельность выражения» [Щенников 1997: 249], а также контрастность, превосходные степени, нагнетание психологического напряжения за счет градации эпитетов, объемность изображения чувства, придающие ему «наглядность и выпуклость» [Чичерин 1963: 189].

ПРИМЕЧАНИЕ. Гиперболизацию эмоциональной сферы часто представляют как выражение русского национального характера, «русской стихии» в творчестве Достоевского [Арутюнова 1999; Бердяев 1994а; Вышеславцев 1994 и др.]: По словам Н. А. Арутюновой, «в текстах Достоевского стилиобразующую функцию выполняют профилирующие черты русского языка, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета» [Арутюнова 1999: 868-869].

Для Н. А. Бердяева суть отраженной в творчестве Достоевского русской ментальности в её отличии от менталитета европейского человека заключалась в противоречивости и антиномичности русского духа, допускавших «возможность самых противоположных суждений о России и русском народе»: «Русская душа способна на радикальные эксперименты, на которые неспособна душа европейская, слишком оформленная, слишком дифференцированная, слишком закованная в пределах и границах, слишком связанная с традицией и преданием своего рода. Только над русской душой можно было производить те духовные эксперименты, которые производил Достоевский» [Бердяев 1994а: 38, 107].

Однако Достоевский обращается не только к сфере эмоциональной жизни человека. Конечной целью психологизма Достоевского является не описание «крайних» чувств и аффектов героев, а проникновение в духовную сферу человека, раскрытие его духовной глубины. В текстах Достоевского смыкаются психологический и метафизический план переживаний [Арутюнова 1999: 857]. При этом Достоевский «не моралист и не только философ», «нормативная этика ему не интересна», Достоевский – «гностик и экспериментатор, у него исступлённый интерес к человеку. Его интересуют не святые и грешники как таковые, а предельные состояния

человеческой души», Достоевский «рассматривает человека во всей его полноте, как существо духовно-материальное» [Игум. Вениамин 2007].

Для художественного мира Достоевского характерна повседневность, будничность, которые отражаются в разговорной неустойчивости и «неправильности» языка. Уже после повести «Двойник» Достоевский «был объявлен [современной ему критикой и литературоведением – В. Г. Белинским, Н. Н. Страховым, М. де Вогюз и др. – *Е. III.*] несовершенным художником» и «понадобилось более полутора лет для того, чтобы предложенный им новый поэтический канон был принят и признан» [Ковач 2008б: 151] (см. также обзор в [Ковач 2008а]).

«Разные формы сознательной и целенаправленной неточности языка, производящего даже иногда впечатление простого неумения Достоевского обращаться с языковыми средствами» выявил Д. С. Лихачев, назвавший особенную стилистику Достоевского «небрежением словом»: Достоевского «интересуют парадоксы психики, непредвиденное в поведении человека», он расширяет «до колоссальных пределов представления о психической жизни человека». Эта художественная цель определяет «художественную зыбкость и диалогичность изображения», которые в свою очередь тесно связаны с «зыбкостью художественных средств языка». Стилль Достоевского – «это стилль, в котором ясно проступает стремление к стимулирующей мысли читателя незаконченности», в котором «ослаблены обычные связи языка и создаются необычные», «заставляющие задумываться и выявлять в явлениях какие-то новые стороны и новые связи» [Лихачев 1984: 62-76]. Писателя волновали проблема внутренней неустойчивости человека, раздвоения его сознания, утраты целостности эмоциональных переживаний, поэтому для его художественной картины мира «недостаточно обыденных концептов», но характерны концепты «зыбкие, нестабильные» [Арутюнова 1999: 861, 853].

Д. С. Лихачев отмечает такие черты идиостиля Достоевского, как «неопределенность» значения слова, нарушение норм идиоматики, сочетание разнохарактерных эпитетов (*дама горячая, смелая, смуглая*), эпитеты,

характеризующие одновременно человека и его действие (*грузно храпел*) и т. д. Н. Д. Арутюнова относит к знакам категории неопределенности неопределенные местоимения, слова «кажмости» (*как бы, похоже, точно, чудится* и т. д.) и прилагательные со значением неопределенности (*смутный, неясный*). Слова неопределенности Достоевский употребляет прежде всего, обращаясь к «психологическому субстрату» поведения своих героев, так как «состояния героев не могут быть описаны в однозначных терминах и Достоевский это понимает» [Арутюнова 1999: 850].

«Художественная зыбкость» в произведениях Достоевского создается также за счет использования потенциальных возможностей, заложенных в системе языка. Актуализация «языковых и стилистических потенций» прослеживается на разных уровнях художественного текста: она проявляется в нарушении лексических правил [Шепелева 2001: 488], на синтаксическом – в ослаблении ограничений сочетаемости слов [Иванчикова 2001; Иванчикова 2009], на словообразовательном – в активном словотворчестве, создании «потенциальных слов» [Николина 2001: 199-200] и т. д. Расширяется как семантика отдельных слов, так и семантическое пространство текстов Достоевского, что отражает представления писателя об интенсивности внутренней жизни человека, «широкости» её проявлений, созданных из неожиданных и противоречивых крайностей.

Таким образом, можно говорить о существовании принятой, традиционной оценки художественного мира и языка Ф. М. Достоевского как «неопределенных», «зыбких», «неправильных» и в то же время о гиперболизации, предельной экспрессивности повествования, характерных для идиостиля писателя. Эти качества делают произведения Ф. М. Достоевского исключительно благоприятным материалом для изучения аномальной сочетаемости интенсификаторов. С другой стороны, аномальная сочетаемость интенсификаторов – важный аспект изучения идиостиля Ф. М. Достоевского.

Выводы

Категория интенсивности отвечает за языковое представление суждений о высокой степени признака. Интенсивность сближается с категориями градуальности, меры признака, поскольку отражает реально существующие различия в степени признаков предметов и явлений, однако определяющими являются те аспекты ее содержания, которые отражаются субъективностью и индивидуальностью говорящего – прагматический характер, связь с категорией экспрессивности, эмфатические, модальные и оценочные элементы значения.

Категория интенсивности реализуется на всех уровнях языка. Лексические усилители можно выделить как самостоятельный центр функционально-семантического поля интенсивности из-за их продуктивности и многообразия.

Описание сочетаемости интенсификаторов должно учитывать особенности их семантики. Мы будем различать неопредельные интенсификаторы группы *очень*, к которым примыкают показатели избыточной степени типа *слишком*; предельные интенсификаторы группы *совершенно*, в т. ч. те, которые указывают на прагматический предел (с учетом особого статуса наречия *совсем*); компаративные типа *значительно* (сочетаются с компаративами, а также с глаголами, в толкование которых входит компаратив). Также интенсификаторы могут характеризовать различные градуируемые аспекты неградуируемых ситуаций.

Интенсификаторы – это лексические средства, которые выражают значение интенсивности аналитически: опорное слово в словосочетании называет усиливаемый признак, интенсификатор выражает его высокую степень. С семантической и синтаксической несамостоятельностью интенсификаторов тесно связано такое их свойство как идиоматичность. Лишь очень небольшое количество интенсификаторов, можно считать универсальными. Эти интенсификаторы имеют наиболее широкую

сочетаемость и наименьшее количество сочетаемостных ограничений. Значения остальных интенсификаторов являются в большей или меньшей степени идиоматичными (фразеологически связанными) и имеют более узкую или очень узкую сочетаемость. Идиоматическая сочетаемость интенсификаторов была формализована в модели Смысл↔Текст в виде лексической функции Magn. Однако если в ранних работах представителей МСТ подчеркивалась фразеологическая связанность лексических функций, но постепенно акцент сместился на их семантически мотивированную сочетаемость (Г. И. Кустова). В материале, который раньше трактовался как ограниченная лексическая сочетаемость, было обнаружено соответствие лексических функций значениям главных слов (И. А. Мельчук). Таким образом, для интенсификаторов характерна лексически ограниченная (узуальная, идиоматичная) и семантически мотивированная сочетаемость одновременно.

Значение высокой степени является результатом семантического упрощения, опустошения значения лексической единицы в процессе ее семантической эволюции. Однако (1) полной утраты исходного значения в интенсификаторах всё же не происходит; (2) постоянное употребление снижает степень экспрессивности интенсификаторов именно потому, что приводит к стиранию образно-ассоциативных смыслов; (3) требуется постоянное пополнение лексических средств интенсивности, для того чтобы они сохраняли свою образность, а значит экспрессивность.

В образовании интенсификаторов большую роль играют метафорические когнитивные механизмы, основанные на аналогии, и метонимические, основанные на связи, смежности явлений и ситуаций. При этом при образовании интенсификаторов нередко наблюдается совместное действие механизмов аналогии и метонимического смещения. Как правило, интенсификаторы сохраняют связь с прототипической ситуацией и яркую внутреннюю форму, которые определяют степень экспрессивности, специфику значения и особенности сочетаемости интенсификаторов.

Интенсификаторы с явно ощущаемой внутренней формой, сохранившие связь с прямым вещественным значением, обладают экспрессивностью, образностью, оценочностью – т. е. выразительностью, необходимыми для их употребления в художественном тексте, поэтому художественный текст является благоприятной средой для возникновения новых и обновления старых (системных, общезыковых) интенсификаторов. Расширение сочетаемостных возможностей интенсификаторов в художественном тексте приводит (1) к появлению нестандартных речевых оборотов, которые выражают авторскую концептуализацию мира, (2) к повышению экспрессивности, эмотивности текста.

Смысловое варьирование слова-знака на фоне значения – смыслового инварианта, присутствующего в речевом мышлении – специфика художественной речи. «Необычные» сочетания опорных слов с интенсификаторами являются одновременно отражением возможностей языковой системы, в том числе скрытых, потенциальных, не реализованных в узуальных единицах «практического» языка (общезыковых употреблениях).

Языковые аномалии определяются как нарушения правил употребления языковых или текстовых единиц (Ю. Д. Апресян). Механизмы возникновения аномальных выражений могут различаться:

1) с точки зрения наличия логической, семантической основы, наличия «мотивированности». В одних аномальных выражениях нарушены правила немотивированной, фразеологической, семантической сочетаемости, в других отсутствует согласованность содержательных (семантических, прагматических, коммуникативных) элементов разных уровней языка.

2) с точки зрения собственно «операции» построения аномального высказывания. Общим для перечисленных работ является выделение тавтологий и противоречий. Для настоящего исследования отметим также механизм замен (Н. М. Кобозева и Л. И. Лауфер).

Вопрос о степени аномальности явлений художественного текста может решаться по-разному. Возможны два противоположных понимания, что представляют собой языковые аномалии в художественном тексте: 1) понятие аномалии не имеет смысла для художественного текста, так как для реализации авторского замысла возможны любые отступления от языковых норм; 2) любое отступление от норм нехудожественной речи (включая тропы и стилистические фигуры) можно считать языковой аномалией. Между понятиями «стилистический прием» и «аномалия» сложно провести четкую границу.

Вопрос о намеренности/ненамеренности языковых аномалий в художественном тексте является одновременно вопросом об их квалификации как явлений языка, составляющих объект изучения лингвистики, или о приемах стиля (объект изучения в литературоведении, поэтике). Этот вопрос не может быть решен однозначно и зависит (1) от эстетических принципов эпохи, литературного направления, от эстетических установок конкретного автора, от типа повествования и места аномального выражения в системе конкретного художественного текста; (2) от целей конкретного исследования.

Термин языковая аномалия может быть использован для характеристики «необычных» сочетаний интенсификаторов с опорными словами в романах Ф. М. Достоевского поскольку он 1) квалифицирует изучаемые сочетания как явления языка с акцентом на лингвистическом аспекте проблемы; 2) может обозначать случаи отклонения от нормы разной степени вплоть до неинтерпретируемости.

Можно говорить о существовании принятой, традиционной оценки художественного мира и языка Ф. М. Достоевского как «неопределенных», «зыбких», «неправильных» и в то же время о гиперболизации, предельной экспрессивности повествования, характерных для идиостиля писателя. Эти качества делают произведения Ф. М. Достоевского исключительно благоприятным материалом для изучения аномальной сочетаемости

интенсификаторов. С другой стороны, аномальная сочетаемость интенсификаторов – важный аспект изучения идиостиля Ф. М. Достоевского.

Описываемые механизмы и типы аномальной сочетаемости интенсификаторов формируют (среди прочих языковых единиц) идиолект, идиостиль, отражают языковую личность писателя – автора текста, поэтому при отборе и анализе материала мы опирались на данные лингвистических, стилистических и литературоведческих исследований, посвященных языку Ф. М. Достоевского. С другой стороны, аномальная сочетаемость интенсификаторов в тексте «больших романов» Ф. М. Достоевского может быть рассмотрена как проявление общеязыковых процессов. Экспериментирование с языком, характерное для стиля Достоевского, обнаруживает потенциальные возможности и тенденции изменения языковой системы.

ГЛАВА 2
МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И ТИПЫ АНОМАЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ
ИНТЕНСИФИКАТОРОВ С ОПОРНЫМИ СЛОВАМИ
В «БОЛЬШИХ РОМАНАХ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Поиск аномальных сочетаний в текстах «больших романов» Ф. М. Достоевского был осуществлен методом сплошной выборки. При определении аномального сочетания мы опирались на 1) наличие противоречия, несоответствия между семантическими компонентами двух элементов словосочетания; 2) наличие нарушения норм узуса, нарушения ограничений в лексической сочетаемости.

Эталоном для сравнения были 1) «стандартные» общеязыковые интенсификаторы, представленные в [Очерки по исторической грамматике 1964], в словарях [Даль 1998; ТКС 2016; Словарь 1847; Словарь 2008] и в некоторых других словарных источниках; 2) данные корпуса художественных текстов второй половины XIX века (НКРЯ). При сравнении также учитывалось, что, хотя точкой отсчета для современного языка принято считать язык пушкинской эпохи, многие нормы изменились за прошедшие двести лет, и при определении правильности того или иного сочетания необходимо делать поправку на это изменение. Для этого мы учитывали данные корпуса художественных текстов XX-XXI веков (НКРЯ). Таким образом, для каждого аномального сочетания из текстов Достоевского было определено, сколько таких сочетаний встретилось у его современников – (1) по корпусу художественной литературы 2-й половины XIX в., когда выходили романы Достоевского; (2) по корпусу художественной литературы XX – начала XXI вв. Эти подсчеты (см. Приложение 1) дают некоторое представление о количественных характеристиках употребления изучаемых интенсификаторов.

При описании типов и механизмов аномальной сочетаемости мы опирались на распределение интенсификаторов и опорных слов по семантическим классам с интегральными семантическими признаками разной степени абстракции. Отметим наиболее важные для настоящей работы семантические классификации, на которые мы опирались при семантической группировке слов:

1) для интенсификаторов:

- «общие» и «специализированные» интенсификаторы [Цой 1989];
- интенсификаторы с семантическими признаками 'активность', 'неконтролируемость' [Шейгал 1981];
- интенсификаторы, внутренняя форма которых соотносится с различными «прототипическими ситуациями», часто экспериенциальными (ср. «тяжело») [Куцова 2004; Куцова 2011];
- синонимические ряды, их аналоги и другие семантические группировки, представленные в [НОСС 2004], например ряд *огромный* 1, *громадный* 1, *колоссальный* 1, *гигантский* 1, *исполинский* 1;

2) для опорных слов:

- акциональные (аспектуальные) и семантические классификации предикатов, см. [Апресян 2006; Булыгина 1982; Падучева 2004; Селиверстова 1982];
- тематические классы глаголов в [Падучева 2004] и уровни представления «образа человека» в [Апресян т. II 1995];
- группировка ментальных предикатов и предикатов восприятия в [Арутюнова 1988], описание предикатов внутреннего состояния в [Zaliznjak 1992].

Также при описании сочетаемостных свойств использовалось понятие предельности / неопредельности признака [Апресян 1995 т. II; Куцова 2017a] и акцентного статуса компонента [Падучева 2004].

Механизмы аномальной сочетаемости рассматривались в гл. 1, 2.2. В результате действия этих механизмов образуются как индивидуально-

авторские сочетания, аномальность которых хорошо ощущается читателем, так и неаномальные сочетания, которые входят в общий фонд языка: «Норма на каждом шагу сталкивается с живым процессом новообразования (метафорическими, метонимическими и прочими переносами), при которых продолжают действовать те же механизмы, что и в узаконенных словарных значениях слова» [Падучева 2004: 15]. Граница между аномалией и нормой, индивидуально-авторским употреблением слова и словарным значением остается размытой [Там же: 16]. Сочетания, встретившиеся только в текстах «больших романов Ф. М. Достоевского», мы будем называть уникальными, словосочетания, встретившиеся в художественных текстах других авторов второй половины XIX века и / или XX-XXI веков – неуникальными).

Материал нашей работы составляют аномальные (с точки зрения современного языка) сочетания опорных слов с интенсификаторами. При самом широком понимании любое аномальное сочетание «интенсификатор + опорное слово» можно рассматривать как результат нарушения правил сочетаемости (ограничений на сочетаемость). Однако содержание этих нарушений в разных случаях разное, поэтому мы будем выделять разные типы нарушений и, соответственно, разные конкретные типы аномальных сочетаний. Выделенные типы и механизмы отражают тенденции и закономерности сочетаемости интенсификаторов и опорных слов в текстах «больших романов» Ф. М. Достоевского.

1. Интенсификация неградуируемых признаков

Как уже говорилось выше, интенсификаторы в норме присоединяются к словам с градуируемым (в широком смысле – качественным) значением – это качественные и количественные характеристики, оценки, процессы. Однако потенциально градуируемыми являются не только качественные, но и относительные значения (а также притяжательные, точечные и др.). Например, относительное прилагательное *внешний* (*внешняя лестница*,

внешний слой, внешние признаки, внешний вид) может присоединять интенсификаторы, свойственные качественным словам: *Объяснение было простым и исключительно внешним*; *Отсюда «скандал» — это первое и наиболее внешнее обнаружение пафоса личности*; *На своих вершинах искусство всегда кажется совершенно внешним*; *Они ориентированы на сугубо внешние и случайные особенности человека* (примеры из НКРЯ). В таких контекстах *внешний* имеет качественную семантику (‘поверхностный, не отражающий суть, существо’). Однако в данном случае качественное значение является уже элементом языковой системы, оно реализуется при определенных условиях (при абстрактных существительных, в предикативной позиции), и его сочетание с интенсификатором не является аномальным.

В данном разделе мы рассмотрим другой случай – когда исходное значение слова не является качественным, не обозначает градуируемый признак, но при этом присоединяет интенсификатор. При этом слово не имеет словарного качественного значения, как в приведенном выше примере, – т. е. присоединение интенсификатора является нарушением сочетаемостных ограничений.

В текстах Достоевского обнаруживается два типа таких сочетаний интенсификаторов – с прилагательными и с существительными.

1. Интенсификатор + прилагательное с относительным значением.

1) Интенсификатор + прилагательное в составе сложной номинации.

В этом типе относительное прилагательное выступает в таком контексте, в котором реализуется именно относительное значение.

Наименее «склонны» к присоединению интенсификаторов коллокации – сложные наименования, имеющие терминологический характер. В составе подобных коллокаций прилагательные, даже исходно качественные, употребляются в относительном значении (ср. *легкая атлетика*, *горячее копчение*) и не поддаются окачеству, поэтому при присоединении к коллокации интенсификатора (**довольно легкая атлетика*; **очень горячее*

копчение) возникает эффект каламбура. Именно такой эффект мы наблюдаем в следующем примере:

*В двух-трех местах они [женщины «легкого поведения»] толпились на тротуаре группами, преимущественно у сходов в нижний этаж, куда, по двум ступенькам, можно было спускаться в разные **весьма увеселительные заведения** (ПН)*

Словосочетание *увеселительное заведение* является коллокацией и одновременно устойчивой номинацией. Поскольку прилагательные в устойчивых номинациях не развивают качественных значений, а интенсификатор требует качественного значения и как бы «наводит», индуцирует его, происходит столкновение общезыкового и контекстуального значений, которое порождает каламбур. Каламбур – это «неразрешенное» (неразрешимое) семантическое противоречие, когда слово в одном и том же контексте реализует два разных значения. В данном словосочетании мы видим, во-первых, «прием перемещения слов и выражений из одного стиля в другой» (наименование из официально-делового стиля перенесено в бытовую речь), что уже само по себе имеет комический эффект [Земская 1959: 221]; во-вторых – «особый тип каламбуров», который создается «при столкновении в пределах одной лексической единицы обычного значения слова и этимологического, при оживлении образа лежащего в основе слова, или при комическом осмыслении внутренней формы слова на основе “народной этимологии”» [Земская 1959: 244].

ПРИМЕЧАНИЕ. Каламбур – это «прием, в котором говорящий эксплуатирует постулат ясности “Будь однозначен”, намеренно порождая неоднозначное высказывание. Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все “имеются в виду” (в особенности осмыслений, далёких между собой), следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающего на игру смыслов друг с другом» [Падучева 2009г: 485-486]. Функции каламбура, отмеченные в [Санников

1995] – это создание комического эффекта, выражение отрицательной оценки, насмешки, осуждения, дискредитация описываемого, но каламбур также и «экспериментальная мастерская по выработке и оформлению необычных смыслов», «каламбур позволяет высказывать странные, а то и абсурдные мысли» [Санников 1995: 62, 59], причём именно тип каламбура-«семьи» (когда «обыгрываемые слова резко сталкиваются друг с другом, однако в этом столкновении нет победителя, второе значение не отменяет первое» [Санников 1995: 61]) представляется наиболее сложным с точки зрения семантического взаимодействия элементов.

Аномальное употребление интенсификатора и каламбур современный читатель увидит также в словосочетании *особенно священное предание*:

У нас в образованном обществе особенно священных преданий ведь нет, Авдотья Романовна: разве кто как-нибудь себе по книгам составит... али из летописей что-нибудь выведет (ПН)

По данным НКРЯ, сочетание *Священное Предание* / *Священное предание* / *священное предание* (наблюдается вариативность в написании) является коллокацией с точки зрения современного языка (*Священное Писание* – *Священное Предание*). В коллокации прилагательное *священный* не имеет качественного значения, которое однако возможно у него в других контекстах (так, в [МАС] отмечено 4 качественных значения). В русском языке второй половины XIX века употреблялось как терминологическое сочетание *Священное Предание* (например, *Дух Божий, глаголящий Священным Писанием, поучающий и просвещающий Священным Преданием вселенской Церкви, не может быть постигнут разумом*. [А. С. Хомяков. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси (1853)]), однако более употребительным было сочетание с качественным значением прилагательного (*священный* ‘заветный, нерушимый’ и *предание* ‘поучения, наставления, правила житейские, переданные одним поколением другому, заповедь, завет’ [Даль 1998]): *не хочет нарушать старинные священные предания* (Л. Н. Толстой), *религиозны и помнят старину не как дело быта, а как священное*

предание (Т. Г. Шевченко). Таким образом, для языка эпохи Ф. М. Достоевского употребление сочетания *священное предание* с интенсификатором не было аномальным, его стилистический эффект был, вероятно, не таким, каким он представляется современному читателю.

2) Интенсификатор + прилагательное в составе названия класса объектов. Второй подтип – это присоединение интенсификаторов к сочетаниям относительных прилагательных с существительными, которые представляют собой названия частных разновидностей какого-либо класса объектов (см. [Панов 1999; Павлов 1960]), ср. *морская рыба* и *речная рыба* – разновидности рыбы; *книжный, библиотечный, аптечный, гардеробный шкаф* – разновидности шкафов. Так, в художественных текстах второй половины XIX века нам встретились сочетания *летняя, зимняя, верхняя, траурная, праздничная, парадная одежда; охотничий, дачный, маскарадный, дорожный костюм; русский, малороссийский, европейский, восточный, петербургский костюм* (НКРЯ) – названия разновидностей одежды. В этом смысле они похожи на устойчивые сложные номинации и нередко близки к терминологическим обозначениям. Тем не менее присоединение к ним интенсификаторов дает несколько другой эффект, чем в предыдущем случае:

*<...> виднелись фигуры в халатах и совершенно нараспашку, в **летних до неприличия костюмах**, иные с картами в руках* (ПН)

– Ты, может быть, не знаешь? я люблю иногда от скуки... от ужасной душевной скуки... заходить в разные вот эти клоаки. Эта обстановка, эта заикающаяся ария из «Люции», эти половые **в русских до неприличия костюмах**, этот табачище, эти крики из бильярдной – все это до того пошло и прозаично, что граничит почти с фантастическим (ПН)

Хотя сочетания типа *до неприличия летний костюм*, имеют, как и весьма увеселительные заведения, иронический оттенок, тем не менее присоединение интенсификатора приводит не к каламбуру, а скорее

к семантическому сдвигу в значении прилагательного. Интенсификатор актуализирует периферийную качественную семантику у опорного прилагательного, а иногда, возможно, как в предыдущем случае, индуцирует, «наводит» ее. В любом случае коннотативная качественная семантика прилагательного позволяет интерпретировать его сочетание с интенсификатором, которое по общему правилу семантически запрещено.

Следующий пример представляет собой промежуточный случай между устойчивым (терминологическим) и свободным сочетанием (ср. *священное предание*): *Стена с тремя окнами, выходившая на канаву, перерезывала комнату как-то вкось, отчего один **угол**, ужасно **острый**, убежал куда-то вглубь, так что его, при слабом освещении, даже и разглядеть нельзя было хорошенько; другой же **угол** был уже слишком **безобразно тупой*** (ПН)

Острый угол и *тупой угол* – геометрические термины, в то же время *острый* или *тупой угол комнаты (дома)* можно, по-видимому, считать свободными сочетаниями (ср. *острый / тупой носок ботинка*). Тем не менее благодаря существительному *угол* здесь сохраняется связь с термином, поэтому для читателя возникает эффект «восстановления» качественного значения. Ср. сочетание *совершенно частный случай*, которое встретилось у Ф. М. Достоевского и у других авторов второй половины XIX века (1-5-1)⁷.

Наконец, в следующем примере присоединение интенсификатора к прилагательному *логический* (относительному в своих исходных значениях по [МАС]: «Согласующийся с законами логики, основанный на законах логики. *Логическое доказательство. Логический вывод*», «замечаемый, устанавливаемый при помощи законов логики». *Логическое противоречие. Логическая ошибка*») является аномальным уже только для современного языка: *Особенно логической связи подарка с немедленным отъездом и непременною необходимостью прийти для того в дождь и в полночь, конечно, этими объяснениями ничуть не выказывалось, но дело, однако же,*

⁷ Цифры в скобках здесь и далее обозначают количество употреблений словосочетания у Ф. М. Достоевского в сравнении с употреблением в корпусах художественных текстов второй половины XIX века и XX-XXI веков (см. Приложение 1)

обошлось весьма складно. (ПН) В XIX в. **логический** нередко употреблялось как синоним *логичного*, в том числе – с интенсификаторами (при этом прилагательное *логичный* тоже существовало), ср. примеры из НКРЯ: *И не совсем логический смысл этих слов был пояснен взглядом, от которого немножко дрогнули нервы молодого человека.* [В. Г. Авсеенко. Петербургские очерки (1900)]; *Весь ее беспощадный, неутомимый ход кажется чем-то совершенно логическим и необходимым и для тех, кто ест, и для тех, кого едят.* [А. В. Амфитеатров. Птички певчие (1896–1898)]; *Основываясь на этом, довольно логическом, выводе, они осуждают меня* [Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, изд. М. Н. Загоскиным // «Москвитянин», 1850].

ПРИМЕЧАНИЕ. Отметим случай, когда интенсификатор употребляется при притяжательном местоименном прилагательном:

– *А знаете, князь, – сказал он совсем почти другим голосом, – ведь я вас все-таки не знаю, да и Елизавета Прокофьевна, может быть, захочет посмотреть на однофамильца... Подождите, если хотите, коли у вас время терпит.*

– *О, у меня время терпит; у меня время совершенно мое* (и князь тотчас же поставил свою мягкую, круглополую шляпу на стол) (И) – такое употребление может быть интерпретировано как не совсем точная калька с французского «j'ai tout mon temps», т. е. как специальный прием, используемый для яркой речевой характеристики, ср.: *Что-что, а свобода у меня совершенно моя, как сказал бы Федор Михайлович* [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969-1971)].

Во втором типе сочетаний интенсификатор присоединяется к существительному. Это может быть (1) существительное, обозначающее лицо по профессии; (2) существительное, обозначающее лицо по национальности; а также (3) имя собственное; (4) событийное существительное.

2. Интенсификатор + существительное с неградуируемым значением.

Среди нарицательных существительных со значением лица существуют аналоги качественных и относительных значений, подобные

соответствующим значениям прилагательных. Некоторые существительные имеют градуируемые, т. е. качественные, значения и закономерно присоединяют интенсификаторы, ср.: *законченный подлец; ужасный вун; безнадежный лентяй* (в этот же класс попадают случаи типа *законченный двоечник; жуткий прогульщик; заядлый курильщик; отпетый безбожник*, где существительное приобретает оценочные коннотации).

1) Интенсификатор + существительное, называющее лицо по профессии, занятию. Существительные, называющие лицо по профессии, занятию, можно считать аналогами относительных прилагательных. Они могут присоединять оценочные прилагательные, но не степенные [Куцова 2010]: *выдающийся полководец, блестящий адвокат*, но не **законченный полководец, *отъявленный адвокат* (у некоторых существительных в парадигме имеются оба типа значения, ср. *Он карьерный дипломат* 'профессия') и *Он большой дипломат* 'качество').

Присоединяясь к существительному, обозначающему род занятий, интенсификатор вступает в противоречие с его «относительным» значением, но согласуется с его коннотациями.

Возможность семантического согласования слов, основанного на коннотациях, отметил Ю. Д. Апресян: «Многие типы словосочетаний вида $X \leftarrow Y$ можно осмыслить только в предположении, что семантической областью действия X -а является не все лексическое (или грамматическое) значение слова Y , как это бывает в большинстве случаев, и даже не отдельный его компонент, а какая-то коннотация X -а», ср. *убежденный холостяк* [Апресян 1995 т. II: 167]. Коннотации – это «совокупность не всегда связанных, но закрепленных в культуре данного общества ассоциаций», образующих сопутствующие лексическому значению «содержательные элементы, логические и эмотивные, которые складываются в стереотип» (Jerzy Bartmiński, цит. по [Апресян 1995 т. II: 159]); это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею [лексемой – Е. III.] понятия, которые воплощают принятую в данном языковом

коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995 т. II: 159]. Характерным случаем такого рода, как отмечает Ю. Д. Апресян, является «взаимодействие степенного квантификатора с коннотацией» «слова, обозначающего неградуируемое свойство», ср. *холостой, женатый, живой, мертвый, теща, сестра* [Апресян 1995 т. II: 168].

В текстах Достоевского данный механизм реализуется в следующих контекстах:

[Настасья Филипповна – Рогожину] *Потом помолчала и говорит: «Все-таки ты не лакей; я прежде думала, что ты **совершенный**, как есть, лакей»* (И)

В современном языке слово *лакей* имеет качественное значение, основанное на коннотациях ‘холопская преданность’, ‘подобострастие’ [Апресян 1995 т. II: 172]. Однако в XIX веке, судя по данным НКРЯ, слово *лакей* еще не имело оценочного значения и обозначало только род занятий (*ливрейный, коридорный, выездной, графский лакей*). Можно считать, что присоединение интенсификатора в данном случае основано на индивидуально-авторских коннотациях. Однако модель образования такого сочетания известна языку: *Шут Кадушкин, одетый совершенным маркизом, в чулках и башмаках, стоит в строго официальной позе у дверей*. [А. Ф. Писемский. Самоуправцы (1867)].

Характерно, что не только в этом, но и в других случаях коннотации, которые взаимодействуют с интенсификатором, принадлежат скорее индивидуально-авторской текстовой системе, нежели системе языка (такая возможность, т. е. актуализация у слова «несистемных» коннотаций на «субъективной основе» исключительно за счет интенсификатора, отмечалась в [Апресян 1995 т. II: 167]).

Рассмотрим следующий пример:

*Ненавижу я эту Америку уж теперь! И хоть будь они там все до единого **машинисты необъятные** какие, али что – чорт с ними, не мои они*

люди, не моей души! Россию люблю, Алексей, русского бога люблю, хоть я сам и подлец! (БК)

Слово *машинист* не имеет коннотаций в общеязыковой системе, оно приобретает их только в художественной (идейной и языковой) системе романов Достоевского. В этом случае коннотации связаны с весьма устойчивым мотивом неверия в счастье, основанное на техническом прогрессе и увеличении материального благополучия.

Значение слова *машинист* в XIX веке отличалось от современного. Первый раз слово *машинист* появляется в НКРЯ в «Опыте исторического слова о российских писателях» (1772) в значении ‘инженер в театре’. В [Словаре 1847] у слова *машинист* приводится значение «изобретатель, строитель машин». По нашим наблюдениям, эти два значения слова в XIX веке сосуществуют. Мы не обнаружили никаких признаков развития качественного значения.

В этом контексте рассмотрим также следующий случай аномального употребления интенсификатора из романа «Идиот»:

*«Слишком шумно и **промышленно** становится в человечестве, мало спокойствия духовного», – жалуется один удалившийся мыслитель. «Пусть, но стук телег, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть, лучше спокойствия духовного», – отвечает тому победительно другой, разъезжающий повсеместно мыслитель, и уходит от него с тщеславием* (И)

В этом примере коннотации позволяют образовать окказиональное слово категории состояния *промышленно* и аномальное сочетание с интенсификатором. Выражение *слишком промышленно* оформлено Достоевским в составе чужой, прямой речи. В приведенном отрывке Достоевский передает полемику между А. И. Герценом и В. С. Печериным, отраженную в их переписке 1853 г. Однако Достоевский не приводит точных цитат: чтобы резюмировать содержание писем Печерина и передать суть его взглядов, писатель использует аномальное сочетание.

ПРИМЕЧАНИЕ. Переписка была опубликована Герценом в «Полярной звезде», вошла в «Былое и думы». В. С. Печерин – соратник Герцена по Московскому университету, представитель интеллигенции 30-х годов. Эмигрировав за границу, он впоследствии принял католичество и священный сан. Спор между Герценом и Печериным идет о путях пересоздания общества: это наука – по мнению Герцена, и религия – по мнению Печерина. Печерин выступает как противник «материальной науки». Приведем здесь отрывок из его письма, который, по нашему мнению, был резюмирован Достоевским в сочетании *слишком промысленно*: «Что будет съ нами когда ваше образование (votre civilisation à vous) одержитъ побѣду. Для васъ наука все, альфа и омега. Не та обширная наука, которая обнимаетъ всѣ способности человѣка, видимое и нѣвидимое, наука — такъ какъ ее понималъ міръ до сихъ поръ; но наука ограниченная, узкая, наука матеріальная которая разбираетъ и разсѣкаетъ вещество, и ничего не знаетъ кромѣ его. Химія, механика, технологія, паръ, электричество, великая наука пить и ѣсть, поклоненіе личности (le culte de la personne) какъ бы сказалъ Мишель Швалье. Если эта наука восторжествуетъ, горе намъ! Во времена гонѣній римскихъ императоровъ, христіане имѣли по крайней мѣрѣ возможность бѣгства въ степи Египта, мечъ тирановъ останавливался у этого непѣрѣходимаго для нихъ предѣла. А куда бѣжать отъ тиранства вашей матеріальной цивилизаціи? она сглаживаетъ горы, вырываетъ каналы, прокладываетъ желѣзныя дороги, посылаетъ пароходы, журналы ея проникаютъ до каленыхъ пустынь Африки, до непроходимыхъ лѣсовъ Америки. Какъ нѣкогда христіанъ влекли на амфитеатры, чтобъ ихъ отдать на посмѣяніе толпы, жадной до зрѣлищъ, такъ повлекутъ теперь, насъ людей молчанія и молитвы, на публичныя торжища, и тамъ спросятъ : “Зачѣмъ вы бѣжите отъ нашего общества ? Вы должны участвовать въ нашей матеріальной жизни, въ нашей торговлѣ, въ вашей удивительной индустріи. Идите витійствовать на площади, идите проповѣдывать политичѣскую экономію, обсуживать паденіе и возвышеніе курса, идите работать на наши фабрики, направлять—паръ и электричество. Идите предсѣдательствовать на нашихъ пирахъ, рай здѣсь па землѣ — будемъ ѣсть и пить, вѣдь мы завтра умремъ!” Вот что меня приводитъ въ ужасъ, ибо гдѣ же найти убѣжище отъ тиранства матеріи, которая больше и больше овладѣваетъ всѣмъ» [Герцен 1861: 269-270].

Существительное *полководец*, не будучи качественно-оценочным, закономерно присоединяет оценочные характеристики, ср. *выдающийся*

полководец. В следующем контексте интенсификатор переводит его в разряд качественных, актуализируя коннотативное значение ‘наделенный гениальностью, большим талантом’. Аномальное сочетание, употребленное вместо более привычного *выдающийся полководец*, выражает авторскую иронию, подчеркивая, что это «полководец» вовсе не выдающийся и даже не настоящий:

*Я всегда горевал, что великий Пирогов взят Гоголем в таком маленьком чине, потому что Пирогов до того самоудовлетворим, что ему нет ничего легче как вообразить себя, по мере толстеющих и крутящихся на нем с годами и «по линии» эполет, **чрезвычайным**, например, **полководцем**; даже и не вообразить, а просто не сомневаться в этом: произвели в генералы, как же не полководец? (И)*

ПРИМЕЧАНИЕ. Коннотации, на основе которых происходит согласование в аномальном сочетании *чрезвычайный полководец*, эксплицитно обозначено в предшествующем контексте: «Стоило иному на слово принять какую-нибудь мысль или прочесть страничку чего-нибудь без начала и конца, чтобы тотчас поверить, что это “свои собственные мысли” и в его собственном мозгу зародились. Наглость наивности, если можно так выразиться, в таких случаях доходит до удивительного; все это невероятно, но встречается поминутно. Эта наглость наивности, эта несомневаемость глупого человека в себе и в своем *таланте*, превосходно выставлена Гоголем в удивительном типе поручика Пирогова. Пирогов даже и не сомневается в том, что он *гений*, даже выше всякого гения; до того не сомневается, что даже и вопроса себе об этом ни разу не задает <...>» (И)

2) Интенсификатор + существительное, называющее лицо по национальности. Аналогичное употребление с интенсификаторами отмечаем также для существительных, обозначающих лицо по национальности.

«Исторический, политический, религиозный или психологический контекст существования лексемы или её референта» играет заметную роль в формировании коннотаций, поэтому названия национальностей часто имеют в языке «большую коннотативную нагрузку» [Апресян 1995 т. I: 170].

Индивидуально-авторскую коннотативную нагрузку получает в текстах Достоевского существительное *русский* на фоне обозначений других национальностей (*немец, француз*), а также общей номинации *европеец*. Рассуждая о русском культурном типе как о типе «всемирного боления за всех», Версиров противопоставляет русского человека и представителя европейской культуры: *Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо ещё раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться **наиболее русским** именно лишь тогда, когда он **наиболее европеец**... Им ещё долго суждено драться, потому что они – ещё **слишком немцы и слишком французы** и не кончили свое дело еще в этих ролях* (П) – интенсификаторы *наиболее* и *слишком* актуализируют фоновые знания читателя о русских, европейцах, немцах и французах (что свойственно русским? что европейцам? что немцам? что французам?), а также, в условиях приведенного контекста, получают ограничительное значение: немцы – только немцы, а французы – только французы, в отличие от русского, который способен воплотить в себе черты всех европейских наций.

Ср. общеязыковой путь расширения значения («окачества») относительных прилагательных со значением национальности в следующих контекстах Ф. М. Достоевского – *совершенно русская вера, совсем русская черта*:

– *Соглашаешься! Значит, так, коли уж ты соглашаешься! Алешка, ведь правда? Ведь **совершенно русская** вера такая?* – *Нет, у Смердякова совсем не русская вера, – серьезно и твердо проговорил Алеша.* <...> – *Да, черта эта **совсем русская**, – улыбнулся Алеша* (БК) – в контексте соседних реплик *русский* получает значение ‘народный’ («это народная в вере черта»). Словосочетания с прилагательным *русский*, наиболее богатым коннотациями, – *совершенно русский* (2-10-13) и *совсем русский* (2-15-11) – встречаются в НКРЯ. У Ф. М. Достоевского в процесс образования

словосочетаний такого типа «втягиваются» также названия других национальностей.

3) Интенсификатор + имя собственное. Индивидуально-авторскую качественную семантику интенсификатор подчеркивает в сочетании с фамилией персонажа:

[Ракитин:] *Ты, Алешка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня и чорт знает о чем ты уж не думал, чорт знает, что тебе уж известно! Девственник, а уж такую глубину прошел, – я тебя давно наблюдаю. Ты сам Карамазов, ты **Карамазов вполне** – стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. По отцу сладострастник, по матери юродивый (БК)*

Родство главных героев романа наделяется у Достоевского важной смысловой нагрузкой: оно подчеркнуто в названии, а в тексте получает особые коннотации, интерпретация которых может быть, например, такой: «В глазах Достоевского любовь к жизни не только не враждебна разуму, но, напротив, только она и дает человеку энергию, движущую им на трудном пути постижения смысла жизни. Она – не смысл, а основа, сила жизни. Смысл жизни рождается благодаря любви, а любовь через смысл обретает свою высшую подлинную форму. Только людям, любящим жизнь, может открыться её высший смысл. Поэтому жизнелюбие – существенная черта для характеристики героев Достоевского. Карамазовы – и Дмитрий, и Иван, и Алеша, и Федор Павлович – страстные, жизнелюбивые натуры, все сладострастники. <...> Всем им противопоставлен Смердяков, ничего и никого не любивший» [Линков 2010: 185].

4) Интенсификатор + существительное, называющее событие. Отметим также сочетание интенсификатора с абстрактным (событийным) существительным:

*Ибо всякий-то теперь стремится отделить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит из всех его усилий вместо полноты жизни лишь **полное самоубийство**, ибо вместо*

полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение (БК)

Самоубийство здесь получает качественный контекстуальный смысл ‘духовная, душевная смерть, утрата полноты жизни’, который поддается градуированию.

Механизм интенсификации неградуируемых (относительных) признаков и образования аномальных сочетаний данного типа (интенсификатор + слово с не-качественной семантикой) основан на актуализации или индуцировании качественной семантики у опорного слова (в т. ч. в составе коллокации) в контексте интенсификатора. Интенсификация в норме неградуируемых признаков в текстах Достоевского может служить:

– для выражения авторской иронии и сарказма (*особенно логической связи не выказывалось; в летних до неприличия костюмах; в весьма увеселительные заведения; вообразить чрезвычайным полководцем*);

– для актуализации коннотативной семантики слова (*совершенный лакей*), а в отдельных случаях – для её создания в индивидуально-авторской лексической системе текста (*машинисты необъятные, становиться наиболее русским, слишком немцы, слишком французы, Карамазов вполне*).

2. Тавтология

Одним из характерных проявлений интенсивности является, в широком смысле, избыточность. «Тавтологическая избыточность» [Левин 1991] вообще характерна для языка Ф. М. Достоевского, но нас это явление будет интересовать применительно к сфере употребления интенсификаторов.

Избыточность – это часто следствие повтора. Однако не любой повтор связан с интенсивностью и приводит к избыточности. Повтор лежит в основе *связности* любого текста: «некоторая знаковая последовательность на том основании расценивается как связная, что имеет место повторяемость различных знаков, их форм, а также смыслов; повторяясь, они скрепляют,

“сшивают” такую последовательность в одно отдельное целое» [Лукин 2005: 24], ср. также [Апресян 1974 / 1995: 13-14]. Однако такой повтор не является ни аномальным, ни плеонастическим.

Повтор как художественный прием также не всегда приводит к аномалии. Ср. примеры, которыми А. В. Чичерин иллюстрирует характерную для языка Достоевского особую «ударность отдельного слова», «повтор того же слова со все обогащающим значением», когда «слова привязываются, звучат неотступно»: <...> *ничего, то есть ровно ничего и, может быть, в высшей степени ничего* (ПН); <...> *какая-нибудь пошлейшая мелочь... Мелочи, мелочи, главное!.. вот эти-то мелочи и губят всегда и все...* (ПН) [Чичерин 1963: 178, 197].

Нас в данной работе будет интересовать не любой повтор и не любая избыточность, а такая, которая, во-первых, является средством интенсификации, а во-вторых, имеет аномальный характер. В первую очередь это тавтология и плеоназм.

В. П. Москвин предлагает «различать тавтологию как дублирование элементов плана выражения (формы) и плеоназм как дублирование элементов плана содержания» [Москвин 2007: 755], ср. *старый старикашка* (А. П. Чехов) и *носовые ноздри* (Н. В. Гоголь) – тавтология, *иностранец француз* (В. Крестовский) – плеоназм, однако замечает, что «в специальной литературе эти два понятия нередко отождествляются» [Там же].

Избыточность как средство повышения экспрессивности текста может принимать самые разнообразные (при этом вполне законные с точки зрения стиля и поэтики) формы. В художественном тексте сложно провести четкую границу между повтором, плеоназмом и тавтологией как стилистическими приемами и как языковой аномалией.

Мы не стремимся провести границу между плеоназмом и тавтологией. В случае лексического повтора такая граница очевидна, однако совершенно не случайно, что понятия плеоназма и тавтологии часто не различаются в специальной литературе. Оба приема, в конечном счете, предполагают

повтор (лексический или семантический), но для нас важны случаи, когда повтор дает эффект не просто избыточности, а аномальной избыточности.

В [Щенников 1997] некоторые случаи тавтологий приведены среди примеров плеоназма. Плеоназм – это «избыточность выразительных средств, используемых для передачи лексического или грамматического смысла высказывания», он «может быть выражен как синонимическое дублирование лексем или более пространное выражение того, что может быть названо короче». Плеоназм сам по себе имеет интенсифицирующее значение, так как «в художественной речи обусловлен экспрессивными целями высказывания»; у Достоевского это «устойчивая черта стиля», которая «отвечает важной художественной задаче писателя – «изображению эмоционального “надрыва”, подъема и т. п.», связана с гиперболизацией страстей и страданий, идей, характеров, ситуаций (М. В. Загидуллина, цит. по [Щенников 1997: 194]).

М. В. Загидуллина перечисляет следующие основные виды плеоназма:

- 1) накопление эпитетов (*вынул огромнейшие выпуклые глухие золотые часы*);
- 2) удвоенная превосходная степень (*вы будете самую серьезнейшею ... моею мыслью во всю мою жизнь!*);
- 3) периссология в прямой речи (*Но что мучило меня до боли (мимоходом, разумеется, сбоку, мимо главного мучения) – это было одно неотвязчивое, ядовитое впечатление – неотвязчивое, как ядовитая, осенняя муха, о которой не думаешь, но которая вертится около вас, мешает вам и вдруг пребольно укусит*);
- 4) усилительные конструкции, нарушающие нормы литературного языка (*слишком понимал, мы очень поцеловались, очень меньше любил*); а также употребление превосходной степени существительных, глаголов, местоимений [Там же].

Из перечисленных видов плеоназма к языковым средствам выражения категории интенсивности относятся п. 2 и п. 4. В первом случае имеет место явная тавтология грамматических средств выражения интенсивности. Во втором случае термины «плеоназм» или «тавтология» вряд ли уместны, так как речь идет о нарушении сочетаемостной нормы, а не о повторе.

Для сферы употребления интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского характерны разнообразные выражения с различной степенью аномальности – от стандартных стилистических приемов удвоенной интенсификации до случаев явной тавтологической избыточности, где языковая ошибка хорошо ощущается читателем.

Среди типичных приемов, которые характерны для стиля Достоевского, отметим следующие:

(1) «редупликация наречий» [НОСС 2004: 748]:

Он обернулся к ней и пристально-пристально посмотрел на неё. (ПН)

– Что вы, что вы это? Передо мной! – пробормотала она, побледнев, и больно-больно сжало вдруг ей сердце (ПН)

(2) лексические повторы:

Доложите же, мой милый, что генерал Иволгин и князь Мышкин желали засвидетельствовать собственное своё уважение и чрезвычайно, чрезвычайно сожалели... (И)

Слишком, слишком оценят они, что значит раз навсегда подчиниться! И пока люди не поймут сего, они будут несчастны! (БК)

– А он очень, очень, очень, очень будет рад с тобой познакомиться! (ПН)

(3) синонимические повторы:

Она [госпожа Хохлакова] торопилась: случилось нечто важное: истерика Катерины Ивановны кончилась обмороком, затем наступила ужасная, страшная слабость, она легла, завела глаза и стала бредить (БК)

Глубокое, бесконечное сострадание вдруг охватило и измучило его мгновенно (БК)

Лицо его [князя Сокольского] выражало глубочайшую, мрачную, безысходную горесть (П)⁸

⁸ Хотя прилагательные *глубочайшая, мрачная, безысходная* [горесть] сохраняют качественное значение, в контексте слова, содержащего оценку (горесть) (см. [Кустова 2010]), они функционируют как интенсификаторы.

(4) повтор интенсификаторов или употребление синонимичных интенсификаторов в контексте сопоставления или противопоставления:

С неудержимым отворачиванием и с неудержимым намерением все заглазить я вдруг вскочил с дивана; но только что я вскочил, мигом выскочила Альфонсинка (П)

Совершенный атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры (там перешагнет ли её, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха (Б)

*Шляпа с широкими полями, гарусный шарф, плотно обматывавший шею, палка в правой руке, а в левой **чрезвычайно** маленький, но **чрезмерно** туго набитый саквояж довершали костюм (Б) – словообразовательный повтор в контексте противопоставления;*

5) удвоенная интенсификация – «когда усиливается уже интенсифицированный признак» [Родионова 2005: 162]:

– <...> А знаешь, я ужасно хотела рассмеяться, когда ты там мне в глаза глядел, ты ужасно смешно глядел.

Она хохотала ужасно. (П)

*<...> в эту минуту мне показалось, что в испуге Нормы было что-то как будто **очень необыкновенное**, как будто тоже почти мистическое (И)*

*Ср. Это... это **очень необыкновенно!** [Н. С. Лесков. Зимний день (1894)]*

б) «в пределах одного предложения могут одновременно усиливаться несколько признаков», что «увеличивает общую экспрессивную силу высказывания» [Родионова 2005: 162-163]:

*Князь **глубоко** удивился, что такое **совершенно** личное дело его уже успело так **сильно** всех здесь заинтересовать (И)*

*Он [Лужин] с упоением помышлял, в **глубочайшем** секрете, о девице благонравной и бедной (неприменно бедной), **очень** молоденькой, **очень** хорошенькой, благородной и образованной, **очень** запуганной, **чрезвычайно** много испытавшей несчастий и **вполне** перед ним приникшей, такой,*

которая бы всю жизнь считала его – спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному (ПН)

Подобные явления не выходят за рамки представления о «стандартном» художественном приеме. Однако на их фоне хорошо осознаются случаи явной тавтологической избыточности, среди которых мы отметим 1) двойную интенсификацию (контаминацию); 2) конструкцию «интенсификатор (наречие) + интенсификатор (наречие) + прилагательное / наречие / предикатив»; 3) «корневой повтор»; 4) двойную лексикализацию семантического компонента (возможно, это не исчерпывающий список типов аномальной тавтологической избыточности, но мы ограничиваемся теми типами, которые неоднократно встретились в текстах Достоевского).

1. Двойная интенсификация (контаминация).

В данном случае избыточность состоит в том, что к опорному слову, которое уже имеет интенсификатор, присоединяется еще один интенсификатор. С другой точки зрения эту конструкцию можно описать как результат контаминации двух сочетаний, например:

*Являлся на вечера и еще один молодой человек, некто Виргинский, здешний чиновник, имевший некоторое сходство с Шатовым, хотя, по-видимому, и **совершенно** противоположный ему **во всех отношениях**; но это тоже был «семьянин» (Б) – **совершенно** противоположный + **противоположный во всех отношениях**.*

*Смотрела она на меня слишком любопытно, точно ей хотелось, чтоб и я её тоже **очень** заметил **как можно больше** (П) –* здесь впечатление аномальности усилено тем, что сочетания *очень заметил* и *заметил как можно больше* сами по себе являются результатом нарушения сочетаемости.

Мы со Степаном Трофимовичем, не без страха за смелость предположения, но обоюдно ободряя друг друга, остановились наконец на одной мысли: мы решили, что виновником разошедшихся слухов мог быть один только Петр Степанович, хотя сам он некоторое время спустя, в

разговоре с отцом, уверял, что застал уже историю во всех устах, преимущественно в клубе и **совершенно** известною до мельчайших **подробностей** губернаторше и ее супругу (Б) – совершенно известною + известною до мельчайших подробностей.

2. Конструкция «интенсификатор (наречие) + интенсификатор (наречие) + прилагательное / наречие / предикатив».

В данном случае речь идет о контекстах, в которых к прилагательному / наречию / предикативу относится цепочка из двух интенсификаторов. В предыдущем типе **совершенно** противоположный ему **во всех отношениях** оба интенсификатора относятся к опорному слову, в данном типе один интенсификатор – со значением высокой степени (*существенно, небывало*) – присоединяется к опорному слову, а второй – со значением чрезмерной или предельной степени (*слишком, совсем*) – присоединяется к первому и характеризует этот интенсификатор:

– <...> Нам **слишком существенно необходимо** узнать, для чего именно вам понадобилась такая сумма, то есть именно в три тысячи? (БК)

Один уж этот неожиданный тон, **совсем** какой-то **небывало высокомерный**, с которым этот бывший его лакей обращался теперь к нему, был необычен (БК)

Если подходить к этим примерам формально, кажется, что впечатление неправильности обусловлено «нагромождением» интенсификаторов. Однако присоединение интенсификатора к другому интенсификатору не запрещено и совершенно не обязательно дает аномальное сочетание, ср.: *невыносимая боль – совершенно невыносимая боль; совершенно недопустимые нарушения* (НКРЯ). Ср. также пример из текста Достоевского:

Удивила меня тоже **уж слишком необыкновенная** невежливость тона Петра Степановича (Б) – здесь интенсификатор *слишком* «ослаблен» частицей *уж*, поскольку оборот *уж слишком* выступает не только как интенсификатор, но и как прагматический показатель отрицательной оценки, негативного отношения говорящего к сообщаемому факту.

В приведенных выше примерах картина «размыта» из-за того, что аномальным может быть само сочетание интенсификаторов: *слишком существенно* (ср. *очень существенно*). Однако, даже если бы этой аномальности не было, эти сочетания (например, *очень существенно необходимо*) все равно сохраняли бы эффект аномальности и избыточной интенсификации. Причина этого – в самом их синтаксическом строении. В отличие от конструкций «наречие (интенсификатор) + прилагательное (интенсификатор) + существительное» (типа *совершенно невыносимая боль*), конструкции «наречие (интенсификатор) + наречие (интенсификатор) + прилагательное / наречие / предикатив» (типа *совершенно невыносимо больно*; *совершенно ужасно горячий*) практически не встречаются (т. е. в данном случае речь идет о нарушении норм узуса). Так, в НКРЯ не встретилось ни одного сочетания по запросам «*совершенно + невыносимо + прилагательное / наречие / предикатив*», «*совершенно + ужасно + прилагательное / наречие / предикатив*».

В этом контексте интересны некоторые случаи употребления Достоевским наречия *отлично*:

[Версилов:] *Этот Макар отлично хорошо понимал, что я так и сделаю, как говорю; но он продолжал молчать <...>* (П)

Он [Раскольников] *очень хорошо знал, он отлично хорошо знал, что они, в это мгновение, уже в квартире, что очень удивились, видя, что она отперта, тогда как сейчас была заперта, что они уже смотрят на тела и что пройдет не больше минуты, как они догадаются и совершенно сообразят, что тут только что был убийца и успел куда-нибудь спрятаться, проскользнуть мимо них, убежать; догадаются, пожалуй, и о том, что он в пустой квартире сидел, пока они вверх проходили* (ПН)

Сочетания *отлично хорошо понимал* и *отлично хорошо знал* также производят впечатление аномальной тавтологии. Однако *отлично хорошо* является одновременно примером устаревшего употребления наречия *отлично*, которое на протяжении XIX века из наречия со значением «высокой

степени признака с точки зрения незаурядности, исключительности его» постепенно превращалось в наречие, «самостоятельно обозначающее положительное качество действия или признака» и во второй половине XIX века, «по-видимому, приобрело уже характер устарелости» [Очерки по исторической грамматике 1964: 276-277]. Контекст позволяет предположить, что Ф. М. Достоевский употреблял их как средство усиления, повышения экспрессивности текста. *Отлично* указывает на «незаурядность, исключительность» ситуации, которая является предметом знания: в обоих случаях один герой уверен, что он «читает», знает мысли другого.

3. «Корневой повтор».

С точки зрения семантики, «корневой повтор» – это вариант повтора, при котором семантическая тавтология «поддержана и на уровне формальном – за счет повтора компонентов, т. е. употребления в словосочетаниях однокоренных слов» [Радбиль 2012: 200]; с точки зрения стилистики, это «пример такого частного проявления паронимической аттракции, как анноминация (соединение, сочетание слов однокоренных, но различной частеречной принадлежности)», ср. *огненной огня* (А. Ахматова) [Бабенко 1997: 49].

У Достоевского можно найти много примеров словообразовательной языковой игры такого рода – «концентрацию на небольшом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов» [Николина 1999: 338], в некоторых случаях – с образованием авторских неологизмов. Иногда это средство создания иронии и каламбура: *началось со случайности, с одной совершенно случайной случайности* (ПН); *хотя их сейчас и ругал ругательски, но ведь я их всех уважаю* (ПН); *спеши выложить ему всю «правду правдинскую»* (БК); *они тоже как и Федор Павлович мучительски мучить* меня начнут: «зачем не пришла <...>» (БК); *на коленях просил, чтоб эта злая злючка удостоила сюда переехать* (И); *не такого грубого грубияна, как вы, Иван Федорыч* (И); *старец уже обратился к одной старенькой старушонке* (БК); *вторая дочь подполковника, раскрасавица из*

красавиц (БК); *вот всеми крестами крещусь*, что говорю правду истинную (И); в других случаях средство логического выделения определенных идей и мотивов: *почему они почернели так от черной беды* (БК); *он ясно ощущал, всю силой ощущения* (ПН); *то, что я знал об этом вперед, как дважды два, разозлило меня до злости* (П).

Среди этих примеров есть существующие в языке устойчивые выражения (*ругательски ругать*). Некоторые авторские повторы построены по этой же модели: *мучительно мучить* (ср. *мука мученическая*), другие к ним близки: *случайная случайность, злая злючка, грубый грубиян, правда правдинская, старенькая старушонка* (впрочем, сочетание *старая старуха* в НКРЯ встречается).

4. Двойная лексикализация семантического компонента.

Двойная лексикализация семантического компонента (см. [Беручашвили 1986а; Беручашвили 1986б]) имеет место в тех случаях, когда в качестве интенсификатора выбрано полнозначное слово, которое повторяет дифференциальные семы опорного, создавая впечатление избыточной лексикализации «очевидной» информации. В языке возможна интенсификация по этой модели (ср. *пристально уставиться* (2-3-27)), в языке Достоевского встречаются уникальные сочетания этого типа:

– *В... тебя, в... тебя!.. – произнес вдруг, обращаясь к ней, Семен Яковлевич крайне нецензурное слово. Слова сказаны были свирепо и с ужасающей отчетливостью. Наши дамы взвизгнули и бросились стремглав бегом вон, кавалеры гомерически захохотали* (Б) – в этом контексте трижды выражена идея бега: *бросились, бегом, стремглав* и дважды – идея высокой степени признака (скорости): *бросились, стремглав*.

– *Кто же может отвечать за всех тех, кого встречает, – так и вспыхнул весь Ракитин. – Понимаю, слишком понимаю! – воскликнул Фетюкович, как бы сам сконфуженный и как бы стремительно спеша извиниться* (БК) – в данном случае спешка (*поспешил извиниться*) не связана с физическим движением. Однако и в этом значении *спешить* предполагает

быстроту осуществления действия. Второй раз та же идея выражена в наречии *стремительно*.

Главнейшая суть дела была решена в его голове и решена окончательно: «Не бывать этому браку, пока я жив, и к черту господина Лужина!» (ПН) – в сочетании *главнейшая суть*, повторяется семантический признак ‘главный’.

Тавтологическая избыточность, в том числе и в употреблении интенсификаторов, – значимое явление в идиостиле Достоевского. Оно представляет собой шкалу разнообразных выражений от принятых в речевой и литературной традиции стилистических приемов, основанных на повторе, до выражений, воспринимаемых как языковая ошибка, аномалия. Функции тавтологической избыточности у Достоевского могут быть разнообразными: чаще всего она служит повышению экспрессивности текста, созданию эмоционального накала и разговорной «небрежности» речи; нередко «притягивает» к себе логическое ударение; в некоторых случаях отражает характерную для Достоевского «лейтмотивность художественной речи, основанную на концентрации повторов в различных уровнях (от фонетического до сюжетно-композиционного)» (М. В. Загидуллина, цит. по [Щенников 1997: 249]).

3. Оксюморонные сочетания со значением противоположной оценки

Как уже было отмечено (см. параграф 2.3. главы 1), некоторые виды аномалий традиционно используются в стилистических целях, т. е. в качестве определенных риторических фигур они нормальны и ожидаемы для читателя. На основе логического противоречия строится стилистический прием оксюморона – «один из художественных тропов; сочетание противоположных по смыслу определений, понятий, в результате которого возникает новое смысловое качество» [Словарь ЛТ 1974: 252]. Различные виды сочетания противоположностей в целом характерны для

художественных текстов, что отвечает в них не только установке на выразительность речи, но и антропологичности – установке на особую глубину анализа и изображения мира человека.

Разбираемый в данном разделе материал нельзя считать примером аномальной сочетаемости в том же смысле, как, например, *весьма увеселительное заведение*, где нарушены законы семантической сочетаемости, или *очень болтаете, в высшей степени понял, слишком видел, очень молчал*, где нарушена лексическая (идиоматическая) сочетаемость (см. ниже). Употребление интенсификаторов-оксюморонов широко используется в художественной речи для описания сложной диалектики переживаемых героями состояний. Ср. сочетания *болезненная любовь* (1-3-5), *нестерпимая любовь* (1-1-1), *неистовое наслаждение* (1-1-1), *глубоко необразованный* (1-1) в контекстах, описывающих столкновение в героях двух противоположных состояний или качеств:

Нельзя сказать, чтобы Антон не любил и прежде отца, он просто не любил пьянства отца; он боялся, когда отец бывал пьян, теперь же, при разлуке с родным домом, в сердце ребенка вдруг проснулась страстная, болезненная любовь к отцу. [А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят (1871)]; *Сюда привела ее [Марчеллу] нестерпимая любовь, с которой она напрасно боролась, и она вышла отсюда только через несколько дней и пошла к пармезанцу сказать, что уже не может быть его женою.* [Н. С. Лесков. Чертовы куклы (1890)].

Оксюморон – это сознательный прием, выразительность которого основана на сознательном нарушении законов формальной (или даже бытовой) логики. К оксюморонному сочетанию, строго говоря, неприменима характеристика «аномальное», поскольку, как говорилось выше (глава 1, 2.3) приемы выразительности не регулируются нормами литературного языка и оцениваются по другим критериям. Тем не менее оксюморон – это все-таки нестандартное сочетание (нарушающее стандартную сочетаемость).

Для стиля Достоевского наиболее характерны, по нашим наблюдениям, следующие способы создания оксюморонных словосочетаний при употреблении интенсификаторов: интенсификатор и опорное слово называют понятия с противоположной оценкой; интенсификатор косвенно обозначает оценку, противоположную оценке опорного слова, – через свою внутреннюю форму или через ассоциативную связь со «своим» опорным словом.

1. Интенсификатор + опорное слово с противоположными значениями оценки.

Такие сочетания используются Достоевским для изображения крайне противоречивых внутренних переживаний его героев;

– *Любовь прошла, Митя! – начала опять Катя, – но **дорого до боли** мне то, что прошло* (БК)

*Да, эти сердца, – о, дайте мне защитить эти сердца, столь редко и столь несправедливо понимаемые, – эти сердца весьма часто жаждут нежного, прекрасного и справедливого, и именно как бы в контраст себе, своему буйству, своей жестокости, – жаждут бессознательно, и именно жаждут. Страстные и жестокие снаружи, они **до мучения** способны **полюбить**, например, женщину, и непременно духовною и высшею любовью* (БК)

*Как бы удивясь и испугавшись сам этого ощущения, он [Раскольников] вдруг поднял голову и пристально поглядел на нее; но он встретил на себе беспокойный и **до муки заботливый** взгляд её [Сони] <...>* (ПН)

*Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта **болезненная любовь** к жене и семье сбивали его слушателя с толку* (ПН)

***Ощущение счастья**, мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое, даже **до боли**; это была всечеловеческая любовь* (П)

Мы сейчас не касаемся вопроса, каков статус оценки в значениях приведенных лексем. В одних случаях оценка входит непосредственно в значение (ср. *счастье, боль, мука*), в других положительная или

отрицательная оценка признака или ситуации может находиться в ассоциативной зоне значения (*любовь, болезнь*). Существенным является само соединение противоположных оценок.

Надо заметить, что интенсификатор *до боли*, судя по данным НКРЯ, широко представлен в художественных текстах, где он сочетается и с отрицательными состояниями (*до боли стыдно, тоскливо, жалко, жутко, неприглядный*), и с положительными (*до боли отраднй, пленительный, радостный, родной, сладкий, счастливый*), и с нейтральными (*до боли знакомый, памятный, ясно, отчетливо, понятно, типичный*). Однако в художественном мире Достоевского этот прием является ключевым для характеристики сферы эмоциональных отношений и переживаний. В приведенных отрывках повторяется один и тот же мотив: сильное чувство, даже положительное, – это «надрыв», боль, мука, мучение, болезнь (см. [Левонтина 2005]).

Обратные случаи, когда неприятное переживание большой силы переходит в приятное состояние, более редки:

Ведь обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навыдумал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, – знает сам это, а всё-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большего удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной...(БК)

В этом случае в центре внимания оказывается не степень, а, в первую очередь, сложная диалектика переживаемых состояний.

2. Интенсификатор, косвенно выражающий оценку + опорное слово с противоположной оценкой.

Интенсификатор может выражать противоположную оценку косвенно – если в норме он имеет идиоматизированную сочетаемость со словом,

противоположным главному слову по оценке. Эффект оксюморона возникает здесь оттого, что интенсификаторы, имея тенденцию к идиоматизированному употреблению, вызывают ассоциации со «своим» опорным словом.

1) Интенсификатор с косвенным значением отрицательной оценки + опорное слово со значением положительной оценки. Наиболее распространенным является случай, когда интенсификатор, обычно относимый к отрицательным явлениям, характеризует положительное явление (внутреннее состояние или эмоцию), например:

*Опять сильная, **едва выносимая радость**, как давеча в конторе, овладела им [Раскольниковым] на мгновение. «Схоронены концы! И кому, кому в голову может прийти искать под этим камнем? <...> (ПН)*

*В ней [в Варваре Петровне] таилась какая-то **нестерпимая любовь** к нему [к Степану Трофимовичу], среди непрерывной ненависти, ревности и презрения (Б)*

*Он [Раскольников] вышел, весь дрожа от какого-то дикого истерического ощущения, в котором между тем была часть **нестерпимого наслаждения**, – впрочем мрачный, ужасно усталый (ПН)*

В этих случаях уже сама внутренняя форма интенсификатора отсылает к отрицательному явлению, ср. *нестерпимый, невыносимый* – ‘такой, который невозможно терпеть, выносить’. Прилагательные с такой внутренней формой закономерно (мотивированно) сочетаются с названиями таких существностей, которые плохо совместимы с нормальным ходом жизни человека, которые он «не терпит», «не выносит», и, следовательно, старается избегать, т.е. с отрицательными ситуациями: *искаженное от нестерпимой муки лицо, нестерпимые страдания, нестерпимая жажда; невыносимый зной, под бременем невыносимого горя, голод сделался невыносимым (НКРЯ).*

Интенсификатор *неистовый* сам по себе не содержит отрицательной оценки и в принципе может сочетаться с самой разной лексикой (*неистовые аплодисменты, овации, храбрость, напряжение, грохот, вой, поддержка, призыв*). Однако такой интенсификатор, даже сочетаясь с нейтральной

лексикой (ср. *неистовое желание*), указывает на ненормальную степень возбуждения, близкую к неконтролируемости, или, вообще, на ненормальное превышение среднего уровня, что, по общим соображениям, не может оцениваться положительно. Сама идея чрезмерности имеет отрицательную коннотацию (ср. *слишком, чересчур, излишне*).

В силу этого *неистовый / неистово* закономерно характеризуют бурные проявления сильных и, как правило, отрицательных эмоций, отрицательные внутренние состояния и т.п.: *неистово топает ногами, неистово ревел птицелов в кабаке, принялась неистово голосить, неистово застучал кулаками, вспышки неистового гнева; неистовая одержимость, злоба* (НКРЯ).

Сочетаемость *неистовый* с положительно оцениваемыми признаками и состояниями в языке Достоевского является одной из многочисленных иллюстраций эмоционального «надрыва», гиперболизации эмоций, идей, характеров, ситуаций, «парадоксальности» внутреннего мира человека:

*Степан Трофимович сдержал себя и внушительно опустил в кресло. Инженер пасмурно наставился в землю. Липутин с **неистовым наслаждением** смотрел на них* (Б)

Интенсификатор *непомерный* также, согласно [НОСС 2004: 1043], выражает отрицательную оценку градуируемого явления, т. е., выражает неодобрительное отношение к чрезмерному проявлению признака, превышению «нормальных значений» некоторого параметра, ср. примеры из НКРЯ: *непомерная тяжесть, дороговизна, власть; непомерное честолюбие, тщеславие; непомерные тяготы, налоги, штрафы, усилия, амбиции; непомерный восторг*.

У Ф. М. Достоевского *непомерный* встречается как характеристика положительных явлений и эмоций:

*<...> обольстительная особа, сколько он, по крайней мере, слышал, кроме **непомерной красоты**, что уже одно может увлечь человека с состоянием, обладает и капиталами, от Тоцкого и от Рогожина,*

жемчугами и бриллиантами, шаями и мебелью, а потому предстоящий выбор не только не выражает со стороны дорогого князя, так сказать, особенной, бьющей в очи глупости, но даже свидетельствует о хитрости тонкого светского ума и расчета, а стало быть, способствует к заключению противоположному и для князя совершенно приятному... (И)

– Не железные дороги, нет-с! – возражал Лебедев, в одно и то же время выходявший из себя и ощущавший непомерное наслаждение (И)

В первом случае нестандартный интенсификатор выражает иронию, во втором – сложную диалектику эмоций персонажа, ср. также сочетание с *непомерный* в «поясняющем» его контексте: – *Непомерная жажда этой жизни, их жизнь захватила весь мой дух и... и еще какая-то другая сладостная жажда, которую я ощущал до счастья и мучительной боли (П)*

Аналогичную ситуацию, на первый взгляд, мы наблюдаем в сочетаниях (1) *отборно почтительное выражение* и (2) *радикально договорился*:

(1) *Соня поспешила тотчас же передать ей извинение Петра Петровича, стараясь говорить вслух, чтобы все могли слышать, и употребляя самые отборно почтительные выражения, нарочно даже подсочиненные от лица Петра Петровича и разукрашенные ею (ПН)*

Современный читатель воспринимает прилагательное *отборный* в данном контексте как слово с отрицательной оценкой, а сочетание *отборно почтительное выражение* производит впечатление аномалии (оксюморона), иронического употребления, ср. первые три результата поиска в основном корпусе (НКРЯ): *отборная ругань, отборные матерные слова, отборный мат* (2012, 2008, 2008 гг. соответственно). Однако если еще в середине XIX века прилагательное *отборный* употреблялось в контекстах с положительной оценкой интенсифицируемого явления (на основе словообразовательного значения *отобрать* ‘выбрать лучшее’ → *отборный*):

Собственная речь Пантелея была совершенно книжная, и он выражался самыми отборными словами, говоря о самых обыкновенных

предметах. [С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)].

*<...> чувствуя, что у меня никогда неостанется духу поднести свой подарок, я спрятался за спину Карла Ивановича, который, в самых **отборных выражениях** поздравив бабушку, переложил коробочку из правой руки в левую, вручил ее имениннице.* [Л. Н. Толстой. Детство (1852)] –

то к концу XIX века у *отборный/отборно* появляется идиоматическая сочетаемость с обозначениями речи, где за этим прилагательным и наречием закрепляется значение отрицательной оценки : *с обеих сторон слышалась отборная ругань* [Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры (1893)]; *позорил и срами себя самыми отборными словами* [А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)]; *честят отборными словами, ушат отборной брани* [В. П. Авенариус. Школа жизни великого юмориста (1899)]; *ругавшегося отборно и протяжно* [Ф. Д. Крюков. В родных местах // «Русское Богатство», 1903] и др⁹.

(2) *Марье он подарил двадцать рублей, и потом, через день, когда совершилась кража документа, вторично посетил Марью и уже тут договорился с нею **радикально** и обещал ей за услугу двести рублей* (П)

Для *радикальный/радикально* характерна сочетаемость с предикатами «отрицания», «уничтожения», «отчуждения»: *радикальное средство против..., радикальное лекарство, радикально отрезвление; оказалось радикально испорченной, радикально преобразовать, радикально изменилось, радикально нарушало.* В приведенном примере семантика «отрицания», «уничтожения», «отчуждения» вступает в противоречие с действием ‘договориться’. У Достоевского, наряду со стандартной сочетаемостью типа *радикально отвергаете* (БК), *радикально изменил* (Б), мы находим сочетания *радикальное удовлетворение* (Б), *радикальное объяснение* (Б), *радикальное разъяснение* (П). Возможность такой сочетаемости объясняется

⁹ Значение положительной оценки сохраняется в сочетаниях, где опорное слово не является обозначением речи: *отборное войско, отборная дичь, отборные вина* [НКРЯ].

этимологическим значением *радикальный/радикально*, ср. **Радикальный**. *Мат. Коренный* [Словарь 1847]¹⁰

2) Интенсификатор с косвенным значением положительной оценки + опорное слово со значением отрицательной оценки. В некоторых словосочетаниях интенсификатор, который в норме сочетается с положительно оцениваемым признаком, присоединяется к отрицательному:

*Это [речь идет о Тушаре] был очень маленький и очень плотненький французик, лет сорока пяти и действительно парижского происхождения, разумеется из сапожников, но уже с незапамятных времен служивший в Москве на штатном месте, преподавателем французского языка, имевший даже чины, которыми чрезвычайно гордился, – человек **глубоко необразованный** (П) – Глубоко как показатель высокой степени (ср. в [АС] *глубоко* – ‘в большой степени’) сочетается с обозначениями интеллектуальных процессов и состояний (*глубоко исследовать, глубоко понять, глубоко познать, глубоко знать, глубоко задумываться* и др.), не обязательно положительных (*глубоко ошибаться; глубоко заблуждаться; глубоко обижен; глубоко противен*). Однако на шкале *образованный – необразованный* *глубоко* обычно относится к положительному признаку (*глубоко образованный*). Соответственно, сочетание *глубоко необразованный* дает эффект оксюморона и «работает» на выражение иронии.*

Другой пример присоединения «положительного» интенсификатора к «отрицательному» опорному слову – *яркий*:

*Подошел и я — и не понимаю, почему мне этот молодой человек тоже как бы понравился; может быть, слишком **ярким** нарушением общепринятых и оказавшихся приличий <...> (П)*

Прилагательное *яркий* характеризует явления с положительной оценкой: *яркая победа, яркий расцвет, яркая самобытность* и др. или нейтральные: *яркое подтверждение* [Словарь 2008]. Для отрицательно

¹⁰ В [НКРЯ] нам встретилось сочетание *радикальная помощь*. В подкорпусе художественных текстов 2ой половины XIX века оно имеет 2 вхождения и оба раза характеризует помощь, которая заключается в «удалении», «исправлении», см. [Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898)] и [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5 (1867)].

оцениваемой ситуации *нарушение* характерны сочетания *зlostное, резкое, вопиющее, тяжелое, грубое нарушение* [Словарь 2008]. В данном случае появление интенсификатора *яркий* подчеркивает положительную оценку персонажа: «мне этот человек тоже как бы понравился», он не соблюдал «оказёнившихся» приличий.

Как ни был глуп и косноязычен Стебельков, но я видел яркого подлеца, во всем его блеске, а главное, без какой-то интриги тут не могло обойтись (П) – ср.: *яркая индивидуальность, яркая одаренность, яркий талант, яркие способности* [Словарь 2008] – с положительно оцениваемыми человеческими качествами. Здесь, как и в предыдущем примере, значение положительной оценки сочетается с признаком ‘исключительность’, что отражает ценностную шкалу Подростка.

Стилистический эффект употребления интенсификаторов-оксюморонов заключается в следующем:

- они являются средством выражения иронии;
- они выражают (вернее, как правило, подчеркивают) сложную диалектику эмоционального, психического и духовного мира героев (см. о «выделенности» главу 1, параграф 1.2), «парадоксальность» переживаний героев. При этом интенсифицируемое явление приобретает новые качественные оттенки.

4. Аномальная сочетаемость «общих» интенсификаторов

В ряде исследований языка Ф.М. Достоевского были отмечены случаи аномальной сочетаемости интенсификаторов *очень, слишком, ужасно* с глаголами. В словаре «Достоевский: эстетика и поэтика» среди «основных видов плеоназма» отмечены «усилительные конструкции, нарушающие нормы лит<ературного> языка» – *слишком понимал, мы очень поцеловались* [Щенников 1997: 194], в монографии А. В. Чичерина упомянуты также выражения *ужасно умела слушать, я мечтал об этом ужасно, очень молчал*

[Чичерин 1963: 191]. В [Ружицкий 2014] некоторые сочетания наречных интенсификаторов с глаголами *знать, думать, объяснять, помнить, смотреть* и др. приводятся как примеры «языковой игры»: *очень знать, совершенно знать, очень думать, ужасно думать, очень молчать* и др. Мы будем называть интенсификаторы группы *очень* «общими».

Термин «общие интенсификаторы» заимствован нами из диссертационного исследования [Цой 1989], в котором выделены две семантические группы адverbиальных лексических усилителей при глаголах – «общие» и «специализированные». Общие интенсификаторы (*очень, страшно, ужасно* и др.) содержат «нерасчлененное, недифференцированное указание на напряженность протекания действия без уточнения признака, по которому осуществляется интенсификация». При этом у глагольного действия выделяется целый ряд специальных параметров – временных, аспектуальных, акциональных, и наречные интенсификаторы могут относиться к конкретному параметру и указывать «на степень его манифестации» (*ярко, быстро, стремительно, тщательно, настойчиво* и др.). Такие единицы автор называет специализированными интенсификаторами [Цой 1989: 16-17].

Заимствуя термин «общие интенсификаторы», мы должны сделать некоторые оговорки применительно к нашему материалу.

Мы будем называть «общими» интенсификаторы, которые лишены дополнительных качественных смыслов, не отсылают к конкретным параметрам предиката (и ситуации), а потому наименее идиоматичны и имеют более широкую сочетаемость, чем идиоматичные, ср.: *очень испугался – смертельно испугался; очень бояться – панически бояться; очень голодный – зверски голодный; очень ревновать – бешено ревновать; очень больно – невыносимо больно* [Словарь 2008].

При этом и общие, и специализированные интенсификаторы могут относиться к разным семантическим типам, которые ориентированы на разные типы шкалы признака и – шире – разные типы ситуаций. Типы

интенсификаторов были введены в параграфе 1.3 главы 1. В соответствии с введенным там противопоставлением мы будем различать неопредельные интенсификаторы – показатели высокой степени *очень, в высшей степени, весьма, ужасно, страшно* и чрезмерной (неприемлемо высокой) степени признака *слишком, чересчур, чрезмерно*; предельные интенсификаторы *совершенно, абсолютно, совсем* и компаративные – *значительно, гораздо, намного*. Эти показатели являются нейтральными в том смысле, что не содержат дополнительных семантических признаков (т. е. не имеют внутренней формы, как *очень*, или утратили ее, как *страшно, ужасно*). В наибольшем количестве аномальных сочетаний данного типа участвуют интенсификаторы группы *очень* (неопредельные).

1. Аномальная сочетаемость неопредельных «общих» интенсификаторов.

Общие интенсификаторы, будучи неспецифичными в плане семантики, не являются универсальными в плане сочетаемости. Показатели типа *очень, ужасно, страшно, слишком* свободно сочетаются с неопредельными (в смысле [Апресян 1974 / 1995: 44]) качественными прилагательными и наречиями, а также с предикативами: *очень быстро, ужасно противный / горячий / грязный, слишком тяжело, ужасно жаль* [Словарь 2008]. Что касается глаголов, то интенсификаторы типа *очень* никак нельзя считать универсальными: с такими интенсификаторами сочетаются глаголы определенных семантических классов, которые имеют семантические связи с неопредельными признаками и интенсифицируемыми состояниями. В качестве основных можно отметить следующие: глаголы неопредельных процессов, т. е. изменения признака, значения параметра (в терминах Е. В. Падучевой – градативы [Падучева 2010]): *очень измениться, увеличиться, похорошеть, устать, ослабеть* – и соответствующие каузативы *ослабить, ускорить* (предельные глаголы типа **очень высохнуть* (о белье) такой сочетаемости не имеют); глаголы эмоциональных реакций и эмоционального отношения: *очень обрадоваться, обидеться, любить, завидовать,*

ревновать; глаголы желания и стремления: *очень хотеть, желать, мечтать, стремиться*; оценочного отношения: *очень нравиться*; речи, включающей оценку: *очень ценить, хвалить, ругать* (в этих группах имеются индивидуальные ограничения: например, сочетаний *очень ухудшиться* в основном корпусе НКРЯ в четыре раза меньше, чем сочетаний *сильно ухудшиться*; имеется 1 вхождение *очень остыть* против 7 вхождений *сильно остыть*, – но эти ограничения мы не рассматриваем).

В языке Достоевского «общие» интенсификаторы группы *очень* широко представлены в контексте глаголов, которые в норме с ними не сочетаются: общие интенсификаторы могут замещать собой «специализированные» – при самых разных семантических группах предикатов. Мы рассмотрим аномальную сочетаемость общих интенсификаторов группы *очень* с глаголами физических ситуаций, с глаголами речи, с ментальными и перцептивными предикатами, т. е. тот материал, который встретился в текстах «больших романов».

При этом употребление «общих» интенсификаторов вместо «специализированных» во многих случаях может иметь два объяснения, т. е. может рассматриваться как результат двух разных процессов: на уровне семантических классов слов – как замена интенсификатора со специализированным (качественным) значением на «общий» интенсификатор, указывающий исключительно на высокую степень (*хорошо знал* → *очень знал*); на синтаксическом уровне – как пропуск (эллипсис) идиоматичного интенсификатора с качественным значением в трехчленной конструкции (*очень хорошо знал* → *очень знал*).

Прежде чем перейти к анализу материала, уточним, в каком смысле употребляется термин «замена». У большинства лексических единиц, которые рассматриваются ниже, есть свои собственные идиоматичные интенсификаторы. Под «заменой» в данном случае понимается употребление нестандартного интенсификатора на месте «стандартного», «разрешенного», узусального, которое приводит к нарушению лексической сочетаемости. Речь

идет о неидиоматичном выражении смысла 'очень' (смыслового отношения Magn) при некоторой лексеме, имеющей узуальные интенсификаторы с идиоматической сочетаемостью.

1) Непредельный «общий» интенсификатор + глагол, обозначающий физическое действие. При глаголах, обозначающих различные физические действия – физическое воздействие (*бить*), контакт (*прижимать, целоваться*), ущерб (*поранить*), движение (*махать, вертеться*) – «общие» интенсификаторы могут употребляться на месте «специализированных» (часто идиоматичных) обозначений различных параметров конкретных действий. Иногда это может быть характеристика результата:

– *Я бы очень вас попросил, – перебил вдруг Алеша, – дать мне какую-нибудь чистую тряпочку, чтобы завязать палец. Я **очень поранил** его, и он у меня мучительно теперь болит* (БК) – ср.: *сильно поранил*;

или процесса:

*Самый открытый из всех был Ламберт, **очень бивший** меня в детстве; но и тот — лишь открытый подлец и разбойник; да и тут открытость его лишь из глупости* (П) – ср.: *часто / сильно / жестоко бивший*.

Однако чаще всего интенсификатор характеризует не только действие, но и субъекта этого действия:

*Когда он ездил на конфирмацию, то к нему приехал аббат Риго поздравить с первым причастием, и оба кинулись в слезах друг другу на шею, и аббат Риго стал его **ужасно прижимать** к своей груди, с разными жестами* (П) – ср.: *крепко прижимать*;

*Он [князь Сергей Петрович] не dokonчил и захныкал над моей головой. Признаюсь, почти заплакал и я; по крайней мере искренно и с удовольствием обнял моего чудака. Мы **очень поцеловались*** (П) – ср.: *крепко / горячо поцеловались*;

в том числе – через указание на образ действия:

– *То есть когда летом, – заторопился капитан, ужасно махая руками, с раздражительным нетерпением автора, которому мешают читать, – когда летом в стакан налезут мухи, то происходит мухоедство, всякий дурак поймет, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите...* (Б) – ср.: *быстро / часто / резко / широко махая руками.*

[Петр Степанович] *Обращался и к Прасковье Ивановне и к Лизавете Николаевне, даже мельком сгоряча крикнул что-то отцу, – одним словом, очень вертелся по комнате* (Б) – ср.: *быстро / без остановки вертелся.*

В первых двух примерах (*ужасно прижимать, очень поцеловались*) подчеркивается отношение субъекта к другому лицу, в двух последних – ненормально возбужденное состояние субъекта.

Сочетания глаголов с узуальными интенсификаторами производят впечатление штампа, не обладают выразительностью и не дают нужного эффекта, напротив, употребление «общего» интенсификатора на месте «специализированного», во-первых, разрушает автоматизм восприятия и, во-вторых, дополнительно акцентирует интенсивность действия.

2) Непредельный «общий» интенсификатор + глагол, обозначающий речевое действие. Замена специализированного, идиоматичного интенсификатора на общий – с аналогичным эффектом акцентирования интенсивности – встречается и в лексико-семантической группе речевых действий.

Также есть случаи замены интенсификатора со значением (1) количественной оценки ситуации (в данном случае – длительности речи и объема информации) и (2) случаи замены интенсификатора, характеризующего субъекта речи:

(1) – *Вы очень болтаете, Липутин, – пробормотал тот гневно* (Б) – ср.: *много болтаете.*

– *Полноте, матушка, – пробормотала та [Прасковья Ивановна] нехотя, – а по-моему, это бы всё надо кончить; слишком говорено...* – и она

опять робко поглядела на Лизу, но та смотрела на Петра Степановича (Б) – ср.: (слишком) много говорено.

Как именно случилось, что девушка с приданым, да еще красивая и сверх то го из бойких умниц, столь не редких у нас в теперешнее поколение, но появлявшихся уже и в прошлом, могла выйти замуж за такого ничтожного «мозгляка», как все его тогда называли, **объяснять слишком** не стану (Б) – ср.: **объяснять** подробно, детально.

(2) То казалось ему [Раскольникову], что около него собирается много народу и хотят его взять и куда-то вынести, **очень** об нем **спорят** и **ссорятся** (ПН) – ср.: **горячо спорят**.

– **Очень** уж вы **защищаете** меня, милая барышня, очень уж вы во всем поспешаете, – протянула опять Грушенька (БК) – ср.: **упорно / настойчиво защищаете**.

– Патриотизм или нет, это можно оставить в стороне, — промолвил Васин, **очень молчавший** (П) – ср.: **упорно молчавший**.

Милый Аркадий, он **очень зовет** тебя, и не обижайся после вчерашнего: он сегодня не так здоров и весь день дома (П) – ср.: **настойчиво зовет**.

В группе примеров (2) «специализированные» интенсификаторы **горячо, упорно, настойчиво** имеют разную внутреннюю форму [Куцова 2004; Куцова 2011; Телия 1986] и подчеркивают разные аспекты состояния субъекта, а **очень** акцентирует интенсивность состояния субъекта как таковую.

3) Непредельный «общий» интенсификатор + глагол ментальной / перцептивной сферы. В группе ментальных и перцептивных глаголов выделяются разные подгруппы – стативные глаголы, т. е. состояния (**знать, понимать, слышать, видеть**), глаголы активных ментальных и перцептивных процессов (**думать, мечтать, смотреть, слушать, прислушиваться**) и глаголы изменения состояния (**понять, вспомнить, заметить, убедиться**).

Для ментальных стативов *знать, понимать, помнить* идиоматичным интенсификатором является *хорошо* (а также его «усиленные» аналоги *прекрасно, отлично, великолепно* и под.; им противопоставлен деинтенсификатор *плохо*). К ним примыкает глагол изменения состояния *понять*; хотя это глагол совершенного вида, у него похожие свойства – вероятно, потому, что это нетривиальная видовая пара к *понимать* (см. [Падучева 1993]). В эту же группу входит *чувствовать* в ментальном значении ‘осознавать’, ‘понимать’, ‘отдавать себе отчет’. Сразу отметим также, что в приводимых ниже примерах глагол *видеть* употребляется не в исходном перцептивном, а в ментальном значении.

Ментальные стативы (*знать, понимать, помнить*) и перцептивные стативы (*видеть, слышать*) Н. Д. Арутюнова объединяет в одну группу по принципу сочетаемости с показателями *хорошо–плохо*. При этом ментальные состояния (выражаемые стативными предикатами) нередко можно считать результатами «градуированных процессов, постепенно возникающих и постепенно сходящих на нет» [Арутюнова 1988: 211]. У этих предикатов отрицательная оценка (*плохо*) приближается к отрицанию самого предиката (*плохо помню* $\approx$ ‘почти не помню’), а положительная оценка (*хорошо*) соответствует полноте информационного состояния или восприятия (*хорошо различать берег; хорошо понимать текст*) [Арутюнова 1988: 211, 214].

Общеоценочные наречия *хорошо* и *плохо* «легко устанавливают контакт с количественным аспектом семантики глагола» – в этом случае они выполняют «градуирующую функцию» (*хорошо* указывает на большое количество, а *плохо* – на малое) [Арутюнова 1988: 207]. В МСТ эта особенность отражена в слитном выражении лексических функций Magn и Bon: Magn=Bon=Ver (*помнить*) = *хорошо / отлично, прекрасно, великолепно; ясно, отчетливо; твердо* [ТКС 2016: 369]; Bon = Magn (*понимать*¹) = *хорошо / отлично, прекрасно...*; Magn = Bon (*понимать*²) = *хорошо / прекрасно / вполне* [ТКС 2016: 371-372] (см. главу 1, параграф 1.4). Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «упрочение контакта с количественным аспектом

значения глагола может повести к возобладанию значения интенсификации над значением оценки. В принципе, оценочный компонент может быть полностью вытеснен из семантики наречий. Противопоставленность *хорошо* и *плохо* по качеству преобразуется в таком случае в оппозицию по количеству (интенсивности) признака: *хорошо* становится показателем “силы”, а *плохо* – “слабости” любого – нейтрального, позитивного или негативного – процесса или действия [Арутюнова 1988: 207-208], при этом «*хорошо* выполняет эмфатическую функцию и может быть исключено из предложения с сохранением его истинности» [Арутюнова 1988: 215].

Дальнейшее развитие этого семантического процесса приводит к тому, что *хорошо* полностью утрачивает значение положительной оценки и выполняет собственно квантифицирующую функцию. При этом *хорошо* нельзя считать интенсификатором в обычном смысле этого слова, т. е. показателем высокой степени, – поскольку ментальные состояния – в отличие, например, от эмоций – сами по себе не имеют интенсивности и не градуируются. *Хорошо* и его «усиленные» варианты – *прекрасно*, *отлично*, *великолепно* – являются в данном контексте показателями полного охвата и относятся не к состоянию, а к объему информации (т. е. к содержанию): *хорошо помню* ≈ ‘помню все; помню достаточно’; *плохо помню* ≈ ‘помню не все; помню мало’ (именно поэтому в МСТ показатели типа *хорошо* характеризуются тройной пометой Magn=Bon=Ver). В то же время *хорошо* может отчасти относиться и к субъекту, но характеризует не его состояние, а доступность информации: *хорошо помню* – ‘легко могу извлечь из памяти весь объем информации’.

С показателями *хорошо–плохо* сочетаются не только стативы, но и соответствующие глаголы изменения ментального (информационного) состояния с пропозициональным объектом: *понять*, *запомнить*, *почувствовать*, *увидеть* 2 и под.

У ментальных глаголов есть и другие показатели полноты охвата информации и «качества понимания»: *в совершенстве*, *всесторонне*, *глубоко*,

досконально, назубок знать; глубоко, по-настоящему понимать; точно помнить; насквозь видеть (в ментальном значении). Эти показатели не только содержат идею охвата, но также в той или иной степени характеризуют человека (субъекта). Аналогичный процесс происходит при замене квантификатора *хорошо* на интенсификаторы группы *очень*: такие интенсификаторы меняют концептуализацию ситуации, а именно – переносят акцент с полноты информации на состояние человека и его отношение к этой информации – подчеркивают значимость этой информации и силу ее воздействия на субъекта:

*Она больная такая девочка была <...> о монастыре всё мечтала, и раз залилась слезами, когда мне об этом стала говорить; да, да... помню... **очень помню*** (ПН)

*Но дело в том, что с Хохлаковой он [Дмитрий] в последний месяц совсем почти раззнакомился, да и прежде знаком был мало, и сверх того **очень** знал, что и сама она его терпеть не может* (БК)

*Я **слишком** знаю, что князь, с своей стороны, никакой цены не может придавать такому обещанию, да и не намерен он вовсе, — прибавил я, спохватившись* (П)

*Он слышал за верное, что Настасья Филипповна будто бы **в высшей степени** знает, что Ганя женится только на деньгах...* (И)

В ментальном значении ‘понимать’, ‘осознавать’ могут употребляться также глаголы с исходным значением восприятия и чувства *видеть, чувствовать*:

*Я **слишком** видел, что меня никто здесь почему-то не любит и что мне с особенным удовольствием дают это знать* (П)

*Я **слишком** чувствовал, что сыплю как сквозь решето, бессвязно и через десять мыслей в одиннадцатую, но я торопился их убедить и перепобедить* (П)

О нём же самом [Настасья Филипповна о Рогожине] как об апельсиновой корке помышляет, не более, <...> и он это **слишком чувствует!** (И)

Следующая группа – предикаты (1) ментальных и (2) перцептивных процессов думать, мечтать, всматриваться, слушать, прислушиваться, которые не сочетаются с *хорошо*. При них интенсификаторы группы *очень* замещают наречия с более специальным или идиоматичным значением: *много, напряженно, глубоко, пристально, внимательно* и др.:

(1) О Ламберте я молчу, но читатель, конечно, догадался, что я о нем **слишком думал** (П) – ср.: *много думал*.

И вот я наконец положил бежать. Я **мечтал** об этом **ужасно** целых два месяца, наконец решился (П)¹¹ – ср.: *страстно мечтал*.

Но я писал, **слишком воображая** себя таким именно, каким был в каждую из тех минут, которые описывал (П) – ср.: *напряженно воображая*.

Ср. также глагол *рассмотреть* в ментальном значении ‘узнать, изучить’:

«Правда, этого Евгения Павловича надо еще **очень, очень рассмотреть**, раскусить его надо, да и Аглая, кажется, не очень-то больше других его жалует!» (И) – ср.: *пристально / внимательно рассмотреть*.

Она [Лизавета Николаевна], кажется, и забыла, что я в комнате, и стояла всё на том же месте у стола, **очень задумавшись**, склонив голову и неподвижно смотря в одну выбранную на ковре точку (Б) – ср.: *глубоко задумавшись*.

(2) Что говорил я тогда, я совсем не помню, и вряд ли складно хоть сколько-нибудь, вряд ли даже слова выговаривал ясно; но он [Ламберт] **очень слушал** (П)

¹¹ Если примеры сочетания *очень мечтать* (хотя и немногочисленные) встречаются в НКРЯ у разных авторов, *ужасно мечтать* встречается у Достоевского и еще в одном примере из текста 2001 г., поэтому мы рассматриваем это сочетание как аномальное.

– Нет, боже сохрани, я вас **очень слушаю**, – с самым простодушнейшим видом отозвался Алеша, и мнительный Коля мигом ободрился (БК)

«Я завтра в три часа буду там-то»... ну, положим, у Татьяны Павловны, — сорвался я и полетел окончательно. Сердце у меня стукнуло и остановилось; я даже говорить приостановился, не мог. Он [Версилов] **ужасно слушал** (П)

– ср.: внимательно / сосредоточенно / напряженно слушать.

Варвара Петровна на этот раз не крикнула: «Вздор, вздор!», как повадилась в последнее время покрикивать очень часто на Степана Трофимовича, а, напротив, **очень прислушалась**, велела растолковать себе подробнее, сама взяла Шекспира и с чрезвычайным вниманием прочла бессмертную хронику (Б) – ср.: внимательно прислушалась.

Она [Анна Андреевна] была немногоречива, но говорила всегда с весом и **ужасно умела слушать**, чего я никогда не умел (П) – ср.: умела внимательно слушать или хорошо умела слушать.

Наконец, третья группа – предикаты изменения информационного состояния субъекта заметить, запомнить, понять, припомнить, узнать, убедиться и др.:

Всего краше, всего светлее было то, что он [Версилов] **в высшей степени понял**, что «можно страдать страхом по документу» и в то же время оставаться чистым и безупречным существом, каким она сегодня передо мной открылась (П)

Я [Антип Бурдовский] **слишком убедился**, что вы, милостивый государь, может быть, лучше других (И)

– ср.: окончательно, полностью, вполне понял / убедился.

Аналогичным образом употреблен моментальный (в смысле [Апресян 1988]) глагол **заметить** (в ментальном значении):

– А заметил ты, что он ко всему равнодушен, на всё отмалчивается, кроме одного пункта, от которого из себя выходит: это убийство... – Да, да! – подхватил Разумихин, – **очень заметил!** Интересуется, пугается (ПН).

К предикатам изменения информационного состояния субъекта примыкают также двухместные стативы со значением вывода:

*Женщина вздорная, положим, но при этом даже тонкая, не только не безумная. Сегодняшняя выходка на счет Капитона Алексеича это **слишком доказывает*** (И)

*Все платье его было только что от портного, и все было хорошо, кроме разве того только, что все было **слишком** новое и **слишком обличало** известную цель* (ПН)

Употребление показателя чрезмерной степени *слишком*, как и показателя высокой степени *очень*, меняет концептуализацию ситуации, но при этом отличается от стандартного употребления *слишком* в контексте градуируемых признаков. В случаях типа *слишком быстро, слишком соленый, слишком тяжелый* и др. несоответствие норме, требованиям, ожиданиям заинтересованного субъекта имплицитно отрицательную оценку ('значение признака больше, чем необходимо, и это плохо'). В случаях же типа *слишком доказывает, слишком обличало* значение 'больше, чем необходимо' сохраняется, а отрицательная оценка исчезает, ср.: *Сегодняшняя выходка на счет Капитона Алексеича это **слишком доказывает*** (И) – 'полностью, в полной мере, доказательств даже больше, чем требуется; для адекватного понимания ситуации хватило бы и меньшего количества доказательств'.

Необходимо также отметить, что аномальное употребление «общих» интенсификаторов – наиболее характерный процесс в языке Ф. М. Достоевского, который наблюдается на материале сочетаний «интенсификатор+опорное слово». «Общие» интенсификаторы типа *очень* могут характеризовать любые ситуации, доказательством этому служат не системные (единичные) примеры типа:

*И наконец, мне кажется, мы такие разные люди на вид... по многим обстоятельствам, что, у нас, пожалуй, и не может быть много точек общих, но, знаете, я в эту последнюю идею сам не верю, потому очень часто только так кажется, что нет точек общих, а они **очень есть**... это от лености людской происходит, что люди так промеж собой на глаз сортируются и ничего не могут найти...* (И) – в бытийной конструкции кванторное слово может относиться к субъекту существования: ‘они есть и их очень много’, – но не к бытийному предикату. В данном случае стативной ситуации приписывается градуируемость.

Механизм описанных выше сочетаемостных аномалий также может быть интерпретирован несколько иначе, а именно – как эллипсис, т. е. «пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы» [Словарь ЛТ 1974: 592]. Эллиптические конструкции – средство создания «неопределенности» семантического пространства текста, поскольку для восстановления пропущенных элементов «индивид должен ассоциировать неполную синтаксическую модель поверхностной структуры с полной языковой моделью» [Михайлова 1997: 106-107].

Эллипсис – это примета разговорного стиля, такие сочетания передают «динамичность и сжатость речи», «взволнованность говорящего или напряженность действия» [Словарь ЛТ 1974: 468] и одновременно спонтанность и небрежность речи – черты, которые были не раз отмечены исследователями стиля Достоевского (см. глава 1, раздел 3). Ш. Балли объясняет эллипсис «разрушительным действием эмоции, которая стремится найти себе мгновенное выражение» [Балли 1961: 313].

Можно ли конструкции типа *очень помню* трактовать как результат пропуска идиоматичного интенсификатора? Во многих случаях этот недостающий идиоматичный интенсификатор может быть восстановлен, вставлен без устранения имеющегося интенсификатора с общим значением, например: *очень помню* → *очень хорошо помню*, *слишком видел* → *слишком*

хорошо видел, очень поцеловались → очень крепко поцеловались, очень болтаете → очень много болтаете и др.

Однако при такой «подстановке» изменяется синтаксическая структура: *очень* относится не к опорному слову, а к его идиоматичному интенсификатору. При этом «механическая» подстановка идиоматичного интенсификатора может оказаться невозможной по самым разным причинам, а значит нельзя утверждать, что была некоторая исходная конструкция, из которой устранен идиоматичный интенсификатор, например:

– вставка нежелательна, если употребляется не нейтральное *очень*, а маркированные *слишком* или *ужасно*:

*Когда он ездил на конфирмацию, то к нему приехал аббат Риго поздравить с первым причастием, и оба кинулись в слезах друг другу на шею, и аббат Риго стал его **ужасно прижимать** к своей груди, с разными жестами (П) – [?]ужасно крепко прижимать;*

– вставка невозможна, если идиоматичный интенсификатор требует показателя предела, ср., например: – *Скажите, Васин, вы знали его коротко? Мне особенно хотелось бы довериться вашему мнению, ввиду одного **очень касающегося** меня обстоятельства (П) –* здесь идиоматичным интенсификатором может служить *непосредственно*, однако это наречие имеет предельную сочетаемость (*совершенно непосредственно*) и в норме не допускает степенную (*очень непосредственно*);

– в некоторых случаях выбор интенсификатора затруднен: [Алеша:] – *Я его [Дмитрия] теперь **очень ищу**, я очень бы желал его видеть или от вас узнать, где он теперь находится (БК) – настойчиво ищу? срочно ищу?*

Интенсификатор в контексте *искать* сильно ориентирован на субъекта и его состояние в конкретной ситуации, поэтому его вообще трудно «подставить» в какую-либо ситуацию, ср. примеры из НКРЯ: *В среде его близких были уверены, что он так **мучительно искал** нового творческого воплощения Христа...* [Н. Н. Златовратский. Триумф художника (1880-1885)]; *В тебе я вижу опять настоящего мужчину, который хочет идти*

*приличным ему путем; но отчего ж ты, друг мой, после этого нехочешь решительно и **настойчиво** искать себе место?..* [А. Ф. Писемский. Ваал (1873)]; *Всё время, пока публика входила и занимала места, Гуров **жадно** искал глазами.* [А. П. Чехов. Дама с собачкой (1899)]; Кроме того интенсификаторы *мучительно, настойчиво, жадно* являются интерпретационными, т. е. характеризуют субъекта с точки зрения внешнего наблюдателя, поэтому их нельзя подставить в контекст глагола в форме 1 лица.

Не вполне ясным представляется выбор интенсификатора и в других случаях, ср.:

*Об нем [Дарзане] родные публиковали даже в газетах, что не отвечают за его долги, но он продолжал еще и теперь свой кутеж, доставая деньги по десяти процентов в месяц, **страшно играя** в игорных обществах и проматываясь на одну известную француженку (П) – много играя? постоянно играя?*

Однако самое главное, вероятно, состоит в том, что представление данной конструкции как результата замены или как результата эллипсиса не принципиально с точки зрения конечного результата: для выражения высокой степени вместо идиоматичного интенсификатора используется неидиоматичный общий интенсификатор.

Невербализованный признак допускает множество интерпретаций и создает «неопределенность» в текстовом пространстве. Любые попытки «восстановить» недостающие семантические звенья словосочетаний будут условными. Поскольку эллипсис – это аффективное, экспрессивное средство художественной, эллиптические конструкции не подлежат «восстановлению». Как отмечал Ш. Балли, «эллипсис становится фактом речи и экспрессивным средством лишь в том случае, когда сознание говорящего и слушающего не стремится более восстановить исчезнувшие элементы, а сам эллипсис безотчетно воспринимается как символ определенной экспрессии» [Балли 1961: 318].

2. Аномальная сочетаемость предельных «общих» интенсификаторов.

Предельные показатели *совершенно, совсем* в текстах Достоевского сочетаются практически с теми же предикатами ментальных состояний и изменений, что и показатели *очень и слишком: совершенно знать, верить, заметить, известный, припомнить, признаться, сообразить; совсем догадаться, молчать, рассмеяться, улыбнуться*:

Он совершенно знал, что брат его атеист (БК) – ср. *хорошо знал*.

Липутин совершенно заметил чрезвычайный испуг Степана Трофимовича и видимо был доволен (Б) – для глагола заметить в принципе невозможно или очень затруднено употребление с интенсификатором [Словарь 2008], для этого глагола характерна сочетаемость почти исключительно с наречиями времени: *тотчас, вдруг, вскоре, сразу* (НКРЯ)

– *А я, признаться, тогда подумал, что вы уж совсем догадались*, – с самым простодушным видом отпарировал Смердяков (БК) – ср. *окончательно догадались* – в выражении Достоевского нарушена узуальная сочетаемость, акцентирована семантика предела.

Предельные интенсификаторы меняют концептуализацию ситуации в соответствии со своим основным значением – они «наводят», индуцируют значение предела, который в данном случае соответствует «полноте охвата», т. е. полноте информации, или полноте реализации ситуации.

3. Аномальная сочетаемость компаративного «общего» интенсификатора значительно.

В заключение обратимся к компаративному интенсификатору *значительно*. В современном языке *значительно* (как и *гораздо*) сочетается, в основном, с компаративами, а также с глаголами, в толкование которых входит компаратив, ср. *Х стал значительно / гораздо шире; Х значительно расширился* = ‘стал значительно шире’, поэтому для современного читателя аномальными будут сочетания в следующих примерах:

– *О да, ты был **значительно груб** внизу, но... я тоже имею свои особые цели, которые и объясню тебе, хотя, впрочем, в приходе моем нет ничего необыкновенного; даже то, что внизу произошло <...>* (П)

*Дворовых в этом имении было **значительно много**; между ними был и садовник Макар Иванов Долгорукий* (П)

Для русского языка XIX века употребление **значительно** в сочетании с прилагательным в форме положительной степени не было аномальным [Очерки по исторической грамматике 1964: 277-278].

*Впрочем, минут через десять она **значительно успокоилась**: Разумихин имел свойство мигом весь высказываться, в каком бы он ни был настроении, так что все очень скоро узнавали, с кем имеют дело* (ПН) – В современном языке, как показывает НКРЯ, такое сочетание не встречается. В текстах же XIX века это сочетание представлено у разных авторов (НКРЯ дает примеры с 1863 до 1912 гг.), и, по-видимому, для того периода также не может считаться аномальным.

Подводя итог нашим наблюдениям над аномальной сочетаемостью общих интенсификаторов, отметим, что сочетания типа *слишком понимал, ужасно мечтал, в высшей степени знает, очень слушаю, ужасно умела слушать, очень всматриваюсь, мы очень поцеловались, страшно играя, очень пора* и др. образуют значительную по количеству группу языковых аномалий и для читателя представляют собой заметное явление стиля Ф. М. Достоевского.

Замену «специализированного» интенсификатора на «общий» можно рассматривать как общеязыковое явление, ср. *очень понять* (2-1-5), *очень звать* (1-4-8), *очень бить* (1-5-4) и др. Уникальные сочетания языка Ф. М. Достоевского образуются, когда в процессе нарушения стандартной сочетаемости «втягиваются» другие опорные слова из тех же лексико-сематических классов, например: *очень всматриваться, очень рассмотреть, очень прислушаться, очень болтать, очень молчать*. Примеры уникальных

сочетаний с ментальными предикатами и предикатами восприятия показывают, что в процессе образования аномальных уникальных сочетаний участвуют глаголы с более узким значением (ср. неуникальные сочетания *слишком думать* (1-1), *оченно / очень видеть* (1-3-2) и приставочные образования в уникальных сочетаниях *очень задуматься*, *очень всматриваться*).

Аномальная сочетаемость с «общими» интенсификаторами, отмеченная для глаголов *быть* и *пора*, не получает дальнейшего развития. Нами не найдены сочетания типа **сильно пора*, **ужасно быть* или **в высшей степени возникнуть*.

Независимо от того, считаем ли мы механизмом возникновения сочетаний этого типа замену или эллипсис, в любом случае такие конструкции порождают «неопределенность значения» единиц текста, подчеркивают прагматический аспект интенсивности, усиливают эмоциональный заряд высказывания и приближают его к разговорному, живому, «неправильному» языку.

В заключение еще раз отметим, что механизм, приводящий к возникновению аномальных сочетаний, не сводится исключительно к замене «специализированного» интенсификатора на «общий». Такая замена сама по себе не приводит к аномалии, а приводит только к уменьшению передаваемой сочетанием информации, ср.: *нестерпимо яркий свет* – *очень яркий свет*; *небывало суровая зима* – *очень суровая зима*; *неистово немыслимо трудно* – *очень трудно*. Интенсификаторы группы *очень* являются стандартными для качественных прилагательных и наречий, а также некоторых групп глаголов. Поэтому их «подстановка» в контекст глаголов других групп является результатом двойного нарушения: во-первых, происходит транскатегориальное смещение общих интенсификаторов, свойственных прилагательным, к глаголам, что само по себе является нарушением ожиданий и оказывает воздействие на читателя; во-вторых, у этих глаголов имеются свои собственные специальные,

идиоматичные интенсификаторы, и их «замена» на группу *очень* дает эффект нарушения узуальной сочетаемости. При этом использование общих интенсификаторов на месте идиоматичных в языке Достоевского не просто расширяет сферу сочетаемости этих интенсификаторов, включая в нее глаголы самой разной семантики, но меняет концептуализацию ситуаций, обозначаемых глаголами: параметр «степень», характеризующий состояние субъекта, распространяется на ситуацию в целом.

5. Аномальная сочетаемость интенсификаторов класса *большой*

В предыдущем разделе мы рассмотрели аномальную сочетаемость наречий класса *очень*, т. е. нейтральных, общих интенсификаторов, с глаголами и предикативами. В этом разделе мы рассмотрим аномальную сочетаемость прилагательных класса *большой* с существительными. Между этими группами контекстов есть определенное сходство: более общий интенсификатор употребляется на месте более специального. Однако есть и различие: если наречия группы *очень* исходно обозначают степень, то прилагательные группы *большой* исходно обозначают размер.

Прилагательные *большой, огромный, громадный, колоссальный, необъятный, значительный* входят в большой класс параметрических прилагательных, обозначающих размеры объектов, параметры и количества [НОСС 2008: 697, 700]. Перечисленные прилагательные отличаются от других параметрических прилагательных типа *высокий–низкий, широкий–узкий, глубокий–мелкий* и под. тем, что не содержат в своем значении указания на конкретный параметр объекта, ср. *длинный широкий коридор – огромный коридор, высокое толстое дерево – исполинское дерево* [НОСС 2008: 697].

В [АС] у прилагательного *большой* выделяются 4 блока семантически близких лексем (4 блока значений), 3 из которых (1, 3, 4) в целом характерны и для других перечисленных выше прилагательных:

‘(объект) большого размера’

большой 1.1 ‘который больше однотипных объектов’: *большая миска, большая станция;*

большой 1.2 ‘который больше другого объекта, с которым соотносится’: *большой и малый конференц-залы –*

ср. огромная оранжерея (В. М. Гаршин), громадный город (М. Е. Салтыков-Щедрин), колоссальные камни (В. И. Немирович-Данченко), необъятное пространство России (Н. А. Добролюбов), значительные уделы Северо-Восточной России (Д. И. Иловайский) (НКРЯ);

‘очень’, ‘высокая степень’

большой 3.1 ‘превосходящий среднее значение того же количественного параметра’: *большая скорость, большая численность;*

большой 3.2 ‘большей силы или интенсивности, чем обычно у такового чувства’: *большое беспокойство, с большим удовольствием;*

большой 3.3, разг. или наррат. ‘обладающий данным свойством в большей степени, чем обычно у таких людей’: *большой бабник, большой добряк –*

ср. огромное количество, громадная сила, колоссальный успех, значительная сумма (НКРЯ);

‘очень значительный’

большой 4.1 ‘очень значительный’: *большое событие, большая удача;*

большой 4.2, разг. ‘выдающийся, крупный’: *большой ученый, большой начальник;*

большой 4.3 ‘относящийся к самой важной части данной сферы деятельности’: *большой спорт, большая политика –*

ср. огромное дело (А. К. Шеллер-Михайлов, М. Горький), громадные последствия (Н. Э. Гейнце), колоссальный труд (А. Я. Данилевский), необъятное титаническое дело (Е. А. Салиас), значительные перемены (И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский) (НКРЯ).

В корпусе художественных текстов второй половины XIX века были отмечены сочетания прилагательного *большой* с названиями внутренних состояний (*большое ощущение* (1-1-1), *большая натуга* (1-1-7)), физиологических состояний (*большая болезнь* (1-2)), *поведения и поступков человека* (*большой взыск* (1 -1), *большой укор* (1-1-1)).

Таким образом, значение ‘очень’, ‘высокая степень’ (3) и его семантический вариант ‘очень важный по значению’ (4) развиваются у интенсификаторов класса *большой* на основе исходного параметрического значения (1). У *значительный* значение ‘важный по значению’ [МАС] следует признать исходным.

Интенсификаторы *огромный*, *громадный*, *колоссальный* входят в синонимический ряд *огромный I*, *громадный I*, *колоссальный I*, *гигантский I*, *исполинский I* ‘такой, который по величине намного больше очень больших объектов из того же класса или намного больше человека’ [НОСС 2004: 697], прилагательные *большой*, *необъятный*, *значительный* являются аналогами этого ряда [НОСС 2004: 700]. *Большой* указывает на то, что размер объекта отклоняется от нормы – относительной или абсолютной, ср. *большой I*, *крупный I.1* ‘такой, который по величине больше среднего объекта или больше человека’ [НОСС 2004: 51]. Прилагательные *огромный*, *необъятный*, *громадный*, *колоссальный* «содержат указание на отклонение значения параметра не от нормы, а от величины, уже намного превосходящей норму» [НОСС 2004: 697].

Интенсификаторы класса *большой* регулярно сочетаются:

– с названиями количеств и параметров: *большая высота* (25), *огромное количество*, *громадный размер/громадные размеры* (96), *колоссальные размеры* (42), *необъятная сила* (17), *значительная степень/в значительной степени* (402); к ним примыкают абстрактные параметры типа *разница*, *перемена*, *значение* и др.

– особенно часто – с обозначениями денежных сумм: *большой капитал* (147), *огромные деньги* (43), *громадное состояние* (87), *колоссальное богатство* (17), *значительная сумма* (168);

– с названиями различных совокупностей: *большие партии* (людей), *огромное большинство* (229), *громадные запасы* (21), *громадная толпа* [НОСС 2004: 699, НКРЯ]

– с абстрактными существительными со значением процесса, эмоции, оценки и др.: *влияние, беспокойство, успех, популярность*;

Для отдельных прилагательных-интенсификаторов та или иная сочетаемость не является характерной, ср., например: *значительное большинство*, но ?*значительная толпа*. Она, однако, является возможной для слов, обозначающих градуируемые явления: *на улице скопьялась перед окнами значительная толпа любопытных* (М. Е. Салтыков Щедрин), *командуя и дирижируя целою толпою дворников и не менее значительною толпою каких-то снеговых куч...* (Г. И. Успенский).

Поскольку интенсификаторы группы *большой*, как и группы *очень*, являются наименее идиоматичными среди других интенсификаторов, мы также можем называть их «общими». Однако подчеркнем, что это именно условное название, поскольку, с одной стороны, они действительно наиболее нейтральны и наименее маркированы по сравнению со «специализированными» интенсификаторами типа *отъявленный лентяй, беспросветная тоска, астрономическая сумма, безбожное вранье, беззаветное служение, безоговорочное подчинение* и т. п. Однако, с другой стороны, наиболее свободную сочетаемость они имеют только в сфере предметной лексики как показатели размера (*большое дерево, большой дом, большая река, большая капля*), в сфере не предметной лексики (а именно такие контексты из романов Достоевского мы будем рассматривать ниже) сочетаемость таких слов как показателей степени, интенсивности ограничена, и в этом отношении правильнее было бы назвать их не общими, а нейтральными. Кроме того, хотя рассматриваемые интенсификаторы могут

считаться общими / нейтральными по сравнению со «специализированными», внутри синонимических рядов есть своя градация по признаку общий / конкретизированный, так, например, интенсификаторы типа *необъятный* или *исполинский* являются, конечно, более специализированными на фоне *большой* и *огромный*. Однако они относятся к соответствующим синонимическим рядам в качестве синонимов или аналогов главного слова (по [НОСС 2004]).

В языке Достоевского интенсификаторы данной группы встречаются с существительными разных семантических классов: названиями действий и занятий; названиями эмоциональных / физиологических состояний; названиями явлений ментальной / речевой сферы; названиями совокупностей людей.

1. Интенсификатор класса *большой* + существительное, обозначающее действие / занятие.

Те сочетания действий и занятий с нейтральными интенсификаторами, которые встретились в текстах Достоевского, можно рассматривать как результат преобразования – номинализации – исходной глагольной конструкции:

*Лечь спать я положил было раньше, предвидя завтра **большую** ходьбу* (П) – здесь в значении ‘предстояло много ходить’, ср. неуникальное сочетание *большая деятельность* (1-3-3), где интенсификатор имеет значение ‘очень важный, значительный’.

– *И философия ваша точно такая же, как у Евлампии Николавны, – подхватила опять Аглая, – такая чиновница, вдова, к нам ходит, вроде приживалки. У ней вся задача в жизни – дешевизна; только чтоб было дешевле прожить, только о копейках и говорит, и, заметьте, у ней деньги есть, она плутовка. Так точно и ваша **огромная жизнь** в тюрьме, а может быть, и ваше четырехлетнее счастье в деревне, за которое вы ваш город Неаполь продали, и, кажется, с барышом, несмотря на то что на копейки* (И) – ср.: *долго жил / находился в тюрьме* [Словарь 2008].

В примере:

*К тому же всегда возможно было, в тиши кабинета и уже не отвлекаясь **огромностью университетских занятий**, посвятить себя делу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими исследованиями (Б)* – по-видимому, совмещаются идеи большого количества времени и значительности. Та же идея большого количества времени, затраченного на деятельность, представлена в контекстах с прилагательным *беспредельный (беспредельная деятельность (П), беспредельная беготня (П))* с более специфичными интенсификаторами.

2. Интенсификатор класса *большой* + существительное, обозначающее эмоциональное / физиологическое состояние.

Нейтральные интенсификаторы в контексте эмоциональных и физиологических состояний, вероятно, не следует рассматривать как случаи нарушения семантической сочетаемости / как случаи аномальной сочетаемости:

*Странно и смешно: ни к кому я никогда не имел **большой ненависти*** (ПН)

*Есть два рода: те, которые убивают себя или **с большой грусти**, или со злости, или сумасшедшие* (Б)

*Какое-то новое и **большое ощущение** нарождалось в душе* (П) – здесь в значении ‘эмоциональное состояние’.

Такие сочетания встречаются в НКРЯ, ср.: *Англичане испытывают к германцам **большую ненависть***. [Вс. В. Иванов. Дневники (1940-1948)]; *Я пишу эти строки **с большой грустью**, потому что мне искренне жаль переводчика*. [К. И. Чуковский. Высокое искусство (1968)]; *Лелька легла спать с рядом новых, **больших ощущений***. [В. В. Вересаев. Сестры (1928-1931)]. Такие сочетания, как и сочетания предыдущей группы, можно считать аналогами (своего рода номинализациями) сочетаний общих интенсификаторов с глаголами и предикативами: *очень грустно, сильно ненавидеть*.

Однако в НКРЯ сочетания типа *большая грусть / ненависть* немногочисленны – возможно, потому, что они маловыразительны на фоне «специализированных» интенсификаторов: *сильная, исступленная, непримиримая, остервенелая, дикая, звериная, животная, смертельная, глубокая, жгучая, острая **ненависть**; беспросветная, невыразимая, щемящая, смертельная, глубокая, нестерпимая, острая **грусть*** [Словарь 2008].

Для названий физиологических состояний также, как правило, имеются «специализированные» интенсификаторы, и сочетания с нейтральными интенсификаторами неидиоматичны:

– *Нет, это не так, маменька. Вы не взгляделись, вы всё плакали. Он очень расстроен от **большой болезни** – вот всему и причина (ПН) – ср. **тяжкая, тяжелая болезнь; жестокая, смертельная болезнь*** [Словарь 2008].

3. Интенсификатор класса *большой* + существительное ментальной / речевой сферы.

Применительно к сочетаниям интенсификаторов класса *большой* с ментальными и речевыми существительными также можно говорить об использовании неидиоматичных интенсификаторов на месте идиоматичных:

*Жало негодования вонзилось в мое сердце, и в один миг я принял **огромное решение** (П) – Сочетание **огромное решение** встречается только в «Подростке» Достоевского – 4 раза в выражении *принять огромное решение*. Это сочетание найдено для характеристики сверхинтенсивной, гипертрофированной мыслительной деятельности Подростка. Ср. также:*

*Поэту хотелось, кажется, совокупить в один чрезвычайный образ все **огромное понятие** средневековой рыцарской платонической любви какого-нибудь чистого и высокого рыцаря; разумеется, всё это идеал (И)*

*Слушайте, я вам должна **большое признание** сделать: вчерашнее письмо я вам не в шутку написала, а серьезно... (БК).*

Во всех трех случаях *большое, огромное* соответствуют характеристике типа *важное, значительное*.

Для группы сочетаний *большие причины* (ПН), *громдный вопрос* (П), *колоссальное доказательство* (БК), *колоссальное обвинение* (БК), *колоссальное уличение* (БК), *колоссальные улики* (БК) более обычными будут «специализированные» интенсификаторы, внутренняя форма которых отражает представление о внутренней значимости, весе «объекта» или о его воздействии на Экспериенцера: *веская, коренная причина; жгучий вопрос; веское, неопровержимое, неоспоримое, сильное, яркое доказательство; серьезное, тяжкое, чудовищное обвинение; неопровержимая, прямая, серьезная, тяжкая улика* [Словарь 2008]. Использование неидиоматичных интенсификаторов увеличивает неопределенность, т.к. переносит акцент с конкретных характеристик (ср. *неопровержимая улика – тяжкая улика*) на общее представление о значительности описываемого явления.

4. Интенсификатор класса *большой* + существительное, обозначающее совокупность людей.

Прилагательные *огромный* и *большой* могут сочетаться с названиями совокупностей людей, однако они должны мыслиться как отдельные объекты, грамматически – представлять собой конкретные исчисляемые существительные, ср.: *большие отряды, огромные толпы* (НКРЯ). Аномальные сочетания возникают, если группа людей обозначена неисчисляемым существительным:

Надо заметить, что Григорий Васильев предстал в залу не смутившись нисколько ни величию суда, ни присутствием огромной слушавшей его публики, с видом спокойным и чуть не величавым (БК)

Аналогичное явление можно наблюдать в сочетаемости интенсификаторов *бесчисленный / бесчисленно*, которые уместно упомянуть в данном контексте, хотя они и не входят в соответствующие синонимические ряды: в языке Достоевского эти интенсификаторы могут характеризовать градуируемые, но не исчисляемые явления: *ради бесчисленного страдания будущего* (БК), *бесчисленное страдание* (БК), *бесчисленно много идеи* (П), *бесчисленно сложнее* (И), *бесчисленно выгодно* (ПН)

Таким образом, аномальные сочетания с интенсификаторами класса *большой* характерны в языке Ф. М. Достоевского для названий действий и занятий, названиями эмоциональных и физиологических состояний, названий явлений ментальной и речевой сферы, названий совокупностей людей. Нарушение норм узуальной сочетаемости (когда т. н. «общий» нейтральный интенсификатор употребляется вместо идиоматичного, «специализированного») в них сочетается с нарушением семантической сочетаемости (несоответствие семантических признаков главное и опорного слова). В контексте интенсификаторов класса *большой* у существительных акцентируется значение предметности, тогда как «стандартные» интенсификаторы ориентированы на значение действия / процесса / состояния (номинализацией которого является существительное).

Все рассмотренные выше случаи замены «специализированного» интенсификатора на «общий» (из разделов 4 и 5) считать переинтерпретацией, реконцептуализацией ситуации, когда она из сложной семантической структуры упрощается до гомогенного градуируемого признака – т. к. «общий» интенсификатор требует наличия такого признака. Это единый и относительно массовый процесс, свойственный текстам Достоевского.

6. Аномальная сочетаемость интенсификаторов с семантическими признаками ‘агентивность’ и ‘эмоциональное возбуждение’ / ‘активность’

Как уже говорилось выше, любые аномальные сочетания интенсификатора с опорным словом являются нарушением правил узуальной сочетаемости. В данном разделе мы рассмотрим сочетания, в которых при опорном слове употребляется не «общий», а конкретный, «специализированный» интенсификатор, который заменяет допустимые при данном слове – и тоже конкретные, «специализированные», узуальные –

интенсификаторы и является неидиоматичным выражением значения степени. Как и в случае с заменой на «общий» интенсификатор, в результате присоединения неидиоматичного интенсификатора происходит реконцептуализация, переинтерпретация ситуации, обозначаемой опорным словом.

Поскольку этот интенсификатор конкретен, но по своей сочетаемости относится к другой ситуации, он навязывает данной ситуации другую концептуализацию. Например, интенсификатор *упорно* предполагает усилия субъекта по достижению цели, его настойчивость, последовательность, возможно, преодоление трудностей, ср.: *упорно добиваться / трудиться / работать / сопротивляться / пытаться / отстаивать / цепляться за старое* (НКРЯ). Даже если *упорно* относится к статической ситуации, эта ситуация все равно контролируется субъектом, ср.: *Тем не менее, несмотря на эти встречи, особенно мы не сближались, и я заметил из отдельных фраз, что он вообще упорно избегает* людей, знакомств. [А. К. Шеллер-Михайлов. Вешние грозы (1892)]. Если же *упорно* относится к предикату внутреннего состояния, то соответствующая ситуация меняет концептуализацию: ей навязывается черта тех ситуаций, для обозначений которых *упорно* является идиоматичным интенсификатором. Такие примеры встречаются не только у Достоевского (см. ниже), но и у других авторов, ср.: *Мне лично, моему сердцу, открыто, несомненно, знание, непостижимое разумом, а я упорно хочу* разумом и словами выразить это знание. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]; *Разнесся слух, что крестьянам, так долго и упорно мечтавшим* о свободной жизни, о разных зауральских, закавказских и новороссийских новых местах, хотят дать волю. [Г. П. Данилевский. Воля (1863)].

Мы рассмотрим две больших группы сочетаний с идиоматичными интенсификаторами: в первой группе мы отмечаем аномальное употребление интенсификаторов, которые мы будем называть «агентивными», т. к. они содержат семантический признак ‘Х прилагает (большие) усилия для

достижения цели', т. е. характеризуют агентивного субъекта; во второй группе сочетаний (наблюдается аномальное употребление интенсификаторов с семантическими признаками 'эмоциональное возбуждение', 'активность'.

6.1. Аномальная сочетаемость «агентивных» интенсификаторов

Ниже мы рассмотрим сочетания интенсификаторов, характеризующих агентивного субъекта, – *изо всех сил, упорно, неустанно* – с предикатами внутренних состояний и процессов, происходящих во внутреннем мире человека, – *хотеть, мечтать, ждать, ненавидеть, наслаждение, воспоминание* и др. Как показано в [Кустова 2014] на примере обозначений речевых актов абстрактными (отглагольными) именами, интенсификатор может относиться к разным актантам и разным аспектам структуры ситуации, например: к субъекту (*горячие, настойчивые, назойливые, настырные просьбы* – субъект горячо / настойчиво просит; назойлив в своих просьбах); к содержанию (о чем просят: *мелкая, большая, серьезная, пустяковая просьба*), к адресату (*обременительная просьба*).

Если говорить об интересующих нас в данном разделе предикатах внутренних состояний и процессов – ментальных, волитивных, эмоциональных типа *думать, верить, хотеть, желать, мечтать, ждать, намереваться, решиться* и др., то это предикаты с пропозициональным актантом: их актантная структура включает субъекта и пропозицию, которая выражает валентность содержания (для ментальных предикатов) или «склеенную» валентность причины-содержания (для эмоциональных).

Содержание ментальных состояний само по себе не интенсифицируется, хотя может получать качественно-оценочные характеристики: *высокие / возвышенные / благородные мысли, мечты, желания, стремления*. Если такой предикат присоединяет интенсификатор, то семантически этот интенсификатор относится к субъекту (см. [Кустова 2017a]) и характеризует эмоциональное состояние, «напряжение», эмоциональное возбуждение

субъекта, но метонимически переносится и на ситуацию: *страстно хотеть / желать* → *страстное желание*; *нетерпеливо ждать* → *нетерпеливое ожидание*; *напряженно размышлял* → *напряженное размышление*.

Эмоциональные состояния и отношения сами по себе различаются по степени, ср. *неприязнь* – *ненависть*, *симпатия* – *любовь*. Тем не менее внутри каждого состояния возможно градуирование, которое выражаются интенсификаторами, ср. *жгучая ненависть*.

Далее, говоря об интенсификации ситуаций, мы будем иметь в виду, что речь идет о состоянии субъекта этих ситуаций.

В падежной грамматике Ч. Филлмора Агентив (Агенс) – это «падеж обычно одушевленного инициатора действия» [Филлмор 1981: 405]. Агентивность, таким образом, это свойство целенаправленных действий. У агенса как участника ситуации (актанта) и как семантической роли есть ряд характеристик, которые отличают его от других участников, например, Пациенса, а также от других ролей одушевленных участников – Экспериенцера, Реципиента, Бенефактива, Адресата. В литературе отмечается прежде всего такая характеристика агенса, как приложение усилий («Х прикладывает усилия и / или проявляет волеизъявление для того, чтобы Р имело место» [Булыгина 1982: 111], ср. также: «достижение Р невозможно без усилий со стороны Х-а; усилия Х-а могут способствовать наступлению Р; усилия Х-а могут способствовать ненаступлению Р» [Zaliznjak 1992: 64, 68]).

Семантика контролируемости действия связана с таким «органом» человека, как сознание. Сознанию (уму) в наивной картине мира «отводится ключевая роль регулятора физического, эмоционального и речевого поведения человека» [Апресян 1995 т. II: 360]. Сознание главных героев Ф. М. Достоевского («героев-идеологов») гипертрофировано и доводится ими самими до бесконечности, до страдания. Наиболее ярко эта черта воплощена в Подпольном человеке («Записки из подполья»): «самого себя как “усиленно сознающего человека” он называет “антитезом” нормального,

т.е. неререфлексирующего, самодовольного и ограниченного человека, чем сразу устанавливается факт его собственной аномальной уникальности “человека из реторты”, человека высокой умственной сосредоточенности на себе самом переживаемой как состояние “быть в своем уме (быть в сознании)” [Климова 2008: 186].

Наряду с признаком ‘приложение усилий’ Агенс характеризуется признаками ‘намеренность’ (целенаправленность) и ‘контролируемость’, отличающими его действия от других динамических процессов, которые тоже приводят к изменениям (ср. *Солнце высушило лужи; Ветер повалил дерево*).

Агентивность усматривается в самых разных намеренных и контролируемых ситуациях – активном восприятии (*смотреть, слушать*), ментальных процессах-действиях (*обдумывать, анализировать*), речевых актах. В нефизических действиях и внутренних процессах Агенс противопоставлен Экспериенцеру, ср.: *думать, размышлять, вспоминать* (Агенс) – *знать, помнить, понимать* (Экспериенцер); *смотреть, следить, наблюдать* (Агенс) – *(у)видеть, заметить, ощутить* (Экспериенцер) (предикаты активного восприятия *слушать, смотреть, нюхать, пробовать, ощупывать* и др. включают признак ‘использовать способность восприятия’ – в отличие от *слышать, видеть, чують, обонять, ощущать вкус, осязать* с признаком ‘воспринимать’ [Апресян 1995 т. II: 357-358]). Однако прототипической для Агенса ситуацией является физическое действие. В рамках физического действия Агенс является источником энергии (*копать яму*) или инициатором (*сушить белье на солнце*), субъектом цели и контролером, который следит за соответствием происходящих изменений намеченной цели. Хотя некоторые ситуации внешне выглядят как статические (*сидеть, наблюдать*), тем не менее они тоже являются агентивными, т.к. требуют затрат энергии и контроля.

Агентивность имеет определенные формальные (внешние) проявления: агентивные глаголы образуют «нормальный» императив, сочетаются

с обстоятельствами образа действия: *энергично копал яму, напряженно думал, лихорадочно вспоминал, внимательно следил* (но: **лихорадочно помнил, *внимательно видел*). При этом у каждой группы глаголов свои интенсификаторы, отражающие усилия Агенса.

В языке Ф. М. Достоевского наблюдается аномальная сочетаемость «агентивных» интенсификаторов *изо всех сил (изо всей силы, из всей силы)*, а также *упорно, неустанно*. В результате нарушения правил идиоматической сочетаемости, в этих сочетаниях возникает семантическое рассогласование, так как интенсификаторы употребляются с предикатами, несовместимыми с представлением о динамической ситуации, об активном действии, физических усилиях субъекта. Это глаголы со значением эмоциональных отношений, эмоциональных и ментальных состояний; желания; ментальных процессов и процессов восприятия; «отношения к действию» [Zaliznjak 1992: 12].

1. «Агентивный» интенсификатор + глагол со значением эмоционального отношения, эмоционального / ментального состояния.

Анна А. Зализняк рассматривает предикаты эмоциональных отношений и ментальных состояний как разновидности класса предикатов внутренних состояний. Предикаты внутренних состояний предполагают «субъекта внутреннего состояния» – Экспериенцера [Zaliznjak 1992] Субъект предикатов эмоционального отношения, или «эмоциональной связи» – «неагентивный, но определяющий» субъект. Он «не является “собственно” агентом», однако «играет определяющую роль в формировании чувств» [Селиверстова 1982: 142]. Предикаты эмоционального отношения представлены в языке как динамические, хотя и абстрагированные от реального протекания во времени [Селиверстова 1982: 141-142] – «волевые и особенно эмоциональные состояния (*бояться, грустить, радоваться, сердиться, стесняться, удивляться*) на шаг ближе к процессам» [Апресян 2009: 39].

Очевидная аномалия возникает при сочетании с интенсификатором *изо всех сил*, в этом случае глаголу навязываются признаки ‘целенаправленное действие’, ‘приложение физических усилий’:

*Это я вас **изо всей силы боюсь**, а не вы меня! (Б) <...> я хоть и обчищал щеткой Тушара по-прежнему, но уже **ненавидел его изо всех сил** и каждый день все больше и больше (П)*

Интуитивно менее аномальным выглядит сочетание предиката эмоциональной связи с наречием *упорно*: *этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество (БК)* – в этом случае акцент сделан не на приложении усилий для совершения какого-либо действия (*упорный* ‘требующий много усилий, выдержки, стойкости’ [МАС]), а на поддержании X-ом длительности эмоциональной связи (*упорный* ‘настойчивый, не отступающий от своего’, ‘длительное время не прекращающийся, не ослабевающий’ [МАС]).

Слова Зосимы *землю целуй и **неустанно**, ненасытимо **люби**, всех люби, всё люби (БК)* парадоксальны, но аномалия частично снимается, так как речь идет о мире, живущем по особым психическим законам: *Постарайтесь любить ваших близких деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей (БК)* Поскольку речь идет о религиозных чувствах, «агентивный» интенсификатор подчеркивает необходимость самодисциплины и сосредоточенности.

Глаголы со значением ‘ждать’ имеют значение «как ментального, так и эмоционального состояния» [Zaliznjak 1992: 105], поэтому сочетание с *изо всех сил* также аномально:

*Что они **ждут** меня **изо всех сил** и что-то в моей квартире затевают устроить – было ясно как день (П)*

***Жду вас изо всех сил**, а Заметова вы тогда просто придавили и... ведь в том-то и штука, что вся эта проклятая психология о двух концах! (ПН)*

Стативные предикаты ментального состояния типа *Х думает, что Y*, *Х знает, что Y* максимально освобождены от семантики процессуальности. О. Н. Селиверстова называет такие предикаты экзистенциально-результативными. [Селиверстова 1982: 137]. Поэтому наречие *упорно* придает такому предикату окказиональный смысл:

*Теперь скажу тебе самую интимную мысль: я **упорно убежден**, что она это из личного мнения ко мне, помнишь, за прежнее, хотя и никогда и ни в чем виноват не был (И)*

Речь идет об «эксцентрической выходке» Настасьи Филипповны, которую Иван Федорович истолковывает как месть лично себе вопреки всеобщему мнению о том, что Настасья Филипповна хотела расстроить свадьбу Аделаиды и Евгения Павловича. *Упорно* характеризует субъекта активного против-действия (в контексте актуализированы признаки ‘настойчиво’, ‘решительно’ [МАС]).

Субъект предиката *Х убежден, что Р* может быть охарактеризован как «бессознательный агент действия»: «Х сам сформировал суждение, знание, веру, хотя при этом Х мог действовать подсознательно» [Селиверстова 1982: 138]. Тот же тип субъекта присутствует при предикатах непроизвольного действия типа *вздрогнуть, вскрикнуть* – это «несобственно агентивный субъект», «который прикладывает усилия для того, чтобы имел место денотат предиката, но прикладывает эти усилия бессознательно, помимо своей воли» [Селиверстова 1982: 112].

Очевидно, признак ‘бессознательное действие’ мешает нормальной сочетаемости также в следующих случаях:

*<...> – **восклицала** она **изо всех сил**, уцепившись за мою шубу своими длинными костлявыми пальцами, а другой рукой указывая мне налево по коридору куда-то, куда я вовсе не хотел идти (П) – Восклицать* здесь получает признак ‘Х делал вид, что Р’, ср. случай, где переход в класс акциональных предикатов уже закреплен в системе языка:

Над князем она, говорят, смеется из всех сил, с утра до ночи, чтобы виду не показать, но уж наверно умеет сказать ему каждый день что-нибудь потихоньку, потому что он точно по небу ходит, сияет... (И)

В глаголе *смеяться*, который относится к «симптоматической лексике» [Апресян 1995 т. II: 361], «внутреннее состояние совмещается с действием» ([Zaliznjak 1992: 11-12], см. ниже. В контексте интенсификатора в фокусе оказывается акциональный компонент – *смеяться* употреблен в значении ‘насмехаться, издеваться’ [МАС].

2. «Агентивный» интенсификатор + глагол со значением желания.

Желания, наряду с восприятием, знаниями, мнениями, эмоциями и т. п. – один из типов состояний, присущий человеку в наивной картине мира [Апресян 1995 т. II: 352]. Идея состояния, предполагающая инактивного субъекта противоречит смыслу ‘Х прилагает большие усилия’:

– *Говори же!* – воскликнул Иван. – *Я из всех сил хочу знать, что ты тогда подумал. Мне надо; правду, правду!* (БК) – Сочетаемостьная аномалия здесь наиболее очевидна, т. к. «*хотеть* выражает чистое желание в контексте стативных глаголов» [НОСС 2004: 1248], в данном случае – *знать*.

[Трифон Борисыч] *Ходил по-русски в рубахе с косым воротом и в поддевке, имел деньжонки значительные, но мечтал и о высшей роли неустанно* (БК)

Мечтать здесь имеет значение ‘хотеть’ [НОСС 2004], а «агентивный» интенсификатор актуализирует в данном случае значение процесса «работы воображения и других интеллектуальных систем человека» [НОСС 2004: 1249].

Не могу не предупредить вас, Аглая Ивановна, что всё это одно шарлатанство, поверьте, – быстро ввернул вдруг генерал Иволгин, ждавший точно на иголочках и желавший из всех сил как-нибудь начать разговор <...> (И)

<...> восклицал Трифон Борисович, из всех сил желая угодить «начальству». (БК)

*Я только тебя ненавижу и **отомстить** тебе **желал** **из** **всех сил** за все.* (БК)

В контексте глаголов действия *хотеть*, как и *желать* в языке XIX века, «указывает на действенность воли субъекта. ... помимо чистого желания он предполагает ещё и готовность субъекта прилагать усилия для его реализации. <...> значение желания тесно переплетено со значением намерения» [НОСС 2004: 1248-1249]. В контексте интенсификатора *из* *всех сил* идея усилий оказывается в фокусе. Глагол *желать* с конструкции *Х желает Р* сближается с глаголами «отношения к действию» (см. ниже).

3. «Агентивный» интенсификатор + глагол со значением ментального процесса / процесса восприятия.

«У процессов нет субъекта (агенса) в строгом смысле слова» [НОСС 2004: XLII]. О. Н. Селиверстова предлагает отличать действие и процесс только по признаку наличия или отсутствия агента – для процессов, как и для предикатов эмоционального отношения, характерен «неагентивный, но определяющий» субъект: процесс «имеет место не в результате приложения усилий Х-ом, а в результате работы некоторого “внутреннего механизма”, заключенного в Х-е» [Селиверстова 1982: 117]. Ю.Д. Апресян называет такой субъект «пациентом процесса»; «превращение протопических процессов в действия» – довольно редкое явление [Апресян 2009: 34-35]. Употребление предикатов процесса с интенсификаторами *из* *всех сил* и *сильно* порождает аномальную сочетаемость:

*Да, я **мечтал** **из** **всех сил** и до того, что мне некогда было **разговаривать** <...>* (П)

*Я воротился с великим любопытством и **из** **всех сил** **думал** об этой встрече.* (П)

В этих примерах аномальная агентивность ментальных процессов характеризует человека «идеи» – Подростка.

– *Вы не станете, конечно, отрицать,* – начал Гаврила Ардалионович, – *прямо обращаясь к **слушавшему его** **из** **всех сил** Бурдовскому, выкатившему*

на него от удивления глаза и, очевидно, бывшему в сильном смятении <...> (И) *Кровь ударила мне опять в лицо: я вдруг как бы что-то понял совсем уже новое; я глядел на нее вопросительно **изо всех сил***. (П) – *Изо всех сил* выделяет в процессах *слушать* и *глядеть* слабый смысл ‘приложение усилий’. *Слушать, смотреть, нюхать, пробовать, ощупывать* и др. являются предикатами активного восприятия, включающими признак ‘использовать способность восприятия’ в отличие от *слышать, видеть, чують, обонять, ощущать вкус, осязать* с признаком ‘воспринимать’ [Апресян 1995 т. II: 357-358]. Аномалию можно описать как указание в интенсификаторе на параметр действия ‘физические усилия’, который обычно остается на периферии значения.

Отметим здесь, что для языка Достоевского возможен и обратный, хотя и менее характерный процесс образования сочетаний с аномальной степенью агентивности. Некоторые случаи употребления *тяжелый / тяжело* придают активным ментальным процессам несвойственную им пассивность субъекта: Для *тяжелый/тяжело* идея, отвечающая за метафорический перенос – это «пассивность и бессилие» при воздействии тяжести, энергетические затраты осознаются как неконструктивные, изнуряющие, как «потери», а не как «вложения» [Кустова 2004: 288-289]. Привычная сочетаемость – *тяжелая обуза, тяжелая болезнь, тяжелое испытание, тяжелое нарушение* (здесь и далее примеры для сравнения из [Словарь 2008]).

Он [Ганя] *воротился смущенный, задумчивый; **тяжелая загадка** ложилась ему на душу, ещё тяжелее, чем прежде* (И) – Загадка предполагает активный поиск отгадки, поэтому *загадка* может быть *трудной*: «*трудно* – более деятельностьная, более параметричная и более объективная (“внешняя”) характеристика ситуации, чем *тяжело*» [Кустова 2004: 299]. *Тяжелой* можно назвать *мысль* или – со значением Magn – *задачу*.

4. «Агентивный» интенсификатор + глагол со значением «отношения к действию».

Глаголы *решиться*, *спешить* можно определить как «обозначающие разные виды отношения субъекта к собственному действию» [Zaliznjak 1992: 12]. В них «внутреннее состояние [иначе – внутренняя установка – *Е. Ш.*] совмещается с действием» [Там же], поэтому в них присутствует агентивная составляющая, которая акцентируется в контексте интенсификатора:

Волевое действие *решиться* одновременно сопоставимо с глаголами синонимического ряда *собираться* 2, *намереваться*, *намерен*, *думать* 3, *планировать* 3.2. с общим значением ‘хотеть сделать нечто и быть готовым прилагать усилия, чтобы сделать это’ [НОСС 2004: 1065]:

*Я вдруг **изо всей силы** решился ожидать его и велел подать себе обедать; по крайней мере являлась надежда* (П)

*Я **изо всех сил** решился молчать и лежал неподвижно; она тоже примолкла на целую минуту* (П)

Интенсификатор со значением образа действия актуализирует в глаголе *решиться* идею «процесса мобилизации воли» в ущерб идее «состояния, в котором находится человек после того, как он принял решение» [НОСС 2004: 1065]. В этом контексте *решиться* сближается с *собираться* 8 ‘мобилизовать свои внутренние ресурсы, готовясь совершить какое-либо действие’ (*собираться с мыслями, собраться с духом, собираться с силами*) [НОСС 2004: 1067], а интенсификатор акцентирует физические усилия субъекта в волевом и ментальном процессе (о ментальных компонентах *решиться* см. [Труб 1993: 59]).

В *спешить* за семантическое «соединение» с интенсификатором, как и в *решиться*, отвечает не основной компонент значения:

*Мало-помалу, даже с какою-то радостью начала [Феня] излагать все подробности, и вовсе не желая мучить, а как бы **спеша изо всех сил** от сердца услужить ему [Дмитрию] (БК) – *Изо всех сил* здесь характеризует и будущее действие, и, одновременно, само состояние.*

Аномальная сочетаемость «агентивных» интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского проявляет себя разнообразно. Так, некоторые выражения, которые относятся к «симптоматической лексике», допускают регулярное переосмысление 'Х делал вид, что Р'. В других случаях в результате употребления неузального, «нестандартного» интенсификатора предикативная характеристика субъекта получает несвойственную ей степень «агентивности»: эмоции, ментальные и волевые состояния приобретают в художественном мире Достоевского динамику процессов и активность целенаправленных действий, ментальные процессы становятся активными действиями.

6.2. Аномальная сочетаемость интенсификаторов

с семантическим признаками

‘эмоциональное возбуждение’ и ‘активность’

К агентивным примыкают интенсификаторы: *взасос / с засосом, горячо / горячий, жаркий / жарко / с жаром, исступленно / исступленный, неистово / неистовый, нетерпеливо / нетерпеливый, неудержимо / неудержимый, судорожно / судорожный, яростно / яростный* и др., которые выражают высокую степень эмоционального возбуждения субъекта. Это интенсификаторы не обязательно предполагают усилия и сочетаются как с агентивными ситуациями (*горячий спор; неистовые нападки / обличения / овации / рукоплескания*), так и с внутренними состояниями и установками, эмоциями и их проявлениями (*нетерпеливое ожидание; неистовое бешенство / вождение / желание / обожание / стремление; неистовая жажда чего / жестокость / злоба / любовь / надежда / ненависть / одержимость / преданность / радость / страсть / убежденность / увлеченность; неистовый вопль / восторг / гнев / пыл*); *неудержимо страстный / разговорчивый / радостный*. Этим интенсификаторам можно приписать признак ‘активность’, поскольку они действительно обычно

предполагают эмоциональный *порыв* и двигательную активность субъекта и сопровождаются мимикой, жестами, – т. е. возбужденное состояние часто имеет внешние проявления.

Яростный / яростно часто характеризует ситуации, связанные с двигательной активностью; *неистовый/ неистово* и *исступенный/ исступенно* предполагают очень высокую степень развития отрицательных эмоций (ярости, гнева), когда человек не контролирует их проявление в своем поведении, жестах, словах: *закричал неистовым голосом, неистовые ругательства, так неистово топает ногами, разразился вдруг неистовым воплем, начал неистово трясти [руку], стал неистово сечь свою тройку* (НКРЯ); *неудержимый/ неудержимо* предполагает, что человек не может сдерживать (или скрыть) свои переживания, и они выражаются в действиях, как правило произвольных: *неудержимый(-ая, -ое, -ые) рыдания, хохот, радость, удаль, слезы, ярость, порыв* (НКРЯ), ср. также: *неудержимое желание, влечение, неудержимо захотелось* (НКРЯ). *Жаркий / жарко / с жаром* и *горячий / горячо* характеризуют особый накал процессов и ситуаций (*жаркие объятия; жаркие споры; горячий привет; горячая пора*)» [Кустова 2004: 291]. Активное поведение субъекта предполагает и наречие *взасос*: *иные обнимаются и взасос целуются, целовал ее взасос в самую морду, публика читает взасос* (НКРЯ).

Важно отметить, что поскольку субъект находится в крайне возбужденном состоянии, практически в состоянии аффекта, у соответствующих ситуаций может появляться признак 'неконтролируемость' (ср. [Шейгал 1981: 9-10]).

В аномальных контекстах языка Ф. М. Достоевского появление неузального интенсификатора приводит к нарушению семантической сочетаемости, поскольку значения опорных слов не согласуются с идеей о бурном проявлении эмоций большой степени интенсивности. Рассмотрим здесь словосочетания, в которых опорных слов – это слова с ментальным

значением; глагол пропозициональной установки *ждать*; группа слов со значением эмоционального отношения.

1. Интенсификатор + слово с ментальным значением.

Наиболее показательный пример этого типа аномалии при интенсификации явлений ментальной сферы – сочетаемость глагола *мечтать* и существительного *мечтательность* в романе «Подросток». Интенсификаторы состояния ‘мечтать’ передают совершенно не свойственную ему степень эмоционального возбуждения и двигательной активности:

*Конечно, у меня вдруг являлся отец, которого никогда прежде не было. Эта мысль пьянила меня и при сборах в Москве, и в вагоне. Что отец – это бы ещё ничего, и нежностей я не любил, но человек этот меня знать не хотел и унизил, тогда как я **мечтал** о нем все эти годы **взасос** (если можно так о мечте выразиться). Каждая мечта моя, с самого детства, отзывалась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате (П)*

*Самая **яростная мечтательность** сопровождала меня вплоть до открытия «идеи», когда все мечты из глупых разом стали разумными и из мечтательной формы романа перешли в рассудочную форму действительности (П)*

Мечтать 1 – аналог ряда *воображать 1, представлять 3, видеть 3.1* ‘иметь в сознании образ определенного объекта или ситуации, когда этот объект или ситуация органами чувств не воспринимается’ [НОСС 2004: 135, 139]; *мечтательность* – аналог синонимического ряда *воображение, фантазия 1* ‘способность человека создавать мысленные образы <...>’ [НОСС 2004: 139, 141]. Под влиянием интенсификаторов с дополнительными признаками несвойственного *мечтать/мечтательность* образа действия, этот процесс приобретает несвойственную ему степень эмоционального возбуждения.

ПРИМЕЧАНИЕ. Аномальная сочетаемость содержательно значима в идейной сфере романа: для Подростка «мечтание» – это не спокойная игра воображения, а предельно напряженная интеллектуальная и душевная работа: *«Месяц назад, то есть за месяц до девятнадцатого сентября, я, в Москве, решил отказаться от них всех и уйти в свою идею уже окончательно. Я так и прописываю это слово: “уйти в свою идею”, потому что это выражение может обозначить почти всю мою главную мысль – то самое, для чего я живу на свете. Что это за “своя идея”, об этом слишком много будет потом. В уединении мечтательной и многолетней моей московской жизни она создавалась у меня еще с шестого класса гимназии и с тех пор, может быть, ни на миг не оставляла меня. Она поглотила всю мою жизнь. Я и до нее жил в мечтах, жил с самого детства в мечтательном царстве известного оттенка; но с появлением этой главной и все поглотившей во мне идеи мечты мои скрепились и разом отлились в известную форму: из глупых сделались разумными. Гимназия мечтам не мешала; не помешала и идее. Прибавлю, однако, что я кончил гимназический курс в последнем году плохо, тогда как до седьмого класса всегда был из первых, а случилось это вследствие той же идеи, вследствие вывода, может быть ложного, который я из нее вывел. Таким образом, не гимназия помешала идее, а идея помешала гимназии, помешала и университету»* (П).

[Версилов:] *Я знал одного вечного труженика, хоть и не из народа; он был человек довольно развитой и мог обобщать. Он всю жизнь свою, каждый день может быть, **мечтал с засосом** и с умилением о полнейшей праздности, так сказать, доводя идеал до абсолюта – до бесконечной независимости, до вечной свободы мечты и праздного созерцания* (П)

Наречное выражение *с засосом* является окказионализмом Ф.М. Достоевского. *Мечтать* здесь употреблено в значении ‘хотеть’, которое у этого глагола тесно связано с его основным значением [НОСС 2004: 1249]. Обозначая состояние воли субъекта, *мечтать*, в отличие от *хотеть*, «указывает на некоторую мечтательность субъекта, его прекраснодушие, недостаток действенной воли и т. п., так что его желание оказывается оторванным от действительности и, может быть, нереализуемым» [НОСС 2004: 250]. Ср. также нестандартное сочетание:

Я с судорожным нетерпением мечтал о целой новой программе жизни; я мечтал постепенно, методическим усилием, разрушить в душе её [Сони] этот постоянный её страх предо мной, растолковать ей её собственную цену и всё, чем она даже выше меня (П) – Здесь под влиянием аномального интенсификатора в фокусе оказывается идея волевого состояния ('Х хотел устроить жизнь по-новому') признаки ментальной сферы отходят на задний план. Аналогичный процесс можно наблюдать и в следующем контексте из «Братьев Карамазовых»:

Об этой другой, обновлённой и уже «добродетельной» жизни («непреренно, непременно добродетельной») он [Дмитрий] мечтал поминутно и исступленно. Он жаждал этого искупления и обновления (БК)

Хотя ментальный глагол *думать* (в значении процесса) имеет свои интенсификаторы (*напряженно / неотступно думать*), они не связаны с крайней степенью эмоционального возбуждения субъекта, которую передает интенсификатор *горячо*:

Минутами он чувствовал, что как бы бредит: он впадал в лихорадочно-восторженное настроение.

Старушонка вздор! – думал он горячо и порывисто, – старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело! (ПН)

Интенсификатор *горячо*, в соответствии с внутренней формой («Горячее согревает, “возбуждает”, делает человека более активным (а иногда заставляет “горячиться”»)» [Кустова 2011: 260]), предполагает эмоциональную вовлеченность в ситуацию, а часто и активность субъекта: *горячие аплодисменты, горячее желание, горячая привязанность, горячий отклик, горячий протест, горячая симпатия, горячее стремление* [Словарь 2008]. Интенсивность работы мысли у Раскольникова доводит его до лихорадочного состояния; быстро сменяющиеся на свою противоположность состояния характерны скорее для эмоциональной сферы: мысль у Раскольникова работает «горячо и порывисто» – как чувство. Кроме

того, интенсивность мысли сопровождается у героя интенсивной работой чувств.

К опорным словам с семантикой ментальной сферы мы отнесём также существительное *намерение*, в котором сочетаются признаки ментального и волевого состояния, и обозначение интеллектуально-эмоционального свойства *восприимчивость*:

С неудержимым отвращением и с неудержимым намерением всё заглазить я вдруг вскочил с дивана; но только что я вскочил, мигом выскочила Альфонсинка (П)

Намерение – доминанта синонимического ряда *намерение, умысел, замысел 1, задумка, план 3, проект 3, прожект* ‘мысль человека о том, что он хочет сделать, и готовность прилагать усилия для того, чтобы сделать это’ [НОСС 2004: 587]. Сочетаемости с прилагательным *неудержимый* препятствует, как и в остальных случаях, значение ментального состояния, однако, выбор этого интенсификатора одновременно оправдан идеей волевого состояния типа *хотеть, желать* [Апресян 1995 т. II], сильно выраженного в *намерении*: «Главная отличительная черта *намерения* состоит в том, что оно в наибольшей степени связано с волей. <...> С другой стороны, *намерение* – это не чистая воля. Оно предполагает взвешивание человеком своих возможностей, т.е. включает идею обдумывания и преставление о вероятном результате; ср. с *заранее обдуманном намерением*» [НОСС 2004: 588]. *Неудержимый / неудержимо* может характеризовать волевые состояния по аналогии с действием неодолимых внешних сил: *неудержимо тянуло, неудержимо захотелось, неудержимое желание, в этом неудержимом стремлении, неудержимая жажда жизни* (НКРЯ). Ср. также: *Он [Алеша] вспоминал потом сам, что в тяжелый день этот забыл совсем о брате Дмитрие, о котором так заботился и тосковал накануне; забыл тоже снести отцу Илюшечки двести рублей, что с таким жаром намеревался исполнить тоже накануне* (БК)

*Этого князь даже и подозревать не хотел под обаянием прелести своего первого впечатления. Он видел, например, что этот старик, этот важный сановник, который по летам годился бы ему в деды, даже прерывает свой разговор, чтобы выслушать его, такого молодого и неопытного человека, и не только выслушивает его, но видимо ценит его мнение, так ласков с ним, так искренно добродушен, а между тем они чужие и видятся всего в первый раз. Может быть, на **горячую восприимчивость** князя подействовала наиболее утончённость этой вежливости (И)*

Значение существительного *восприимчивость* – свойство по значению прилагательного *восприимчивый*: «легко воспринимающий, усваивающий, понимающий что-л. *Восприимчивая натура. Восприимчивый ум*» [МАС] – предполагает скорее ментальную оценку, но и некоторое эмоциональное отношение к объекту восприятия (если *восприимчивый ум* – *быстро усваивающий*, то *восприимчивая натура* – скорее всего, чувствительный человек). Однако из него не очевидны те процессы, которые могут быть охарактеризованы с помощью прилагательного *горячий*, оно сфокусировано на внутреннем состоянии человека. Идея о *горячих проявлениях* чувств-отношения находится среди «далеких» потенциальных, окказиональных семантических признаков *восприимчивости* – как её следствие, ср. *горячая поддержка, заинтересованность, горячий отклик* и др. [Куцова 2008]).

2. Интенсификатор + глагол пропозициональной установки *ждать*.

Глагол пропозициональной установки *ждать*, кроме ментальной составляющей, содержит семантический признак ‘эмоциональность’, однако в обычном представлении не предполагают бурных проявлений и резких жестов:

*И признаюсь, эти тогдашние несколько дней в Москве, может быть, были лучшей минутой всей жизни моей! Мы все еще тогда были так молоды... и все тогда **с таким жаром ждали**...* (П) – Наречное выражение *с таким жаром* акцентирует эмоциональную составляющую состояния.

Эмоциональная составляющая присутствует и в значении глагола *ждать*, однако признак ‘чувство ожидания’ не является центральным: «Глаголы со значением ‘ждать’ не относятся ни к типичным пропозициональным установкам, ни к типичным эмоциональным состояниям. Они имеют, однако, значения как ментального, так и эмоционального состояния... Выражение «переживать чувство ожидания» употребляется в статье «ждать» Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Действительно, ‘ждать’ охватывает весь диапазон состояний от расчета, т. е. крайней ментальной точки, до желания, расположенного среди эмоций» [Zaliznjak 1992: 105]. Лексема *ждать I*: «*X ждет Y-а в Z-е в течение времени T* = ‘Зная или считая, что в месте Z должно или может произойти событие Y, нужное человеку X или касающееся его, X в момент или отрезок времени T находится в состоянии готовности к нему; обычно X находится в месте Z и хочет, чтобы Y произошло’» [Апресян 2009: 126]. Однако у *ждать* в этом контексте появляется значение волевого состояния: «Другое интересное употребление лексемы *ждать I* связано <...> с активизацией слабого компонента ‘хотеть, чтобы нечто произошло’; ср. *Многие приходили ради скандала, но широкая студенческая публика ждала нового искусства, хотела нового слова* (Р. Якобсон, Будетлянин науки); Блок ждал этой бури и встряски, Ее огневые штрихи Боязнью и жаждой развязки / Легли в его жизнь и стихи (Б. Пастернак). Необходимым и достаточным условием этой семантической модификации является либо главное ударение на *ждать*, как в только что приведенных примерах, ибо контекст наречий степени *очень, страшно, больно* <...>» [Апресян 2009: 127].

3. Интенсификатор + слово со значением эмоционального отношения.

Предикаты эмоционального отношения составляют особую подгруппу предикатов внутреннего состояния [Зализняк 1992: 31]. Это круг личных, внутренних переживаний человека, интенсивность которых чаще определяется не внешними проявлениями, а глубиной: для них, как и для многих предикатов ментальной сферы, характерна сочетаемость

с интенсификатором *глубокий/глубоко*: *глубокая любовь, ненависть, неприязнь, преданность, глубокое отвращение, презрение, сострадание; глубокая задумчивость, мудрость, глубокий ум, глубокое знание, познание, понимание, убеждение, размышление* [Кустова 2008]. Эмоции этой группы относятся к «вторичным, окультуренным», в них преобладает интеллектуальная оценка ситуации как желательной или нежелательной для субъекта, а не непосредственное переживание [Апресян 1995 т. II: 370]:

*Они [люди, осиротевшие без идеи бессмертия] **возлюбили** бы землю и жизнь **неудержимо** и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнюю любовью* (П)

*Убили отца, а притворяются, что испугались, – проскрежетал он с **яростным презрением*** (БК) – *Презрение* – «чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к кому-, чему-л.» [МАС]., пренебрежение «презрительно-высокомерное, неуважительное отношение к кому-, чему-л.» [МАС]. *Ярость* – первичная эмоция, общая для человека и животных, в ней преобладает собственно чувство, непосредственное ощущение, а не интеллектуальная оценка (ср. *радость, страх*) [Апресян 1995 т. II: 356]. *Презрение* может принимать образ неудержимого порыва, стремления субъекта, т. к. имеет «направление» – «от человека к миру (то есть к другому человеку, к ситуации)», в отличие от «безлично-пациентных» отношений типа *страшно, смешно, весело, грустно* [Кустова 2004: 321-322] – ср. также: – *Да ведь и моя, я думаю, мать, его мать была, как вы полагаете? – вдруг с **неудержимым гневным презрением** прорвался Иван* (БК)

Таким образом, все описанные аномальные сочетания демонстрируют общую тенденцию к превышению ожидаемой степени эмоционального проявления тех или иных процессов и состояний. Ментальные процессы и состояния мыслятся как эмоции, переживаемые с «особым накалом». Некоторые внутренние состояния и переживания, которые в привычной картине мира представлены как глубокий внутренний процесс (чем глубже

он, чем сильнее затрагивает человека, тем интенсивнее), характеризуются через интенсивность внешних проявлений.

Рассмотрим здесь также некоторые сочетания с интенсификатором *неотразимый / неотразимо*. Этот интенсификатор отписывает ситуацию, когда субъект сталкивается с внешним воздействием, получает впечатление извне (*неотразимый довод, аргумент; неотразимое впечатление, обаяние, очарование*). В текстах Достоевского этот интенсификатор, напротив, соединяется с внутренними состояниями и их проявлениями, что также меняет концептуализацию соответствующих ситуаций, например:

*Мстительный и гордый ум ее был возбужден в высочайшей степени. Вспоминая прежние разговоры со мной и сообразив множество мельчайших обстоятельств, она не могла усомниться в верности известия. Тогда в этом твердом, непреклонном женском сердце **неотразимо созрел** план удара (П)*

*Записываю эту тогдашнюю грезу мою не как мысль, а как **неотразимое** тогдашнее **ощущение** (П)*

*Он [Раскольников] поднял голову и увидел, что стоит у того дома, у самых ворот. С того вечера он здесь не был и мимо не проходил. **Неотразимое и необъяснимое желание** повлекло его (ПН)*

В приведенных контекстах субъект не может «отразить», преодолеть напор своих собственных страстей и желаний.

Таким образом, все описанные аномальные сочетания демонстрируют общую тенденцию к превышению ожидаемой степени эмоционального проявления тех или иных процессов и состояний. При соединении интенсификатора, маркирующего спонтанные проявления и неконтролируемые состояния, с контролируемыми ситуациями происходит изменение концептуализации такой ситуации, характерное для художественного мира Достоевского, героям которого свойственны сильные страсти и порывы, т. е. ситуация приобретает признаки не полностью контролируемой: ментальные процессы и состояния мыслятся как эмоции,

переживаемые с «особым накалом»; контролируемые ситуации представлены как спонтанные, над которым субъект утратил контроль в силу крайнего эмоционального возбуждения; психологические состояния и переживания, которые в привычной картине мира включают обязательную интеллектуальную оценку, характеризуются через интенсивность спонтанных внешних проявлений.

Все случаи замены «специализированного» интенсификатора на «общий» (из разделов 5 и 6) можно считать переинтерпретацией, реконцептуализацией ситуации, когда она из сложной семантической структуры упрощается до одного градуируемого признака – т. к. «общий» интенсификатор требует наличия такого признака. Как показал анализ материала, это единый и относительно массовый процесс, свойственный текстам Достоевского.

7. Аномальная сочетаемость, основанная на преобразовании синтаксических конструкций

Исследователи не раз обращали внимание на разнообразные случаи «подмены» и соединения в языке Достоевского внешне разнородных, далеких, несочетаемых понятий. Д. С. Лихачев отметил эпитеты, «которые формально относятся к одному слову, но в то же время с какой-то стороны определяют и другое», «очень часто относятся к чему-то другому – соседнему по ситуации и смыслу» [Лихачев 1984: 68]: *Лягавый грузно храпел, деревья густо шумели* и др. А. А. Илюшин говорит об «озвученных жестах», «словах-жестах» [Илюшин 1969: 24] – это случаи замены глагола речи глаголом движения или мимики: – *Стой!* – *уцепился он за мое пальто*; – *Как!* – *вспыхнула* Дуня... Е. А. Иванчикова описывает «ситуативно оправданное семантическое свертывание синтаксической конструкции»: *я положил обдумать Ламберта; участвовали вы сколько-нибудь в этой вчерашней коляске или нет; с самого первого дня «идеи»* и др. «Общим

принципом такого свертывания является изъятие из синтаксической цепи необходимых для её полноты звеньев и синтаксическое объединение “несоединимых” семантически слов, являющихся опорными в данном коммуникативном акте» [Иванчикова 2009: 277].

Ниже мы рассмотрим сочетания «интенсификатор + опорное слово», в которых явно ощущается «изъятие необходимых звеньев» и/или объединение оставшихся элементов вопреки нормам языка.

7.1. «Перевешивание» интенсификатора в синтаксической конструкции

Термин «перевешивание» был заимствован нами из работы [Кобозева, Лауфер 1990], где перевешивание интенсификатора «к семантически не связанному с ним узлу» – один из видов операций получения аномалии на этапе построения поверхностно-синтаксической структуры высказывания [Кобозева, Лауфер 1990: 134]. «Нормально синтаксическая сфера действия предиката отражает его семантическую сферу действия (исключения описываются особыми правилами смещения)» [Там же]. «Перевешивание» интенсификатора порождает нарушение сочетаемости в узуальных фразеологизованных речевых конструкциях: семантически сочетаясь с одним словом, грамматически он зависит от другого слова в предложении.

В текстах Достоевского нам встретились следующие синтаксические варианты преобразования исходной синтаксической конструкции вследствие «перевешивания» интенсификатора: от существительного к существительному; от прямого дополнения к глаголу; от подлежащего к сказуемому при отсутствии стандартных метонимических связей; при трансформации глагольной конструкции с зависимым деепричастным оборотом в субстантивную.

«Перевешивание» возможно в конструкциях с существительными в роли главного и зависимого слова. «Перевешиванию» в этом случае подвергается прилагательное-интенсификатор:

*А к гостинцам я даже не притронулся; апельсины и пряники лежали передо мной на столике, а я сидел, потупив глаза, но с **большим видом собственного достоинства** (П) – в норме качественную семантику имеет существительное *достоинство*, но интенсификатор стоит при слове *вид*. При этом словосочетание *с большим достоинством* встречается в НКРЯ, подкорпусе художественных текстов 2-ой половины XIX века 21 раз, например: *Елена делала вид, что решительно не замечала этого, и держала себя с **большим достоинством***. [А. Ф. Писемский. В водовороте (1871)]*

Появление прилагательного *собственный* также «расшатывает» устойчивое выражение.

– *Я слышала, напротив, что этот Филипп сам удавился. – Точно так-с, но принудила или, лучше сказать, склонила его к насильственной смерти **беспрерывная система гонений и взысканий** господина Свидригайлова.* (ПН) – беспрерывными были, очевидно, *гонения* и *взыскания* – процессы, для которых возможна интенсификация по временному параметру.

Конструкции, подобные *беспрерывная система гонений и взысканий* являются фразеологизованными (оборотами официально-делового стиля, канцеляризмами) В НКРЯ встречаются следующие контексты: *система детского воспитания* (Р. М. Зотов), *система английского управления*, *система взаимного шпионства* (И. А. Гончаров), *система государственной экономики* (Д. Н. Мамин-Сибиряк), *система народного образования* (Г. И. Успенский) и др. Именно на устойчивости данной конструкции основан сатирический эффект окказионализма М. А. Салтыкова-Щедрина *система градоначальнического единонаграждения* [История одного города (1869-1870)].

В следующем контексте временное по своей семантике наречие смещается от событийного существительного к стативному, что приводит к появлению неидиоматично выраженного значения высокой степени:

Порфирий Петрович, как только услышал, что гость имеет до него «дельце», тотчас же попросил его сесть на диван, сам уселся на другом

конце и уставился в гостя, в **немедленном ожидании** изложения дела, с тем усиленным и уж слишком серьезным вниманием, которое даже тяготит и смущает с первого раза (ПН)

Для языка второй половины XIX века (как и для современного языка) характерны конструкции «в ожидании + процессуальное существительное»: *в ожидании радостного свидания* (Г. П. Данилевский), *в ожидании роковой развязки* (Е. П. Карнович), *в ожидании дальнейших разъяснений* (М. Е. Салтыков-Щедрин). Прилагательное *немедленный* характеризует действие или происшествие: *ожидали немедленного прибытия императорской фамилии* (Р. М. Зотов), *ождать немедленной катастрофы* (М. М. Стасюлевич). В [Куцова 2017б] был отмечен процесс грамматикализации предложно-падежной формы *в ожидании* (*в ожидании поезда*). Все это позволяет рассматривать контекст Ф. М. Достоевского как результат действия механизма «перевешивания».

«Перевешивание» возможно также в конструкции «глагол + существительное»:

*Что же касается мужчин, то Птицын, например, был приятель с Рогожиным, Фердыщенко был как рыба в воде; Ганечка всё ещё в себя прийти не мог, но хоть смутно, а **неудержимо** сам **ощущал** горячую **потребность** достоять до конца у своего позорного столба <...>* (И) – ср. сочетание *неудержимая потребность*, для которого отмечено 25 вхождений в общем корпусе НКРЯ, например: *он почувствовал неудержимую потребность излить перед кем-нибудь волновавшие его чувствования* (А. Ф. Писемский), *чувствовалась неудержимая потребность лично вмешаться в это безобразие* (Н. С. Лесков), *является неудержимая потребность потонуть в пустяках* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Неудержимо ощущать отмечено в общем корпусе НКРЯ только в языке Ф. М. Достоевского – всего 2 вхождения. Реконструируемой исходной структурой можно считать *ощущать неудержимую потребность*. Впрочем, в «Записках из подполья» сочетание *неудержимо ощущать*

(без существительного *потребность*), можно также считать примером изменения концептуализации ситуации в результате употребления неузואльного интенсификатора (ср. параграф 6.2.): *...Я начал помаленьку, издадека, невольнo, но **неудержимо ощущать**, что ведь мне теперь неловко будет поднять голову и посмотреть Лизе прямо в глаза* (П)

Другой тип «перевешивания» связан с нестандартными способами характеристики субъекта ситуации

Интенсификатор, характеризующий состояние субъекта действия при глаголе-сказуемом, является нормой: *Госпожа Хохлакова настоятельно и **горячо умоляла*** (БК); *Он **лихорадочно оживился**, когда они подошли к столу* (И). К каузативному глаголу-сказуемому с подлежащим-ситуацией может присоединяться характеристика субъекта каузированного состояния – Экспериенцера: [Сторож], *услыхав, что в другой избе угар, хотя и пошел распорядиться, но принял факт до странности равнодушно, что **обидно удивило** Митю* (БК): ‘Х удивил Y-а’ → ‘Y обижен (и Y удивлен)’; *Новый, совершенно неожиданный и чрезвычайно простой вопрос разом сбил его с толку и **горько** его **изумил*** (ПН): ‘Х изумил Y-а’ → ‘Y-у горько (и Y изумлен)’. Здесь интенсификатор присоединяется либо к предикату субъекта-лица, либо к предикату, который содержит состояние субъекта-Экспериенцера в качестве одного из семантических компонентов. Если таких отношений нет, то конструкция будет аномальной и стилистически отмеченной:

*Уединение скоро стало ему [князю Мышкину] невыносимо; новый **порыв горячо охватил** его сердце, и на мгновение ярким светом озарился мрак, в котором тосковала душа его* (И) – здесь происходит «перевешивание» интенсификатора *горячий* с существительного *порыв* (*горячий* является одним из характерных интенсификаторов для *порыв* – 38 вхождений в общем корпусе (НКРЯ), ср.: *мои горячие порывы к нему в письмах* (Н. С. Лесков), *с горячим порывом сказал Самоквасов* (П. И. Мельников-Печерский), характеризующего субъекта, на глагол

охватил, который не является предикатом субъекта. Аналогичным образом образуется сочетание *неудержимо охватить*.

Тот же механизм стоит, вероятно, и за аномальными сочетаниями типа *густо шумели* и *грузно храпел*, отмеченными Д. С. Лихачевым в [Лихачев 1984: 68]. Прилагательное со значением качественной характеристики предмета или человека (*густой, грузный*) получает значение высокой степени и функцию интенсификатора, окказионально употребляясь при глаголе.

Сопоставим контексты употребления интенсификатора *густой/густо*. В первом контексте употребление *густо* не аномально, так как оно выражает дополнительную (и вполне ожидаемую) характеристику состояния:

(1) *Я видел сам, как в конце залы за эстрадой была временно и наскоро устроена особая загородка, в которую впустили всех этих съехавшихся юристов, и они почли себя даже счастливыми, что могли тут хоть стоять, потому что стулья, чтобы выгадать место, были из этой загородки совсем вынесены, и вся набравшаяся толпа простояла всё «дело», **густо сомкнувшиеся** кучей, плечом к плечу (БК) – употребление *густо* в роли интенсификатора основано на метонимическом переносе (причина → следствие): ‘куча была густой’ → ‘куча плотно сомкнулась’.*

Во втором случае *густо* также называет дополнительную характеристику действия, однако два признака являются независимыми (хоть и не противоречат друг другу) – в этом случае семантическое согласование не обеспечено метонимией, и мы наблюдаем именно «перевешивание»:

(2) *Но **все** вдруг **густо** зашевелились; все стали разбирать шляпы и хотели идти, – конечно, не из-за меня, а им пришло время; но это молчаливое отношение ко мне раздавило меня стыдом (П) – ср. *густая толпа* зашевелилась (ср. Привалов побрел в главную залу, где теперь публика бродила *густой* шумевшей **толпой** [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)]).* Движение («шевеление») и «густота» здесь признаки независимые, так как интенсивно (быстро, шумно) двигаться могла и

небольшая группа людей, а большая группа могла «шевелиться» вяло. Таким образом, *густо* здесь не только характеризует субъект, но и выражает интенсивность действия.

И наконец, в третьем случае имеет место явное смещение характеристики от предмета к действию:

*Низкие мутные разорванные облака быстро неслись по холодному небу; **деревья густо** и перекатно **шумели** вершинами и скрипели на корнях своих; очень было грустное утро (Б) – ср. густая листва шумела. Здесь *густой* – постоянная характеристика леса, деревьев (ср. *густой лес, густая листва*). Употребление этой характеристики с данным глаголом аномально с точки зрения нормированного языка и образует яркую речевую фигуру, характерную для стиля Достоевского.*

Образ *густого шума* впервые появляется в языке Ф. М. Достоевского (НКРЯ), но позже встречался и у других авторов (разумеется, это не обязательно влияние Достоевского), ср. контексты из прозы XX века (найдено 3 вхождения в общем корпусе НКРЯ), где этот образ получает дальнейшее развитие: *Когда ветер, **густо шумя**, рос, приближался, он вдруг раскрывал всю эту древесную зелень, окружавшую окна тенистого кабинета <...>* [И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева» (1927-1933)]; *Я очень люблю мелкую лесную заросль: когда настоящие большие деревья ровно, **густо**, сытно **шумят** <...>* [М. М. Пришвин, «Дневники» (1926)]; *На заводе, за высоким старым забором, стояло заунывное молчание – там жило давно остывшее железо, съедаемое ленивой ржавчиной. День скрывался в серой ветреной ночи. Город мерцал редкими огнями, мешавшимися со звездами на высоком берегу. **Густой ветер шумел**, как вода, и Пухов почувствовал себя безродным... заблудившимся человеком* [А. П. Платонов. Сокровенный человек (1928)]. У И. А. Бунина *густо* относится к шуму ветра, однако из контекста читателю ясно, что шумят деревья; у М. М. Пришвина появляется новый эпитет *сытно*; и, наконец, у А. А. Платонова в описанной

ситуации отсутствуют деревья, шум ветра густой «сам по себе», при этом появляется новый объект сравнения (вода).

Ср. также:

*Сам же приезжий [Лягавый] лежал, протянувшись на скамье, со скомканною верхнею одежонкой под головами вместо подушки и **грузно храпел** (БК) – грузное телосложение Лягавого обуславливает его громкий (густой) храп.*

Аналогичный эффект может возникать при трансформации глагольной конструкции в субстантивную, т. е. при номинализации:

*Князь пошел. Ипполит желал помириться, заплакал и после слёз, разумеется, ещё пуще озлобился, но только трусил выказать злобу. Он был очень плох, и по всему было видно, что теперь уже умрёт скоро. Секрета не было никакого, кроме одних чрезвычайных, так сказать, **задыхающихся от волнения** (может быть, выделанного) **просьб** «беречься Рогожина» (И) – ‘Ипполит, задыхаясь от волнения, просил’.*

*Lise вдруг, совсем неожиданно, покраснела, сверкнула глазками, лицо её стало ужасно серьёзным, и она с горячею, **негодующею жалобой** вдруг заговорила скоро, нервно <...> (БК) – ‘Lise жаловалась, негодую’.*

Приведенные аномальные высказывания демонстрируют интересный эффект: возможность сохранения у номинализации характеристики действия, выраженного глаголом (точнее, характеристики субъекта действия), зависит от способа выражения этой характеристики. Если характеристика была выражена наречием, она, как правило, наследуется номинализацией в виде прилагательного: *горячо / настойчиво просил – горячая / настойчивая просьба; горько / громко / настойчиво жаловаться – горькие / громкие / настойчивые жалобы*. Но если эта характеристика выражалась другим глаголом (в том числе – в форме деепричастия), она при номинализации теряется (поскольку номинализация не присоединяет деепричастий), а при попытке выразить тот же смысл причастием возникают аномальные сочетания.

7.2. «Совмещенные пропозиции»

Под «совмещением» пропозиций мы будем понимать механизм образования аномальных сочетаний типа *покупались до давки, пристально ждала, ясно вслушался, глубоко перекрестилась, размашисто похвалился* – в этих словосочетаниях совмещаются указание на одну пропозицию (выражена в опорном слове) и интенсификатор от второй пропозиции, который ассоциируется с ней и создает эффект её «материализации» в тексте. Пропозиция опорного слова и пропозиция интенсификатора связаны между собой отношениями смежности: одновременности, последовательности, причины или следствия.

Словосочетания с «совмещенными пропозициями» в общезыковом употреблении языковых единиц возможны для некоторых групп слов: двух одновременных перцептивных процессов (*пристально слушать*(1-5-8), *пристально вслушиваться*(1-3-2)); одновременных перцептивного процесса и ментального состояния (*любопытно слушать* (2-2-1), *любопытно прислушиваться* (2-1); физиологических и психических состояний (*больно почувствовать* (1-4-7)); ментальных действий и состояний с образованием интенсификатора по метонимической модели *явно убедиться* (1-2).

В языке Ф. М. Достоевского механизм «совмещения пропозиций» приобретает характер повсеместно действующего сочетаемостного механизма, под действие которого попадают: интенсификаторы и опорные слова из разных лексико-семантических классов, разнообразные с точки зрения идиоматической сочетаемости интенсификаторы; в результате могут образовываться конструкции с нестандартным совмещением предикативных характеристик.

С точки зрения соотношения между субъектами пропозиций и смысловой связи между предикатами в языке Ф. М. Достоевского можно выделить словосочетания: где две пропозиции относятся к разным субъектам; где две пропозиции обозначают действия или состояния одного и

того же субъекта; где «совмещение» пропозиций строится на отношениях градации.

1.Интенсификатор и опорное слово относятся к разным пропозициям с разными субъектами.

В этих случаях аномальную конструкцию обычно можно развернуть в сложное предложение с местоименно-союзным соотносительным придаточным, в котором обозначается высокая степень и следствие. Указание на субъекта пропозиции, с которой связан интенсификатор, присутствует в контексте в разных формах:

[О Гане] *Самолюбивый и тщеславный до мнительности, до ипохондрии <...> «нетерпеливый нищий», по выражению самой Настасьи Филипповны; поклявшийся всеми клятвами **больно навестать** ей всё это впоследствии, и в то же время ребячески мечтавший иногда про себя свести концы и примирить все противоположности, – он должен теперь испытать еще эту ужасную чашу, и, главное, в такую минуту!* (И) – ‘поклявшийся навестать ей всё так [сильно], что ей станет больно’.

*В его [Гани] душе будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и он хотя и дал наконец, после мучительных колебаний, согласие жениться на «скверной женщине», но сам поклялся в душе **горько отомстить** ей за это и «доехать» ее потом, как он будто бы сам выразился* (И) – ‘отомстить ей так [жестоко], что ей станет горько’. Субъект Y пропозиции, которая представлена интенсификатором *горько* (‘Y-у станет горько’), присутствует в виде косвенного дополнения *ей* при обозначении пропозиции опорного слова – с субъектом X (‘X отомстит Y-у’).

*Последний же день, так нечаянно наступивший и всё разом порешивший, подействовал на него [Раскольников] почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и **потянул** за собой, неотразимо, слепо, с неестественною силой, **без возражений*** (ПН) – ‘кто-то потянул Y-а с такой силой, что он не мог возражать’. Субъект Y пропозиции, которая представлена интенсификатором *без возражений* (‘Y не возражал’),

присутствует в виде косвенного дополнения *его* при пропозиции опорного слова – с субъектом X (‘X потянул Y-а за собой’).

*Незадолго до французской революции явился в Париже некто Лоу и затеял один, в принципе гениальный, проект (который потом на деле ужасно лопнул). Весь Париж взволновался; акции Лоу **покупались** нарасхват, **до давки** (П) – ‘акции покупало так много людей, что образовалась давка’. В данном случае две пропозиции относятся к одному семантическому субъекту (‘X-ы покупали’ – ‘давка среди X-ов’), однако мы посчитали возможным рассмотреть данный случай в этой группе, так как на уровне поверхностной структуры подлежащим при пассивной форме глагола *покупались* являются *акции*, т. е. субъект, отличный от субъекта ситуации ‘давка’.*

2.Пропозиция, выраженная в опорном слове, и пропозиция, представленная интенсификатором, относятся к одному субъекту.

В этом случае речь идет о разных аспектах единой, но сложной ситуации. Как правило, это два одновременных, взаимозависимых действия или состояния:

(1) в сфере внутренних процессов и состояний:

– перцептивный процесс и связанное с ним ментальное, эмоциональное состояние:

*Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески. Молодой человек, оставшись один среди комнаты, **любопытно прислушивался** и **соображал** (ПН) – ‘ему было любопытно; он прислушивался’. Раскольников приходит делать «пробу»: наблюдает и пробует себя в задуманной роли. Любопытство здесь дано как исходное состояние, а перцептивный процесс – как его проявление. Здесь можно говорить о двух смежных процессах или о «двойной категоризации» одного процесса (так И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер обозначили некоторые аномалии языка А. Платонова): «Когда выделенный аспект исходного замысла – действие, то существует возможность рассмотреть его на любом из трех*

уровней: 1) физической деятельности, 2) планируемого результата, 3) последствий (ср. логику действий фон Г. Вригта, трихотомию речевого акта у Дж. Остина). Каждому уровню рассмотрения соответствует своя категоризация. Так, одно и то же действие можно подвести под категории нажатия на ручку, открывания двери и выстукивания комнаты. В норме в рамках планируемой элементарной предикации должен быть выбран лишь один уровень рассмотрения, проведена одна категоризация. <...> Аналогично при категоризации состояния некоторого лица можно провести её на уровне наблюдаемых физических проявлений и на уровне скрытых причин, интерпретации этих проявлений. Опять-таки в рамках элементарной предикации должна проводиться единственная категоризация» [Кобозева, Лауфер 1990: 128-129].

– *Надо жить по закону природы и правды, – проговорила из-за двери госпожа Дергачева. Дверь была капельку приотворена, и видно было, что она стояла, держа ребенка у груди, с прикрытой грудью, и **горячо прислушивалась** (П) – ‘прислушивалась и горячо воспринимала то, что слышала’.* Идиоматичный интенсификатор вызывает ассоциации со «своими» опорными словами: *горячее одобрение, горячая поддержка, горячее сочувствие, горячее участие, горячий спор* и т. п. [Словарь 2008]. Здесь можно увидеть две смежные пропозиции: пропозицию ‘Х сочувствовал (участвовал, одобрял...)', которая представлена интенсификатором *горячо*, и пропозицию опорного слова ‘Х прислушивался’.

*Выйдя на крыльцо, он **ясно вслушался, что стоны идут из сада.** (БК)* – здесь ментальное состояние ‘Х-у стало ясно, что Р’ является результатом перцептивного процесса: ‘Х вслушался’.

– два перцептивных процесса:

Чрез десять минут князь сидел подле Настасьи Филипповны, не отрываясь смотрел на нее и гладил её по головке и по лицу обеими руками, как малое дитя. Он хохотал на её хохот и готов был плакать на её слезы.

Он ничего не говорил, но **пристально** вслушивался в её порывистый, восторженный и бессвязный лепет (И)

Его почему-то занимало пенье и весь этот стук и гам, там, внизу... Оттуда слышно было, как среди хохота и взвизгов, под тоненькую фистулу разудалого напева и под гитару, кто-то отчаянно отплясывал, выбивая такт каблуками. Он **пристально**, мрачно и задумчиво **слушал**, нагнувшись у входа и любопытно заглядывая с тротуара в сени (ПН)

Идиоматичный интенсификатор *пристально* устойчиво сочетается со словами, обозначающими зрительное восприятие: *пристально* *глядеть*, *пристально* *смотреть*, *пристальный* *взгляд* («сосредоточенный, напряженно-внимательный» [МАС]). Таким образом, в приведенных выше словосочетаниях совмещаются: пропозиция ‘Х смотрел’, представленная интенсификатором *пристально*, и пропозиция опорного слова ‘Х вслушивался’ / ‘Х слушал’, – связанные отношениями одновременности. Интенсификатор указывает одновременно и на интенсивность взгляда, и на интенсивность слушания. Интерпретация поддерживается контекстом, в котором содержится указание на пропозицию интенсификатора: *смотрел на нее; заглядывая с тротуара в сени* (при этом сохраняется и возможность более тривиальной интерпретации данного нарушения – замена идиоматичного интенсификатора типа *внимательно* на неидиоматичный).

(2) в сфере физических действий и процессов:

Мама повернулась к церкви и три раза **глубоко** на нее **перекрестилась**, губы её вздрагивали, густой колокол звучно и мерно гудел с колокольни (П) – ‘перекрестилась с глубоким поклоном’. Символическое действие наложения креста сопровождается физическим действием (также символическим): в словосочетании совмещаются пропозиция ‘Х поклонился’, представленная интенсификатором *глубоко*, и пропозиция опорного слова ‘Х перекрестился’.

ПРИМЕЧАНИЕ. Пример: *О Катерине Ивановне он [Дмитрий] почти что и думать забыл, и много этому потом удивлялся, тем более, что сам твердо помнил, как ещё вчера*

утром, когда он так **размашисто похвалился** у Катерины Ивановны, что завтра уедет в Москву, в душе своей тогда же шепнул про себя: «а ведь вздор, не поедешь, и не так тебе будет легко оторваться, как ты теперь фанфаронишь» (БК), – где опорное слово обозначает речевое действие, а интенсификатор может указывать на сопровождающий жест, манеру речи героя, не имеет однозначной интерпретации, т.к. *размашисто* в данном случае может быть понято метафорически.

*Катерина Ивановна встала со стула и строго, по-видимому спокойным голосом (хотя вся бледная и с **глубоко подымавшеюся** грудью), заметила ей, что если она хоть только один ещё раз осмелится «сопоставить на одну доску своего дрянного фатеришку с её папенькой, то она, Катерина Ивановна, сорвёт с неё чепчик и растопчет его ногами»* (ПН) – ‘от волнения Катерина Ивановна глубоко дышала и поэтому у неё высоко подымалась грудь’. В словосочетании объединяются указание на физиологическую реакцию (пропозиция ‘Х дышал’, но обязательно с указанием на интенсивность) и на её внешнее, видимое проявление (‘грудь Х-а поднималась’).

(3) в сфере речевых действий:

*В другое время всё это, конечно, внушало много уважения, но на этот раз Аркадий Иванович оказался как-то особенно нетерпеливым и **наотрез пожелал** видеть невесту, хотя ему уже и доложили в самом начале, что невеста легла уже спать* (ПН) – ‘пожелал видеть невесту и наотрез отказался ждать, хотя ему доложили, что невеста легла спать’. Одно действие (‘Х отказался’) представлено идиоматичным интенсификатором *наотрез*, смежное с ним действие выражено в опорном глаголе *пожелал*, который в данном контексте имеет речевое значение (‘выразил желание’, ‘сказал, что желает’, ‘потребовал’).

В словосочетаниях *наотрез отказался* и *глубоко подымавшаяся грудь* наряду с приемом «совмещения пропозиций» возникает стилистический эффект оксюморона: *наотрез* [отказаться] – ‘потребовать’; *подниматься* [вверх] – *глубоко* [опускаться] (ср. сочетание *радикально договорился*).

3. «Совмещение пропозиций» основано на отношениях градации.

Особо следует выделить случаи «совмещения» пропозиций, построенного на отношениях градации. Отношения градации возникают в контексте между предикатом опорного слова и некоторым предикатом большей степени интенсивности, при котором данный интенсификатор является идиоматичным, оба предиката относятся к одному субъекту:

*Про то, что она, кажется, отказала Евгению Павлычу с месяц назад и что было у них объяснение, довольно формальное, сообщили сёстры, в виде догадки... впрочем, **твёрдой догадки** (И).* Пропозиция, выраженная в опорном слове, – ‘догадка X-а’ → пропозиция, ассоциируемая с интенсификатором *твёрдый*, – ‘уверенность X-а’, ср.: *твёрдая уверенность, твёрдая вера* [Денисов, Морковкин 1983: 581].

– *Всё это вздорные аллегории, – рассердилась наконец Варвара Петровна, – вы не ответили на мой вопрос: «Почему?» Я **настоятельно жду** ответа (Б)* – Пропозиция, выраженная в опорном слове, – ‘X ждет’ → пропозиция, представленная интенсификатором *настоятельно*, – ‘X требует’, ср.: *настоятельно просить, настоятельное требование* [МАС].

*От природы была она [Катерина Ивановна] характера смешиливого, веселого и миролюбивого, но от непрерывных несчастий и неудач она до того **яростно** стала **желать** и **требовать**, чтобы все жили в мире и радости и не смели жить иначе, что самый лёгкий диссонанс в жизни, самая малейшая неудача стали приводить её тотчас же чуть не в исступление, и она в один миг, после самых ярких надежд и фантазий, начинала клясть судьбу, рвать и метать всё, что ни попадало под руку, и колотиться головой об стену (ПН) – ‘стала сильно желать и яростно требовать’.* В этом случае, как и в *твёрдо и горячо решил* (БК) на уровне поверхностной формы в установлении смысловых отношений между интенсификатором и опорным словом участвует ещё один элемент с нормальной сочетаемостью: *требовать (яростно требовать), твёрдо*

(*твердо решил*). В ряду однородных членов языковая аномалия частично снимается.

Проанализированный материал демонстрирует неслучайность, системность действия механизмов «перевешивания» и «совмещения» пропозиций в языке Ф. М. Достоевского. Если результатом действия механизма «перевешивания» являются стилистически маркированные фразы, которые нарушают автоматизм восприятия, то аномалии, основанные на «совмещении пропозиций» в художественных текстах Достоевского, имеют не только стилистическую, выразительную, но и когнитивную (эвристическую) природу – это не только художественный прием, но и характерный для Достоевского способ выразить мысль, охватить словом диалектику идей и характеров.

С другой стороны, здесь, как и в других случаях, возможно тривиальное объяснение аномальных сочетаний заменой идиоматичного интенсификатора на неидиоматичный. В любом случае, однако, возникает эффект разрушения штампа, стереотипа, связанного с «нормативной» коллокацией, что, несомненно, воздействует на читателя.

Выводы

Анализ аномальных сочетаний «интенсификатор + опорное слово» в больших романах Ф.М. Достоевского позволил выделить характерные для языка писателя типы аномальных сочетаний и механизмы возникновения аномальной сочетаемости интенсификаторов с опорными словами.

Типы аномальных сочетаний в романах Ф. М. Достоевского выделяются на основании 1) семантического класса интенсификаторов, которые образуют аномальные сочетания с опорными словами; 2) семантического класса опорных слов, в контексте которых интенсификаторы имеют аномальную сочетаемость; 3) типа нарушения сочетаемостных правил. При классификации интенсификаторов учитывались как особенности усилительного значения, так и семантические признаки, составляющие внутреннюю форму интенсификатора. В ходе анализа были обнаружены устойчивые тенденции образования определенных типов аномальных сочетаний и опорных слов:

1) Интенсификаторы класса *большой*, образованные от параметрических прилагательных со значением размера, без конкретизации параметра;

2) «Общие» интенсификаторы-наречия (предельные, неопредельные, компаративные), без конкретизации параметра действия или состояния, – в сочетании с глаголами самых разных семантических классов;

3) Интенсификаторы с агентивным значением ‘Х прилагает усилия, чтобы Р’ (группа т. н. «агентивных» интенсификаторов) в сочетании с названиями эмоциональных отношений, эмоциональных и ментальных состояний, ментальных процессов, желаний;

4) Интенсификаторы с семантическими признаками ‘эмоциональное возбуждение’ и ‘активность’ – в сочетании с предикатами интеллектуальной сферы, некоторыми предикатами внутренних состояний, предикатами эмоционального отношения;

5) Интенсификаторы со значением отрицательной оценки переживаемого состояния – в сочетании с названиями положительно оцениваемых качеств и состояний.

Эти группы интенсификаторов представляют собой достаточно представительный список типов интенсификаторов, активно проявляющих себя в формировании языка и идиостиля Достоевского.

Аномальные средства усиления, как правило, характеризуют предикаты внутренних состояний и процессов – эмоциональной, ментальной и физиологической сферы, названия речевых действий, названия физических действий. Также следует отметить названия лиц по национальной и профессиональной принадлежности, некоторые типы сложных номинаций.

Анализ перечисленных семантических типов аномальных сочетаний интенсификаторов с опорными словами позволил выделить несколько механизмов их образования:

- 1) интенсификация неградуируемых признаков;
- 2) тавтология – аномальный повтор семы интенсивности;
- 3) оксюморонные сочетания со значением противоположной оценки;
- 4) различные виды замен, т. е. неидиоматичное выражение значения степени при опорном слове: 1) употребление общих интенсификаторов на месте специализированных; 2) смещение интенсификатора к другому семантическому классу (от агентивных предикатов к неагентивным, от эмоциональных к ментальным и др.);

5) различные виды синтаксических преобразований: эллипсис, «перевешивание» интенсификатора, «совмещение» пропозиций.

Общим механизмом возникновения аномальных сочетаний является нарушение семантических, лексических, или прагматических ограничений в сочетаемости интенсификатора с опорным словом.

Разные типы нарушения сочетаемостных ограничений приводят изменениям к концептуализации ситуации, которую характеризует интенсификатор.

Так, случаи замены «специализированного» интенсификатора на «общий» (группы *очень*, группы *большой*) можно считать переинтерпретацией, реконцептуализацией ситуации, когда она из сложной семантической структуры упрощается до одного градуируемого признака – т. к. «общий» интенсификатор требует наличия такого признака. Это признак характеризует субъекта – параметр «степень», характеризующий состояние субъекта, распространяется на ситуацию в целом. Как показал анализ материала, это единый и относительно массовый процесс, свойственный текстам Достоевского.

Частные случаи изменения концептуализации тех или иных ситуаций связаны со всеми типами смещения интенсификаторов к другому семантическому классу, почти со всеми случаями синтаксических преобразований. Например, в некоторых аномальных сочетаниях с интенсификаторами типа *яростный*, *горячий* (‘эмоциональное возбуждение’+‘активность’) ментальные процессы мыслятся как эмоции, переживаемые с особым накалом; в некоторых аномальных сочетаниях с «агентивными» интенсификаторами эмоциональные и ментальные состояния получают динамику процессов и активность целенаправленных действий. Также аномальная сочетаемость интенсификаторов «работает» на «неопределенность значения» единиц текста, подчеркивает прагматическое (эмфатическое) значение интенсивности, усиливает экспрессивность высказывания.

Отдельно следует отметить комический эффект, который возникает при употреблении большого числа аномальных сочетаний. Аномальная сочетаемость – значимое средство выражения авторской иронии в языке Ф. М. Достоевского.

В некоторых случаях были отмечены случаи изменения сочетаемости интенсификаторов и значений опорных слов, произошедшей в языке со времени написания больших романов. Такие словосочетания

представляются аномальными современному читателю, однако, вероятно, не воспринимались как аномалия современниками Достоевского.

Анализ данных корпуса художественных текстов второй половины XIX века и корпуса текстов XX-XXI веков во многих случаях подтверждает, что аномальные явления художественного текста отражают потенциальные состояния языка, возможности языковой системы. Появление аналогичных сочетаний у нескольких (многих) авторов указывает на общезыковые процессы расширения сочетаемости, которые, возможно, и следует признать периферийными. Расширение сочетаемости влечет за собой изменения в семантике слов, которые могут закрепиться в языке. С одной стороны, аномальные сочетания (разной степени аномальности) в своей совокупности определяют особенность художественного языка писателя и художественного мира писателя, его идиостиль. Аномальные сочетания (в числе других языковых средств) формируют «язык писателя» как особую систему. С другой стороны, аномальная сочетаемость художественного текста демонстрируют зависимость от системных явлений и закономерностей общенационального языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании был проведен анализ аномальных сочетаний интенсификаторов с опорными словами в больших романах Ф. М. Достоевского, их типов и механизмов. При определении языковой природы интенсификаторов мы опирались на положения теории функциональной грамматики и теорию лексических функций (лексическая функция Magn). Кроме идиоматизированных обозначений высокой степени признака, *интенсификаторами* мы называем слова со свободной сочетаемостью (*очень, весьма* и др.) и слова со значением чрезмерной, предельной, полной и чрезмерной степени признака (*совсем, чрезмерно, полностью*).

Проведенный анализ позволяет утверждать следующее.

1. С точки зрения значения интенсификаторы характеризуются двойственностью. Они образуются от полнозначных признаковых слов в результате десемантизации, так что семантический признак 'очень', 'высокая степень' становится основным (ядерным) компонентом их значения. Кроме того, некоторые интенсификаторы по абстрактности значения и широте сочетаемости приближаются к грамматическим показателям. При этом большинство интенсификаторов сохраняют внутреннюю форму (связь с исходным значением), которая во многом определяет их избирательную (ограниченную) сочетаемость с опорными словами.

2. Значение высокой степени является результатом семантического упрощения, опустошения значения лексической единицы в процессе ее семантической эволюции. Но (1) полной утраты исходного значения в интенсификаторах всё же не происходит; (2) постоянное употребление снижает степень экспрессивности интенсификаторов именно потому, что приводит к стиранию образно-ассоциативных смыслов; (3) требуется

постоянное пополнение лексических средств интенсивности, для того чтобы они сохраняли свою образность, а значит экспрессивность.

3. На возможность употребления при данном опорном слове того или иного интенсификатора влияют: (1) особенности семантики обоих компонентов словосочетания, наличие общих семантических признаков, в том числе составляющих внутреннюю форму; (2) ограничения лексической, идиоматической, сочетаемости (узус).

«Необычная» сочетаемость интенсификаторов приводит к появлению нестандартных речевых оборотов, в которых появляются характерные, регулярные для художественных текстов Ф. М. Достоевского «обертоны» (Б. А. Ларин), «приращения смысла» (В. В. Виноградов). В «необычных» сочетаниях актуализованы периферийные, «потенциальные» семантические признаки опорных слов, которые изменяют представление о «прототипической ситуации» (Г. И. Кустова), изменяют концептуализацию ситуации.

4. Языковые аномалии определяются как нарушения правил употребления языковых или текстовых единиц (Ю. Д. Апресян).

Вопрос о степени аномальности явлений художественного текста может решаться по-разному. Возможны два противоположных понимания, что представляют собой языковые аномалии в художественном тексте: 1) понятие аномалии не имеет смысла для художественного текста, так как для реализации авторского замысла возможны любые отступления от языковых норм; 2) любое отступление от норм нехудожественной речи (включая тропы и стилистические фигуры) можно считать языковой аномалией. Между понятиями «стилистический прием» и «аномалия» сложно провести четкую границу.

Термин «языковая аномалия» был использован в исследовании для характеристики «необычных» сочетаний интенсификаторов с главными (опорными) словами в романах Ф. М. Достоевского, поскольку он (1) квалифицирует изучаемые сочетания как явления языка с акцентом на

лингвистическом аспекте проблемы; (2) может обозначать случаи отклонения от нормы разной степени вплоть до неинтерпретируемости.

5. Механизмы возникновения аномальных сочетаний в языке могут различаться: 1) с точки зрения наличия логической, семантической основы, наличия «мотивированности». В одних аномальных выражениях нарушены правила немотивированной, фразеологической, семантической сочетаемости, в других отсутствует согласованность содержательных (семантических, прагматических, коммуникативных) элементов разных уровней языка; 2) с точки зрения собственно «операции» построения аномального высказывания. Общим для перечисленных работ является выделение тавтологий и противоречий. Для настоящего исследования отметим также механизм замен (Н. М. Кобозева и Л. И. Лауфер).

6. Общим механизмом возникновения аномальных сочетаний интенсификаторов с опорными словами является нарушение семантических, лексических или прагматических ограничений в сочетаемости интенсификатора с опорным словом.

Конкретными механизмами, порождающими соответствующие типы аномальных сочетаний, являются:

- интенсификация неградуируемых признаков;
- тавтология;
- оксюморонные сочетания со значением противоположной оценки;
- различные виды замен, т. е. неидиоматичное выражение значения высокой степени при опорном слове: 1) употребление общих интенсификаторов на месте специализированных; 2) смещение интенсификатора к другому семантическому классу (например, от агентивных предикатов к неагентивным);
- синтаксические преобразования («перевешивание» интенсификатора, «совмещение» пропозиций, эллипсис).

7. Выделенные типы и механизмы обнаруживают устойчивые тенденции образования определенных типов аномальных сочетаний

интенсификаторов и опорных слов, которые являются важными характеристиками художественного языка Ф. М. Достоевского.

В ходе анализа было выявлено, что некоторые группы интенсификаторов и опорных слов наиболее «активно» вовлечены в этот процесс. Это (1) интенсификаторы класса *большой*, образованные от параметрических прилагательных со значением размера, без конкретизации параметра; (2) «общие» интенсификаторы-наречия (предельные, непредельные, компаративные), без конкретизации параметра действия или состояния, – в сочетании с глаголами самых разных семантических классов; (3) группа т. н. «агентивных» интенсификаторов) в сочетании с названиями эмоциональных отношений, эмоциональных и ментальных состояний, ментальных процессов, желаний; (4) интенсификаторы с семантическими признаками ‘эмоциональное возбуждение’ и ‘активность’ – в сочетании с предикатами интеллектуальной сферы, некоторыми предикатами внутренних состояний, предикатами эмоционального отношения; (5) интенсификаторы со значением отрицательной оценки переживаемого состояния – в сочетании с названиями положительно оцениваемых качеств и состояний, а также некоторые другие случаи аномальных сочетаний.

Эти группы интенсификаторов представляют собой достаточно представительный список типов интенсификаторов, активно проявляющих себя в формировании языка и идиостиля Достоевского.

Аномальные средства усиления, как правило, характеризуют разнообразные аспекты «образа человека» (Ю. Д. Апресян) – это предикаты внутренних состояний и процессов – эмоциональной, ментальной и физиологической сферы, названия речевых действий, названия физических действий. Также следует отметить названия лиц по национальной и профессиональной принадлежности, некоторые типы сложных номинаций.

8. Сравнительный анализ аномальных сочетаний в текстах «больших романах» Ф. М. Достоевского и в художественных текстах второй половины

XIX века и XX-XXI веков позволил показать, что слово, включенное в уникальную систему художественного текста, реализует индивидуально-авторский смысл, который является одновременно (1) отражением языковой личности автора текста, его концептуализации действительности и системы оценок, (2) отражением возможностей языковой системы, в том числе скрытых, потенциальных, не реализованных в узусных единицах «общего» языка (общезыковых употреблениях).

С одной стороны, аномальные сочетания (разной степени аномальности) в своей совокупности определяют особенность художественного языка писателя и художественного мира писателя, его идиостиль. Аномальные сочетания (в числе других языковых средств) формируют язык писателя как особую систему. С другой стороны, аномальная сочетаемость художественного текста демонстрирует зависимость от системных явлений и закономерностей общенационального языка. Появление аналогичных сочетаний у нескольких (многих) авторов указывает на общезыковые процессы расширения сочетаемости, которые, возможно, и следует признать периферийными.

Сравнительный анализ также позволил выявить некоторые устаревшие употребления интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского. Это сочетания, которые воспринимаются как аномальные современным читателем, но не были аномалией в эпоху Ф. М. Достоевского.

9. В аномальных сочетаниях интенсификаторов с опорными словами мы наблюдаем различные варианты изменения концептуализации (реконцептуализации) ситуации: упрощение сложной структуры ситуации до одного градуируемого признака либо усложнение за счет ее неосновных аспектов, аспектов смежных ситуаций, в т. ч. присвоение ситуации несвойственной ей агентивности, эмоциональной составляющей, неконтролируемости, и др.

10. Эффект появления аномальных интенсификаторов в тексте Ф. М. Достоевского был рассмотрен в двух аспектах:

(1) эстетический, стилистический эффект заключается в деавтоматизации восприятия текста, «остранении», повышении экспрессивности текста, создании «разговорности», «неопределенности» либо «лейтмотивности» художественной речи, поскольку аномальные сочетания интенсификаторов с опорными словами «работают» на концептрацию внимания на определенных аспектах ситуации (в т. ч. довольно далеких от основных).

В сочетаниях с аномальными интенсификаторами сходятся две фундаментальные и при этом противоположные черты поэтики Достоевского: неопределенность и предельность. Аномальные интенсификаторы являются также средством создания каламбуров и выражения иронии.

(2) когнитивный эффект заключается в том, что вследствие нарушения правил лексической сочетаемости и семантического рассогласования в интенсификаторах актуализируются необычные, индивидуально-авторские аспекты значения, следовательно, выражаются авторские смыслы, порождаемые языковой личностью писателя, особенной авторской концептуализацией действительности. Различные варианты реконцептуализации ситуации меняют представление о ее субъекте, в результате чего в текстах Ф. М. Достоевского создается особый «образ человека» (термин Ю. Д. Апресяна).

11. Перспективы проведенного исследования состоят в следующем. Представляется перспективной работа над словарём интенсификаторов у Ф. М. Достоевского, поскольку этот аспект лексической системы языка писателя пока еще не получил последовательного лексикографического отражения.

Для комплексного изучения средств интенсивности и их роли в формировании языковой личности Ф. М. Достоевского необходимо изучение средств интенсификации других языковых уровней (помимо лексического) в языке Ф. М. Достоевского. Необходимым при дальнейшем

изучении интенсификаторов представляется также анализ корпуса публицистики и писем.

Исследование природы аномальных единиц художественного текста может быть продолжено с различных точек зрения (структурной, эстетической, когнитивной и др.). Изучение аномальных средств выражения интенсивности необходимо для описания всего корпуса усилительных средств языка, включая и его системные явления.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Л.: Наука – Ленинградское отделение, 1972-1990.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Словари

1. АС – Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1, 2.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1998.
3. Кустова Г. И., Падучева Е. В. и др. Проект «Лексикограф» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lexicograph.ruslang.ru>.
4. НОСС 2004 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян и др.; под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – М. – Вена: Языки славянской культуры, 2004. – 1488 с.
5. МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под. ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
6. Словарь 2008 – Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени / Кустова Г. И. (сост.). – 2008 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/magn.php?act=search&magn_lex.
7. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / Под ред. Евгеньевой А. П. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971.

8. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. – Л.: Издательство АН СССР, 1963.
9. Денисов, Морковкин 1983 – Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей / Ии-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.
10. Словарь 1847 – Словарь церковнославянского и русского языков Императорской Академии наук. В 4-х тт. – СПб, 1847 [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847>.
11. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Главный редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. Вып. 1-3. – М.: Азбуковник, 2001-2003.
12. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. 1-3 / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008, 2010, 2012 –
13. ТКС 2016 – Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – 2-е изд., испр. – М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. – 544 с.
14. Ушаков – Толковый словарь русского языка. В. 4-х т. / Под. ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос изд-во иностранных и национальных словарей, 1935-1940.
15. Убин И. И. Словарь усилительных словосочетаний. Англо-русский. Русско-английский. – М.: Р. Валент, 2007. – 552 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996.

17. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. – 743 с.
18. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999.
19. Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850-1870 гг. Т. 1, 2. – М.: Языки славянской культуры, 2013-2016.
20. Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского / Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 832 с.
21. Яранцев Р. И. Русская фразеология: словарь-справочник: около 1500 фразеологизмов. – 6-е изд., стер. – М.: Дрофа, 2008. – 894 с.
22. Génin, François, *Lexique de la langue de Molière comparée à celle des écrivains de son temps*, Paris, 1846 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2043148>.

Литература по теме исследования

1. Азаренко Н. А. Конфептуализация *света* и *тьмы* в языковой картине мира Ф. М. Достоевского: дисс. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2007. – 248 с.
2. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 511 с.
3. Антоний (Храповицкий). Словарь к творениям Достоевского (не должно отчаиваться). – М.: РИФШкола «Слово», 1998. – 192 с.
4. Апресян 1974 / 1995 – Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 470 с. – 2-е изд.: Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. – М.: Языки русской культуры: Издательская фирма «Восточная литература», 1995. – 767 с.

5. Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М., 1988. – С. 57–78а.
6. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии и точки роста новых явлений // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар, г. Боржоми, 22-30 апреля 1988 г. Тезисы докладов и сообщений. – М.: ВИНТИ, 1988б. – С. 263-270.
7. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica. Филологические исследования памяти акад. Г. В. Степанова. – М., Л.: Наука, 1990. – С. 50-71.
8. Апресян 1995 т. II – Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. – М.: Языки русской культуры: Издательская фирма «Восточная литература», 1995. – 767 с.
9. Апресян Ю. Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. – 2004. – № 4. – С. 3-17.
10. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 33–160.
11. Апресян Ю.Д. Английский толково-комбинаторный словарь. I. Лексические функции // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – С. 20-58.
12. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
13. Апресян Ю. Д. К новой версии теории лексических функций // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. – СПб: Нестор-История, 2011. – С. 21-26.

14. Арутюнова 1988 – Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
15. Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Ин-т языкознания; отв. редактор Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1990. – С. 3-9.
16. Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 846-873.
17. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М.: «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.
18. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
19. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Учебное пособие. – Калининград: Калининградский университет, 1997. – 81 с.
20. Бадалова Е. Н. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Идиот», автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2017. – 19 с.
21. Балли 1961 – Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Издательство Иностранной литературы, 1961. – 394 с.
22. Баранов, Добровольский 2012 – Баранов А. Н., Добровольский Д. О. К основаниям классификации фразеологизмов // Человек о языке – язык о человеке. Сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Азбуковник, 2012. – С. 16-32.
23. Барышников П. Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла. Учебное пособие. М.: Ленанд, 2013. – 384 с.
24. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – 4-е изд. – М.: Сов. Россия, 1979. – 320 с.

- 25.Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев, 1994. – 361 с.
- 26.Беловольская Л. А. Категория недискретного количества и ее грамматический статус. – Таганрог, Таганрог. гос. пед. ун-т, 1999. – 177 с.
- 27.Бельская Е. В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья): дисс.... канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 270 с.
- 28.Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского // Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994а. – С. 7-150.
- 29.Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994б. – С. 151-176.
- 30.Березин Ф. М. История лингвистических учений. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – М.: «Высш. школа», 1975. – 319 с.
- 31.Беручашвили И. Г. Системные и речевые интенсификаторы в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1986а. – 21 с.
- 32.Беручашвили И. Г. Системные и речевые интенсификаторы в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1986б. – 212 с.
- 33.Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
- 34.Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А., Карпенко С. М., Орлова В. А., Сыпченко С. В., Тюрина Р. Я. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2001. – 331 с.

- 35.Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 260 с.
- 36.Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. – С. 7-85.
- 37.Варзин А. В. Свобода как языковой и духовный опыт: номинация и концептуализация Ф. М. Достоевского: дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2003. – 212 с.
- 38.Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие. – 2-е изд., доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 192 с.
- 39.Виноградов В. В. История русского литературного языка. Избранные труды. Кн. 4. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
- 40.Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977. – С. 140-161.
- 41.Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 239 с.
- 42.Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
- 43.Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 254 с.
44. Вольф Е. М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 104-133.
45. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – 2-е изд., доп. – М.: УРСС, 2002. – 280 с.
- 46.Воротников Ю. Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 303 с.

47. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. – СПб.: Издание А. Ф. Федорова, 1874. – 216 с.
48. Вышеславцев Б. П. Русская стихия у Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. – СПб.: Андреев и сыновья, 1994. – С. 61-86.
49. Гажева И. Языковые механизмы остранения в прозе Андрея Белого // Język. – Człowiek : Dyskurs. Szczecin, Uniwersytet Szczeciński, 2007. – С. 399-405.
50. Гальперин И. Р. К проблеме необычных сочетаний слов // Проблемы общего и германского языкознания. – М.: Изд-во Моск. унт-та, 1978. – 184 с.
51. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – 4-е изд., стер. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
52. Герцен А. И. Pater V. Petchetine // Полярная звезда. – № 6. – 1861. – С. 215-219.
53. Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. Словосочетание. Предложение. / Виноградов В. В., Истрина Е. С. (ред.). – М.: Издательство АН СССР, 1960. – 704 с.
54. Григорьев В. П. Поэт и слово. Опыт словаря. – М.: Наука, 1973. – 455 с.
55. Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 21 с.
56. Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников; ЧелГУ. – Челябинск: Металл, 1997. – 272 с.
57. Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ф. М. Достоевский. – М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2002. – 176 с.
58. Есперсен О. Философия грамматики. – 2-е изд., стер. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисловие Б. А. Ильиша. – М.: УРСС, 2002. – 408 с.

59. Жаббаева Ю. И. Структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов В. Высоцкого: дисс. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2010. – 24 с.
60. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О возможном методе и инструментах семантического синтеза // Научно-техническая информация. – №6. – 1965. – С. 23-28.
61. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. – Вып. 19. – 1967. – С. 177-238.
62. Жуков В. П. Русская фразеология: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 310 с.
63. Zaliznjak Anna A. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Slavistische Beitrage, Band 298. – Muenchen, Verlag Otto Zagner, 1992. – 201 с.
64. Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН. – М.: Наука, 1992. – С. 138-145.
65. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 307-335.
66. Звегинцев В. А. Семасиология. – М.: Издательство Московского университета, 1957. – 320 с.
67. Земская Е. А. Речевые приемы комического в современной литературе // Исследования по языку советских писателей / Отв. ред. С. Г. Бархударов, В. Д. Левин. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 215-278.
68. Иванчикова Е. А. Индивидуальный синтаксис Достоевского // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Рос. академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 272-314.

- 69.Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского / Отв. ред. Г. А. Золотова. – 2-е изд., доп. – М.: URSS, 2009. – 285 с.
- 70.Игум. Вениамин 2007 – Игум. Вениамин (Новик) Христианские персонализм и дионисизм Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] //– Октябрь. – 9. – 2007. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2007/9/ve11.html>.
- 71.Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний / Под. ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1964. – 304 с.
- 72.Илюшин А. А. Глаголы жеста у Ф. М. Достоевского // Русская речь. – № 6. – 1969. – С. 20-25.
73. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 477с.
- 74.Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
- 75.Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 4-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 264 с.
- 76.Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Главный редактор Ю. Н. Караулов. – М.: «Азбуковник», 2001. – С. IX-LXIV.
- 77.Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX-XX вв. Антология / Гинзбург Е. Л., Караулов Ю. Н., Шестакова Л. Л. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 4-16.
78. Караулов Ю.Н. Образ мира и словарь языка писателя // Слово Достоевского. Идиостиль и картина мира. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей редакцией Е. А. Осокиной. – М.: Азбуковник, 2014. – С. 12-129.

79. Кирпотин В. Я. Достоевский-художник. – М.: Советский писатель, 1972. – 320 с.
80. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. – 2-е изд. – М.: Советский писатель, 1974. – 448 с.
81. Климова С.М. Страдание у Достоевского: сознание и жизнь // Вестник РГГУ. Сер. Философия. – 2008. – №7. – С. 186-197.
82. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 352 с.
83. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990. – С. 124-139.
84. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» – М.: Просвещение, 1978. – 384 с.
85. Ковалевская Е. Г. Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе // Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. – С. 3-11.
86. Ковач А. Поэтика Достоевского / А. Ковач; пер. с румынского Е. Логиновской. – М.: Водолей Publishers, 2008а. – 352 с.
87. Ковач А. «Форма без формы» и «отсутствие стиля» у Достоевского // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. / Под общ. ред. И. Л. Волгина. – М.: Фонд Достоевского, 2008б. – с. 151-153.
88. Ковельман А. Б. Ницшеанские парадигмы в гуманитарных исследованиях: Деррида, Аверинцев и другие // Вопросы философии. 2017. № 2. – С. 18-30.
89. Кожевникова Н. А. О некоторых способах возникновения необычных сочетаний в художественной речи // Вопросы лексикологии,

- стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания: Межвузовский тематический сборник. – Калинин, 1977. – С. 85-105.
90. Кожевникова Н. А. О принципах составления словаря писателя // Русский язык сегодня: Сборник статей. – М.: Азбуковник, 2004. – Вып. 3: Проблемы русской лексикографии. – С. 104-112.
91. Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте // Вестник ИГЛУ – 2012 – № 2(18). – С. 121-128.
92. Колесникова С. М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2010. – 279 с.
93. Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. – М.: МАКС Пресс, 2001. – 372 с.
94. Краткий словарь когнитивных терминов / Под. общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
95. Кубрякова Е. С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово): материалы научной конференции «Категоризация мира: пространство и время». – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 3-14.
96. Купина Н. А. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Просвещение, 1980. – 78 с.
97. Купина Н. А. Структурно-смысловой анализ художественного произведения. – Свердловск: Изд-во Уральского государственного университета, 1981. – 94 с.
98. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
99. Кустова Г. И. Прилагательные в составе номинаций лица / Г. И. Кустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2010». – М., 2010. – С. 265-271.

100. Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'-ы-прилагательные) // Слово и язык. Сб. статей в честь 80-летия акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 256-268.
101. Кустова Г. И. Интенсификаторы абстрактных существительных // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 8-21.
102. Кустова Г. И. Русские прилагательные: семантика, конструкции, текст. Словарь валентностей и конструкций прилагательных. – М., СПб.: Нестор-История, 2017а. – 626 с.
103. Кустова Г. И. Типы конструкций с адverbialsми // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2017». – Вып. 16 (23). – Том 2. – М.: Изд-во РГГУ, 2017б. – С. 220-232.
104. Кустова 2018 – Кустова Г. И. Прилагательное // Материалы к корпусной грамматике русского языка. – Вып. III. – М., 2018 [в печати].
105. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. – Л.: Художественная литература, 1974. – 288 с.
106. Левин Ю. И. От синтаксиса к смыслу и дальше (о «Котловане» А. Платонова) // Вопросы языкознания. – 1991. – №1. – С. 170–173.
107. Левонтина И. Б. «Достоевский надрыв» // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – с. 247-258.
108. Леденева В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // НДВШ Филол. науки. – 2001. – № 5. – С. 36-41.
109. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

110. Линков В. Я. История русской литературы (вторая половина XIX века): Учебное пособие / В. Я. Линков. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 304 с.
111. Литвинова М. М. Способы выражения интенсивности признака: на материале ранних сатирических произведений Михаила Булгакова : дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2002. – 220 с.
112. Лихачев Д. С. «Небрежение словом» у Достоевского // Лихачев Д. С. Литература – реальность – литература. – Л.: Советский писатель: Ленинградское отделение, 1984. – С 60-79.
113. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось - 89, 2005. – 560 с.
114. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1996. – 45 с.
115. Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке: Уч. пособие. Свердловск: УрГУ, 1986 – 92 с.
116. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, Синтаксис. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 345 с.
117. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 76 с.
118. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39-45.
119. Миронова Ю. В. Отражение русской ментальности в концептах художественного текста: на материале цикла рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника»: дис. ...канд. филол. наук. – Липецк, 2003. – 190 с.
120. Михайлова Т. В. Особенности восполнения эллиптических конструкций: автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. – Тверь, 1997. – 18 с.

121. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – 3-е изд. – Ростов н/Дону: Феникс, 2007. – 376 с.
122. Мурдускина О. В. Языковые аномалии как средство самоорганизации англоязычного дискурса: на материале художественных и публицистических текстов: дисс. кандидата филологических наук. – Самара, 2011. – 182 с.
123. Неверова В. С. Категория интенсивности качественной характеристики в современном французском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 1997. – 20 с.
124. Николина Н. А. «Словообразовательная игра» в художественном тексте // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие. Г. О. Винокур и современность. – М.: Научный мир, 1999. – С. 337-346.
125. Николина Н. А. Типы и функции новообразований в прозе Ф. М. Достоевского // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга – М.: Азбуковник, 2001. – С. 199-218.
126. Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 254 с.
127. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
128. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. – 2-е изд., испр. – М.: УРСС, 2003. – 304 с.
129. Павлов В. М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 65–70.
130. Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары. // Логический анализ языка. Ментальные

- действия. Сб. статей / Арутюнова Н.Д., Рябцева Н.К. (ред.). – М.: Наука, 1993. – 111-120.
131. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
132. Падучева Е. В. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Падучева Е. В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009а. – С. 523-533.
133. Падучева Е. В. О параметрах лексического значения глагола: таксономическая категория и тематический класс // Падучева Е. В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009б. – С. 361-373.
134. Падучева Е. В. Русский литературный язык до и после Пушкина // Падучева Е. В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009в. – С. 548-557.
135. Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла. // Падучева Е. В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009г. – С. 479-510.
136. Падучева Е. В. Лексическая семантика глаголов типа *увеличиваться* // Проблемы лексической семантики. – М., 2010. – С. 120–127.
137. Падучева Е. В. Нестандартные отрицания в русском языке: внешнее, смещенное, глобальное, радикальное // Вопросы языкознания. – 2014. – № 5. – С. 3-23.
138. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
139. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., Наука – Языки русской культуры, 1999. – 275 с.

140. Пищальникова В. А. Концептуальный анализ художественного текста. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1991. – 176 с.
141. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
142. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография. – М.: Флинта, 2012. – 321 с.
143. Ревзина О. Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста / Отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1990. С. 27-46.
144. Ревенко И. В. Языковая категория интенсивности и ее экспликация в идиостиле В. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 22 с.
145. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 150-168.
146. Ружицкий И. В. Идиоглоссарий. Тезаурус. Эйдос // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общей редакцией Е. А. Осокиной. – М.: ЛЕКСРУС, 2014. – С. 132-216.
147. Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: Лексикографическое представление: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – Екатеринбург, 2015. – 57 с.
148. Ружицкий И. В. О некоторых спорных моментах концепции «Словаря языка Достоевского». Доклад на семинаре «Теория и практика авторской лексикографии» (ИРЯ РАН) [Электронный ресурс].

- 2016а. – 6 с. – Режим доступа: http://www.ruslang.ru/images/seminar_aut_lexicogr/ruzh01.pdf.
149. Ружицкий И. В. Языковая личность Федьки Каторжника как тип // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования. Сборник научных статей по материалам международной конференции памяти Н. А. Кожевниковой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016б. – С. 169-175.
 150. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Н. Ю. Шведова (ред.). – М.: Наука, 1980. – 712 с.
 151. Савостина Д. А. Интенсив имен существительных как средство выразительности (на материале русской поэзии первой половины XX в.) // Русский язык в школе. – 2013. – № 5. – С. 62-67.
 152. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. – 1995. – №3. – С. 56-69.
 153. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982. – С. 86-157.
 154. Сергеева Е. Н. Степени интенсивности качества и их выражение в английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 340 с.
 155. Синеокая Ю. В. Вихревая антропология Николая Бердяева // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 100-109.
 156. Словарь ЛТ 1974 – Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
 157. Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общей редакцией Е. А. Осокиной. – М.: ЛЕКСРУСК, 2014. – 528 с.

158. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981. – 360 с.
159. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
160. Стрельцова И. Д. Семантическое поведение слов в поэтическом тексте (на примере анализа стихотворения А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом») // НДВШ Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 114-122.
161. Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43-78.
162. Тарасова И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник Самарского ун-та. Языкознание. – 2004. – № 1. – С. 162-169.
163. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
164. ТФГ 1996 – Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – 263 с.
165. Токина А. Некоторые языковые особенности изображения внутреннего состояния персонажа в романах Ф. М. Достоевского // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. / Под общ. ред. И. Л. Волгина. – М.: Фонд Достоевского, 2008. – 614 с.
166. Труб В. М. Лексика целесообразной деятельности (опыт описания) // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 58-66.
167. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. – М.: Высшая школа, 1990. – 113 с.

168. Убин И. И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1974а. – 33 с.
169. Убин И. И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1974б. – 221 с.
170. Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. – 182 с.
171. Уфимцева А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 30-63.
172. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369-495.
173. Харина О. В. Правда, истина в романах Ф.М. Достоевского: дисс. ... кандидата филологических наук. – М., 2007. – 279 с.
174. Цой Т. А. Способы выражения интенсивности действия в современном русском языке / Т.А. Цой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1989. – 22 с.
175. Цыб Е. А. Слово *грязь* в произведениях Достоевского (К проблеме иерархии значений в словаре языка писателя) // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга – М.: Азбуковник, 2001. – С. 445-464.
176. Червенкова И. В. О показателях меры признака (на материале современного русского литературного языка) // Годишник на Софийския Университет. – Том LXVIII, 1, 1974. – София, 1975. – С. 7-110.

177. Чернейко Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста: Докл. VII Междунар. конф. – М.: СпортАкадемПресс, 1999. – С. 438-460.
178. Черняк А. З. Семантика события и дискурс // Вопросы философии. – 2017. – № 2. – С. 83-93.
179. Чичерин А. В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова. – 2-е изд., доп. – М.: Советский писатель, 1968. – 374 с.
180. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие / Предисл. Т. А. Бобровой. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с.
181. Шевченко Н. М. Языковая личность М. И. Цветаевой как объект лексикографии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2015. – 39 с.
182. Шейгал Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 26 с.
183. Шенделева Е. А. Полевая организация образной лексики и фразеологии // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – С. 74-79.
184. Шепелева С. Н. Лексема «душа» в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности словоупотребления // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга – М.: Азбуковник, 2001. – С. 488-539.
185. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография. Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.
186. Шестакова Л. Л. Художественная модель мира в словаре поэтического языка: к интерпретации фрагментов (по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века») // Русский язык сегодня:

- Сборник статей. – М.: Азбуковник, 2004. – Вып. 3: Проблемы русской лексикографии. – С. 330-338.
187. Шестов Л. И. Достоевский и Ницше. Апофеоз беспочвенности / Лев Шестов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 384 с.
 188. Шестов 1922 – Шестов Л. И. Преодоление самоочевидностей: к столетию рождения Ф. М. Достоевского // Современные записки. – 1922. – Кн. IX. – С. 190-215.
 189. Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. О теории прозы. – М.: Круг, 1925. – С. 7-20.
 190. Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 25-36.
 191. Шмелев А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 452-464.
 192. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 334 с.
 193. Шунейко А. А. Языковая личность Ф. М. Достоевского в отражении языковой критики // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга – М.: Азбуковник, 2001. – С. 384-400.
 194. Щенников Г. К. Многообразие в единстве: о языке героев Достоевского // Русская речь. – 1971. – № 6. – С. 13-16.
 195. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
 196. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1969. – 554 с.

197. Юшкова Н. А. Концепт ревность в художественной прозе Ф. М. Достоевского: Лингвокультурологический анализ: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 235 с.
198. Язык и общество. Роль экстралингвистических факторов в развитии лексических подсистем. Межвуз. науч. сб. Вып. 3. –Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 136 с.
199. Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. Докл. Науч. Конф. Волгоград, 5-7 февр. 1997 г. / ВГПУ. – Волгоград: Изд-во Волгоград. Пед. Ун-та «Перемена», 1997 – 144с.
200. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 470.
201. Barthes, Roland, *Critique et vérité*. Paris, Editions du Seuil, 1966. – 79 p.
202. Eltchaninoff M. *Dostoïevsky. Roman et philosophie*. Paris, Presses Universitaires de France, 1998. – 136 p.
203. Gauchola, Roser, *La quantification dans les adverbes en –ment: un cas particulier de scalarité*. Langue française: Scalarité. – № 165 (1) – 2010. – pp. 69-81.
204. Hadermann, Pascale; Pierrand, Michel; Raemdonck, Dan, *La scalarité dans tous ses aspects*. Langue française: Scalarité. – № 165 (1) – 2010. – pp. 3-15.
205. Lehmann, Alise; Martin-Berthet, Françoise, *Introduction à la lexicologie : Sémantique et morphologie*. Armand Colin, 3e édition, 2008. – 200 p.
206. Mel'čuk 1997 – Mel'čuk, Igor, Vers une linguistique Sens-Texte. Leçon inaugurale (given on Friday January 10th 1997), Collège de France, Chaire internationale, 43 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/melcukColldeFr.pdf>.

207. Polguère, Alain, *La théorie Sens-Texte*, Dialangue. – Volumes 8-9, avril. – 1998. – pp. 9-30.
208. Rastier, François, *Sémantique interprétative*, 3ème édition. Paris, PUF, 2009. – 304 p.
209. Rastier, François, *Sens et textualité*. Paris, Hachette, 1989. – 287 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Аномальные сочетания интенсификаторов с опорными словами в «больших романах» Ф. М. Достоевского (в сравнении с корпусом художественных текстов второй половины XIX в. и с корпусом художественных текстов XX-XXI вв.)

В словаре представлены словосочетания «интенсификатор+опорное слово», выявленные в «больших романах» Ф. М. Достоевского. Для каждого словосочетания приведено количество вхождений в корпусе «больших романов»: «Преступление и наказание (1866), «Идиот» (1869), «Бесы» (1871-1872) «Подросток» (1875), Братья Карамазовы» (1880) (5 документов – 1 070 717 слов; **Дост**). По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) приведено количество вхождений словосочетания в корпусе художественных текстов второй половины XIX века (1 295 документов – 24 097 429 слов; **XIX**) и в корпусе художественных текстов XX-XXI веков (1901-2017 гг.; 6 247 документов – 91 651 083 слова; **XX-XXI**). Пробел означает, что сочетание не встретилось нам в данном корпусе текстов (0 вхождений).

Интенсификатор	Словосочетание «интенсификатор+ опорное слово»		Дост	XIX	XX- XXI
Б					
без возражений	без возражений	потянуть	1		
безвозвратно	безвозвратно	уверенный	1		
безвыходный	безвыходное	горе	3	4	2
	безвыходное	отчаяние	1	3	4
	безвыходная	тоска	2		3
	безвыходная	тревога	1		1
	безвыходное	уединение	1	1	
безнадежно	безнадежно	почувствовать	1		
безобразно	безобразно	тупой угол	1		
безудержный	безудержная	потребность	1		1
бесповоротно	бесповоротно	отдаться страсти	1	1	1
беспрекословно	беспрекословно	верить	1		2
беспрерывный	беспрерывная	жертва	1		
	беспрерывная	система	1		2

беспорно	беспорно	согласиться	1		
бессчетно	бессчетно	целовать	2		2
бесчисленно	бесчисленно	выгодно	1		
	бесчисленно	сложный (<i>сложнее</i>)	1		
бесчисленный	бесчисленный	долг	1		
	бесчисленное	страдание	1		
близко	близко	созерцать	1		
болезненно	болезненно	привыкнуть	1		
болезненный	болезненная	любовь	1	3	5
больно	больно	наверстать	1		
	больно	почувствовать	1	4	7
	больно	укорить	1		
	больно	чувствовать	1	3	7
большой	большая	болезнь	1	2	
	большой	взыск	1	1	
	большой	вид	1		
	большая	деятельность	1	3	3
	большие	жесты	2		
	большой	изменник	1		
	большие	интимности	1		
	большой	крик	1		4
	большого	маху дать	1		
	большая	наклонность			4
	большую	натуга	1	1	7
	большая	опьянелость	1		
	большое	ощущение	1	1	1
	большие	причины	1	1	1
	большой	проповедник	1		
	большая	проседь	1		1
	большие	пустяки	1		
	большая	рассеянность	1		
	большое	самопожертвование	1		
	большой	стотысячник	1		
	большой	укор	1	1	1
	большая	ходьба	1		5
в бессчетно раз	в бессчетно раз	богат			
		паче прежнего	1		

В

в высшей степени	в высшей степени	бараньи глаза	1		
	в высшей степени	знать	1		

	в высшей степени	изучить	1		
	в высшей степени	недостойн	1		
	в высшей степени	неосуществимый	1		
	в высшей степени	понимать	1	1	1
	в высшей степени	понять	2		
	в высшей степени	поощрить	1		
	в высшей степени	проговориться	1		
	в высшей степени	промахнуться	1		
	в высшей степени	средневековый	1		
	в высшей степени	убедить	1		
веско	веско	биться	1		1
весьма	весьма	подготовить	1		1
	весьма	выслушивать	1		
	весьма	объясняемый	1		
	весьма	случаться	1		
	весьма	увеселительное заведение	1		
	весьма	чиновный	1	2	
взасос	взасос	мечтать	1		1
внимательно	внимательно	уставиться	1	1	12
во всю ночь	во всю ночь	кошмар	1		
вовсе и совершенно	вовсе и совершенно	бросить (своего ребенка)	1		
воочию	воочию	ясный (мысли)	1		
вполне	вполне	заметить	1		
	вполне	Карамазов	1		
	вполне	русский	1	7	13
	вполне	убитый	1		
	вполне	убить	1		
все сильнее и сильнее	все сильнее и сильнее	усиливаться	1		
всею силою ощущения	всею силою ощущения	ощущать	1		
высоко	высоко	уважать	3	3	5
Г					
глубокий	глубокий	позор	1		
	глубокая	причина	1	3	
	глубокий	самоощущение	1		
	глубокая	совесть	2		

глубоко	глубоко	необразованный	1	1	
	глубоко	перекреститься	1		
	глубоко	подыматься	1		
	глубоко	прихрамывать	1		
	глубоко	пьяный	1		4
	глубоко	созерцать	2		
гораздо	гораздо	поумнее(-ей)	2		
горько	горше	несчастный	1		
	горше	осудить	1		
	горько	отмстить	1		
горячий	горячая	восприимчивость	1		
	горячий	вызов	1		
	горячая	жалоба	2	1	
	горячая	скороговорка	1		3
	горячее	содрогание (сердца)	1		
	горячая	торопливость	1		
	горячие	утешения	1		
горячо	горячо	думать	1		3
	горячо	заплакать	1		
	горячо	охватить	1	1	2
	горячо	подтвердить	1	2	11
	горячо	поссориться	1		
	горячо	прижиматься	1		1
	горячо	прислушиваться	1		
	горячо	решить	1		
	горячо	следить	1		
громадный	громадный	вывод	1		1
	громадное	лицо	1		
	громадная	мысль	1		1
	громадное	семя	1		
грубо	грубо	мнительный	1		
	грубо	необразованный	1		
	грубо	ошибочный	1		
грубый	грубый	вздор	1		1
	грубый	грубиян	1		
	грубое	негодование	1		
грузно	грузно	храпеть	1		
грязно	грязно	необразованный	2		
густо	густо	зашевелиться	1		
	густо	отделить (занавесью)	1		

	густо	сомкнуться (толпа)	1	1
	густо	стоять	1	35
	густо	шуметь	1	2
густой	густой	колокол	1	3
	густой	след (крови)	1	5

Д

до болезни	до болезни	желать	1	
	до болезни	целомудренный	1	
до боли	до боли	дорого	1	
до давки	до давки	покупаться	1	
до жгучей степени	до жгучей степени	потрясти	1	
до муки	до муки	заботливый	1	
до мучения	до мучения	полюбить	1	
до неприличия	до неприличия	летний костюм	1	
	до неприличия	русский костюм	1	
до ощущения большого удовольствия	до ощущения большого удовольствия	обижаться	1	
до приятности	до приятности	обижаться	2	
до раздражительной степени	до раздражительной степени	потрясти	1	
до страсти	до страсти	уважать	1	
до страха и трепета	до страха и трепета	беспокоить	1	
до ярости	до ярости	взбешенный	1	
дотла	дотла	изложить	1	

Е

едва выносимый	едва выносимая	радость	1	
-----------------------	----------------	---------	---	--

Ж

жарко	жарко	спорить	1	3	12
жгучий	жгучее	умиление	1		

жесткий	жесткая	усмешка	1	10
З				
задыхающийся	задыхающаяся	просьба	1	
закоренелый	закоренелая	болезнь	1	
	закоренелая	глупость	1	1
	закоренелая	неделовитость	1	
	закоренелая	нечистота	1	
	закоренелый	старик	1	1
заметно	заметно	горячо	1	
злой	злая	злючка	1	
значительно	значительно	груб	1	
	значительно	много	1	
	значительно	объявить	1	
	значительно	поссориться	1	
	значительно	успокоить	1	6
	значительно	успокоиться	1	7
значительный	значительный	аргумент	1	
	значительная	богачка	1	
	значительный	голос	1	1
	значительное	желание	1	
	значительное	образование	1	1
	значительный	помещик	1	3
	значительный	скандал	1	
	значительные	способности	1	1
	значительная	тяжба	1	
И				
из всех сил	из всех сил	отмахнуться	1	1
	из всех сил	слушать	3	
изо всей силы	изо всей силы	бояться	1	
	изо всей силы	решиться	1	
	изо всей силы	хотеть (знать)	1	11
изо всех сил	изо всех сил	воображать	1	
	изо всех сил	воскликать	1	
	изо всех сил	выбиваться	1	3
	изо всех сил	выражать собой	1	
	изо всех сил	глядеть		
		вопросительно	1	1
	изо всех сил	делать знаки	1	
	изо всех сил	думать	1	2
	изо всех сил	ждать	3	1
	изо всех сил	желать	3	

	изо всех сил	закивать	1	1	1
	изо всех сил	изучать	1		
	изо всех сил	лепетать	1		
	изо всех сил	любопытствовать	1		
	изо всех сил	мечтать	1		
	изо всех сил	надо	1		
	изо всех сил	настаивать	3		
	изо всех сил	ненавидеть	1		1
	изо всех сил	опереться	1		
	изо всех сил	отбивать (невесту)	1		
	изо всех сил	перепугаться	1		
	изо всех сил	поддакивать	1		
	изо всех сил	подтверждать			1
	изо всех сил	подымать	1		
	изо всех сил	подыматься	1		
	изо всех сил	пожелать	1		
	изо всех сил	попросить	1		
	изо всех сил	протезировать	1		
	изо всех сил	протестовать	1		1
	изо всех сил	решиться	1		
	изо всех сил	ругать	1		
	изо всех сил	слушать	3		5
	изо всех сил	смеяться	1		1
	изо всех сил	спешить	1	1	13
	изо всех сил	суетиться	1	3	3
	изо всех сил	уверять	2		1
изо всех сильнейший	изо всех сильнейшая	сила	1		
исступленно	исступленно	мечтать	1		
исступленный	исступленный	ипохондрик	1		
	исступленная	стыдливость	1		
	исступленная	целомудренность	1		
исшаркавшийся	исшаркавшийся	развратник	1		
К					
колоссально	колоссально	выразиться	1		
колоссальный	колоссальное	доказательство	1		
	колоссальное	известие	1		
	колоссальное	испытание	1		
	колоссальное	лицо	1		
	колоссальное	обвинение	1		
	колоссальное	приключение	1		
	колоссальная	улика	1		
	колоссальное	уличение	1		
крепкий	крепкий	акцент	1		

	крепкая	мысль	1	1	4
	крепкая	надежда	1	2	3
	крепкий	секрет	1		
	крепкая	улика	1		1
крепко	крепко	желать	1		1
	крепко	заносить	1		
	крепко	набелить (набелена)	1		
	крепко	нарумянить (нарумянена)	1		
	крепко	нахмуриться	1	1	
	крепко	подозревать	2		
	крепко	поморщиться	1	3	
	покрепче	постучаться	2		1
	крепко	потеснить	1		1
	крепко	рассчитывать	1		
	крепко	спорить	1		2

Л

любопытно	любопытно	прислушиваться	2	1	
	любопытно	слушать	2	2	1

М

математически	математически	доказывать	2	1	1
	математически	убежден	1		
	математически	ясно	2	1	1
математический	«математическая»	важность	1		1
	математическое	право	1		
многократно	многократно	известный	1		
многочисленный	многочисленный	смешок	1		
мучительно	мучительно	надо	1		1
	мучительно	обидеться	1		2
мучительно	мучительно	мучить	1		

Н

на всю распашку	на всю распашку	раскрыться	1		
наверно	наверно	помнить	6	1	
наиболее	наиболее	европеец	1		
	наиболее	русский	2		
наизусть	наизусть	угадать	1		

накрепко	накрепко	велеть	1	
наотрез	наотрез	пожелать	1	
	наотрез	проговорить	1	
настойчивый	настойчивое	достоинство	1	
настоятельно	настоятельно	ждать	1	
невозвратно	невозвратно	пьяный	1	
негодующий	негодующая	жалоба	1	
неимоверно	неимоверно	испугаться	1	
неимоверный	неимоверное	преступление	1	
неистово	неистово	настаивать	1	
	неистово	повторять	1	2
неистовый	неистовое	наслаждение	1	1
	неистовое	ощущение	1	
неисчислимо	неисчислимо	виновный	1	
немалый	немалая	царица	1	
немедленный	немедленное	ожидание	2	
ненасытимый	ненасытимая	злоба	1	
необъятно	необъятно	самолюбивый	1	
необъятный	необъятное	влияние	1	
	необъятное	высокомерие	1	
	необъятная	гордость	1	
	необъятные	машинисты	1	
	необъятное	наслаждение	1	
	необъятное	ощущение	1	2
	необъятное	самолюбие	1	
	необъятные	суммы	1	
неодолимый	неодолимое	влияние	1	
неопределимый	непреодолимая	забота	1	
неотвязчиво	неотвязчиво	мучить	1	1
неотразимо	неотразимо	выставиться	1	
	неотразимо	захотеться	1	
	неотразимо	логический (мысль)	1	

	неотразимо	созреть	1		
	неотразимо	уверить	1		
неотразимый	неотразимое	желание	4	1	
	неотразимая	истина	1		1
	неотразимое	ощущение	1		
	неотразимый	порыв	1		
	неотразимая	правда	1	1	
	неотразимый	факт	5	5	
непобедимый	непобедимое	соображение	1		
неподвижный	неподвижная	самоуверенность	1		
непозволительно	непозволительно	седой (<i>сед</i>)	1		
непомерный	непомерная	красота	1		1
	непомерное	наслаждение	1		
непременный	непременная	привычка	1		2
неразрешимый	неразрешимая	глубина (мыслей)	1		
нерушимо	нерушимо	веровать	2		
неслыханно	неслыханно	целомудренный	1		
несметный	несметный	богач	1	4	
несравненно	несравненно	ближайший (точка зрения)	1		
нестерпимо	нестерпимо	приятно	1		1
нестерпимый	нестерпимая	любовь	1	1	1
	нестерпимое	наслаждение	1		1
	нестерпимая	насмешка	1		
неудержимо	неудержимо	возлюбить	1		
	неудержимо	вскричать	1		
	неудержимо	настаивать	1		
	неудержимо	откровенный	1		
	неудержимо	охватить	2		3
	неудержимо	ощущать	1		
	неудержимо	промелькнуть	1		
	неудержимо	спешить	2		
неудержимый	неудержимое	намерение	1		
	неудержимое	отвращение	1		
	неудержимое	презрение	1		
неумолимый	неумолимая	ненависть	1		1

	неумолимая	потребность	1		
неустанно	неустанно	веровать	1		
	неустанно	вспоминать	1		
	неустанно	любить	1		
	неустанно	познавать	1		
	неустанно	помнить	1		1
неустанный	неустанный	долг	1		
	неустанная	песня	1	1	
	неустанное	подтверждение	1		
О					
огромность	огромность	занятий	1		
	огромность	понятий	1		
огромный	огромное	изучение	1		
	огромное	ощущение	1		
	огромное	понятие	1		
	огромная	публика	1		
	огромное	решение	4		
	огромные	слова	1		6
	огромные	условия	1		
окончательный	окончательный	момент (полной решимости)	1		
омерзительный	омерзительное	презрение	1	1	
особенно	особенно	видеть	2		
	особенно	заметить	4	2	4
	особенно	логический	1		
	особенно	нахмурить брови	1		
	особенно	попадаться	1		1
	особенно	попросить	1		
	особенно	припоминать	2		
	особенно	припомниться	1		
	особенно	священный	1		
	особенно	смеяться	1	3	1
	особенно	утверждать	1		
острый	острый	ветер	4	1	19
отлично	отлично	хорошо знать	1		
	отлично	хорошо понимать	2		
отчаянно	отчаянно	покраснеть	1		1
	отчаянно	убеждать	1		
отчаянный	отчаянная	самоуверенность	1		
	отчаянное	сомнение	1		

оченно	оченно	видеть	1	3	2
				(очень)	(очень)
очень	очень	бить	1	5	4
	очень	болтать	1		
	очень	быть	1	2	3
	очень	вертеться	1		4
	очень	всматриваться	1		2
	очень	вспоминать	1		1
	очень	выдавать себя	1		1
	очень	голубой (глаза)	1	1	7
	очень	грубить	1	1	1
	очень	двигаться	1		2
	очень	домашний	1		8
	очень	забегать вперед	1		1
	очень	задуматься	3		7
	очень	заметить	5	1	6
	очень	запомнить	2		10
	очень	звать	1	4	8
	очень	касающийся (обстоятельство)	1	1	2
	очень	меньше (любить)	1		
	очень	молчать	2		1
	очень	монтировать	1		
	очень	не разлюбить	1		
	очень	не расспрашивать	1		
	очень	необыкновенный	1	4	5
	очень	отметить	1		3
	очень	понять	2	1	5
	очень	пора	1	5	3
	очень	поранить	1		
	очень	посещать	1		
	очень	поссориться	1		
	очень	поцеловаться	1		
	очень	правый (<i>прав</i>)	1	1	5
	очень	праздновать	1		
	очень	преувеличенно хвалить	1		
	очень	прислушаться	1		
	очень	рассмотреть	1		1
	очень	сгримасничать	1		
	очень	слушать	7	1	3
	очень	спорить	1	1	2
	очень	увидеться	1		
	очень	чахоточный	1		
	очень	чувствовать	1	10	9
	очень	шутить	1		

П

побеждающий	побеждающая	откровенность	1		
подавляющий	подавляющее	однообразие	1		
пожалуйста	пожалуйста	попросить	1		
полный	полное	рабство	1	2	3
	полное	самоубийство	1		
	самая полная	французская республика	1		
положительно	положительно	отказаться	3	7	
	положительно	отказываться	1	7	2
последний	последняя	откровенность	1		
правдинский	правдинская	правда	1		
пристально	пристально	впитаться глазами	1	4	3
	пристально	вслушиваться	1	3	2
	пристально	ждать	1		1
	пристально	ловить	1		
	пристально	слушать	1	5	8
	пристально	уставиться	2	3	27
прочный	прочное	воспоминание	1	2	
прямой	прямое	горе	1		

Р

радикально	радикально	договориться	1		
	радикально	ослабеть	1		
радикальный	радикальное	объяснение	1		1
	радикальное	удовлетворение	1		
размашисто	размашисто	похвалиться	1		
растерявшийся	растерявшаяся	суета	1		
резкий	резкое	влияние	1	2	1
	резкие	данные	1		
	резкая	решимость	1		
резко	резче	отпечататься в памяти	1		1
	резче	пропагандировать	1		
	резко	птичий	1		
	резко	свидетельствовать	1		

решительный	решительный	коммунизм	1		
роскошно	роскошно	снабдить (средствами)	1		
С					
с жаром	с жаром	ждать	1		
	с жаром	намереваться	1		
с засосом	с засосом	мечтать	1		
	с засосом	повторять	1		
с силою	с силою	поднять (на руки)	1		
серьезно	серьезно	испуганный	2		
сильно	сильно	всматриваться	1		
	сильно	думать	2		1
	сильно	заинтересоваться	1	3	4
	сильно	заметить	1		1
	сильно	скопляться	1		
сильный	сильные	возвраты	1		
	сильные	минуты (ощущения радости)	1		
	сильное	показание	1		
	сильная	причина	1	4	
слишком	слишком	без удержу (предаваться слабостям)	1		
	слишком	видеть	3		3
	слишком	видимо (изменился)	1		
	слишком	воображать	1		1
	слишком	говорить (<i>говорено</i>)	1		1
	слишком	голубой (глаза)	1		1
	слишком	доказывать	1		1
	слишком	думать	1	1	
	слишком	забежать вперед	3		2
	слишком	закоренелый (неделовитость)	1		
	слишком	заметить	2		
	слишком	запомнить	2		
	слишком	знать	12		9
	слишком	можно	1		
	слишком	немец	1		
	слишком	неслыханное (богатство)	1		
	слишком	обличать	1		
	слишком	объяснять	1		
	слишком	опоздать	1		

	слишком	позволять	1		
	слишком	помнить	5		4
	слишком	понимать	14	2	2
	слишком	понять	4	1	
	слишком	предвидеть	1		
	слишком	предчувствовать	1		
	слишком	припомнить	1		
	слишком	проговориться	1		
	слишком	промышленно	1	1	
	слишком	проучить	1		
	слишком	сбиваться	1		
	слишком	слышать	1		
	слишком	смеяться	1		3
	слишком	существенно необходимо	1	1	
	слишком	убедиться	1	1	1
	слишком	узнать	1		
	слишком	француз	1		
	слишком	хвалить	2	1	
	слишком	цивилизованный	1		2
	слишком	чувствовать	2	2	2
случайный	случайная	случайность	1		1
совершенно	совершенно	без удержу	1		
	совершенно	веровать	2		
	совершенно	заметить	1		
	совершенно	знать	5	7	2
	совершенно	известный	7	2	1
	совершенно	мой	1		5
	совершенно	мочь	1	2	
	совершенно	петербургский	1		
	совершенно	признаться	1		
	совершенно	припомнить	1		
	совершенно	противоположный во всех отношениях	1		
	совершенно	русский	2	10	13
	совершенно	сообразить	1		
	совершенно	спать	1	2	
	совершенно	частный случай	1	5	1
совершенный	совершенный	гроб	1		
	совершенный	лакей	1		
	совершенный	портрет	1	2	
совсем	совсем	догадаться	1		
	совсем	машинально	1	3	
	совсем	молчать	3	2	12
	совсем	наверно (знать/узнать)	2		
	совсем	не вчерашний	2		1
	совсем	не русский	2	11	

	совсем	небывало (высокомерный) нисколько не	1		
	совсем	пострадать	1	1	2
	совсем	осечься	1		
	совсем	рассмеяться	1	1	2
	совсем	смеяться	2	1	1
	совсем	улыбнуться	1	2	
	совсем	эмигрант	1		
сознательно	сознательно	ярко (явиться)	1		
сосредоточенный	сосредоточенная	тоска	1	1	
старенький	старенькая	старушонка	1		
страстно	страстно	уважать	1	1	
страшно	страшно	отстоять (от людей)	1		
страшный	страшная	красавица	1		
	страшная	радость	1		6
стремглав	стремглав	бросились бегом	1		
стремительно	стремительно	разговаривать	1		
	стремительно	спешить	1		1
стремительный	стремительное	любопытство	1		
существенно	существенно	необходимый	2	1	2
Т					
твердо	твердо	известно	1		6
	твердо	не хотеть	1		1
	твердо	обвинять	2		
	твердо	поддакнуть	1		
	твердо	подозревать	1		1
	твердо	узнать	2	1	3
	твердо	утверждать	1		4
твердость	твердость	души	1	6	2
	твердость	привязанности	1		
твердый	твердое	вспоминание	1		
	твердые	данные	3	1	1
	твердая	догадка	1		
	твердое	доказательство	1		4
	твердое	достоинство	1		3
	твердая	опытность	1		
	твердое	показание	2		

	твердое	представление	1		4
	твердое	свидетельство	1		
	твердый	схимник	1		
	твердое	упорство	1		1
	твердый	факт	2		1
туго	туго	обдумывать	1		2
тщательно	тщательно	выслушать	1		2
	тщательно	высмотреть	1		
	тщательно	сохраниться	1		
	тщательно	упомянуть	1		
тщательный	тщательный	доктор	1		
тяжело	тяжело	залечь в памяти	1	1	
тяжелый	тяжелая	загадка	1	1	1
	тяжелый	туман	1	7	31
	тяжелый	факт	1	2	
У					
удивительно	удивительно	ознакомиться	1		
ужасно	ужасно	бежать	1		
	ужасно	биться	2		2
	ужасно	вопросительный	1		
	ужасно	выкатившийся (глаза)	1		
	ужасно	ждать	1		
	ужасно	жить	1		
	ужасно	завозиться	1		
	ужасно	ласково	1	1	
	ужасно	мечтать	1		
	ужасно	набунтовать	1		
	ужасно	нараспашку	1		
	ужасно	острый угол	1		
	ужасно	понять	2		
	ужасно	прижимать	1		
	ужасно	приставать	2	1	
	ужасно	просить	1	1	
	ужасно	работать	1		1
	ужасно	рассмеяться	1		
	ужасно	слушать	1		
	ужасно	уверовать	1		
	ужасно	умилиться	1		
	ужасно	умирать	1		
	ужасно	уставиться	1		
	ужасно	целомудренный	1		1
упорно	упорно	верить	1	1	7
	упорно	замолчать	1	2	1

	упорно	легкомысленный	1		
	упорно	любить	2		1
	упорно	мечтать	1	3	2
	упорно	направить взгляд	1		1
	упорно	(не) хотеть	1(1)	2(6)	
	упорно	убежден	1		
	упорно	читать	1	1	4
упорный	упорный	наклонность	1		
	упорная	настойчивость	1	5	2

Ч

чистый	чистый	голод	1		1
чрезвычайно	чрезвычайно	вопросительный	1		
	чрезвычайно	кривиться	1		
	чрезвычайно	отрывистый (человек)	1		
	чрезвычайно	приживаться	1		
	чрезвычайно	приподнять плечи	1		
	чрезвычайно	разбросать	1		
чрезвычайный	чрезвычайный	полководец	1		
	чрезвычайный	спокойствие	2	1	
чрезмерно	чрезмерно	любить	3		1
	чрезмерно	уважать	2		
	чрезмерно	умный	1		
чрезмерный	чрезмерная	доброта	2	1	1
	чрезмерное	образование	1		2

Ш

широкий	широкая	самостоятельность	1		
----------------	---------	-------------------	---	--	--

Я

явно	явно	убедиться	1	2	
яркий	яркая	надежда	1		3
	яркое	нарушение	1		
	яркая	нелепость	2		
	яркий	подлец	1		
	яркая	противоположность	1	4	
	яркое	стремление	1		
ярко	ярко	выясниться	1	2	1
	ярко	запомнить	1		3
яростный	яростная	ирония	1		1
	яростная	мечтательность	1		

ясно	яростная	насмешка	1	2
	яростное	презрение	1	1
	ясно	вслушаться	1	
	ясно	догадаться	1	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Аномальные сочетания «интенсификатор+опорное слово» в «больших романах» Ф. М. Достоевского (Обратный словарь)

Б			
акцент	крепкий		неустанно
аргумент	значительный		совершенно
бараньи глаза	в высшей степени	вертеться	очень
бежать	ужасно	ветер	острый
без удержу	совершенно	взбешенный	до ярости
беспокоить	до страха и трепета	вздор	грубый
бить	очень	взыск	большой
биться	веско	вид	большой
	ужасно	видеть	особенно
ближайший (точка зрения)	несравненно	видеть	оченно
богат паче прежнего	в бессчетно раз		слишком
богатство	слишком неслыханное	видимо	слишком
богач	несметный	виновный	неисчислимо
богачка	значительная	влияние	необъятное
болезнь	большая		неодолимое
	закоренелая		резкое
болтать	очень	возвраты	сильные
бояться	изо всей силы	возлюбить	неудержимо
бросились бегом	стремглав	воображать	изо всех сил
бросить (своего ребенка)	вовсе и совершенно		слишком
быть	очень	вопросительный	ужасно
В			чрезвычайно
важность	«математическая»	восклищать	изо всех сил
велеть	накрепко	воспоминание	прочное
верить	беспрекословно		твердое
	упорно	восприимчивость	горячая
веровать	нерушимо	восторг	сущий
		впитаться глазами	пристально
		вскричать	неудержимо

вслушаться	ясно
вслушиваться	пристально
всматриваться	очень сильно
вспоминать	неустанно очень
выбиваться	изо всех сил
вывод	громадный
выгодно	бесчисленно
выдавать (себя)	очень
выдаваться	ярко
вызов	горячий
выкатившийся (глаза)	ужасно
выражать собой	изо всех сил
выразиться	колоссально
выслушать	тщательно
выслушивать	весьма
высмотреть	тщательно
высокомерие	необъятное
высокомерный	совсем небывало
выставиться	неотразимо
выясниться	ярко

Г

глубина	неразрешимая
глупость	закоренелая
глядеть вопросительно	изо всех сил
говорить (говорено)	слишком
голод	чистый
голос	значительный
голубой (глаза)	очень слишком
гордость	необъятная
горе	безвыходное прямое
горячо	заметно
гроб	совершенный
груб	значительно

грубить	очень
грубиян	грубый

Д

данные	резкие твердые
двигаться	очень
делать знаки	изо всех сил
деятельность	большая
доброта	чрезмерная
догадаться	совсем ясно
догадка	твердая
договориться	радикально
доказательство	колоссальное твердое
доказывать	математически слишком
доктор	тщательный
долг	бесчисленный неустанный
домашний	очень
дорого	до боли
достоинство	настойчивое твердое
думать	горячо изо всех сил сильно слишком
души	твердость

Е

европеец	наиболее
-----------------	----------

Ж

жалоба	горячая негодующая
ждать	изо всех сил настоятельно

	пристально
	с жаром
	ужасно
желание	значительное
	неотразимое
желать	до болезни
	изо всех сил
	крепко
жертва	беспрерывная
жесты	большие
жить	ужасно
З	
забегать вперед	очень
забежать вперед	слишком
забота	непреодолимая
заботливый	до муки
завозиться	ужасно
загадка	тяжелая
задуматься	очень
заинтересоваться	сильно
закивать	изо всех сил
закоренелый	слишком
(неделовитость)	
залечь в памяти	тяжело
заметить	вполне
	особенно
	очень
	сильно
	слишком
	совершенно
замолчать	упорно
заносить	крепко
занятий	огромность
заплакать	горячо
запомнить	очень
	слишком
	ярко

захотеться	неотразимо
зашевелиться	густо
звать	очень
злоба	ненасытимая
злючка	злая
знать	в высшей степени
	слишком
	совершенно
знать/узнать	совсем наверно
зоркость	беспрерывная

И

известие	колоссальное
известно	твердо
известный	многократно
	совершенно
изложить	дотла
изменник	большой
изучать	изо всех сил
изучение	огромное
изучить	в высшей степени
интимности	большие
ипохондрик	исступленный
ирония	яростная
испуганный	серьезно
испугаться	неимоверно
испытание	колоссальное
истина	неотразимая

К

Карамазов	вполне
касаться	очень
колокол	густой
коммунизм	решительный
кошмар	во всю ночь
красавица	страшная
красота	непомерная
кривиться	чрезвычайно

крик большой

Л

лакей совершенный

ласково ужасно

легкомысленный упорно

лепетать изо всех сил

летний костюм до неприличия

лицо громадное
колоссальное

ловить пристально

логический особенно

логический (мысль) неотразимо

любить неустанно
упорно
чрезмерно
очень меньше
болезненная
нестерпимая
стремительное
изо всех сил

любопытство
любопытствовать

М

маху дать большого

машинально совсем

машинисты необъятные

мечтательность яростная

мечтать взасос
изо всех сил
исступленно
с засосом
ужасно
упорно

минуты сильные
(ощущения радости)

мнительный грубо

много значительно

можно слишком

мой совершенно

молчать очень

совсем

момент (полной решимости) окончательный

монтировать очень

мочь совершенно

мучить мучительно

неотвязчиво

мысль громадная
крепкая

Н

набелить (набелена) крепко

набунтовать ужасно

наверстать больно

надежда крепкая
яркая

надо изо всех сил
мучительно

наклонность большая
упорный

намереваться с жаром

намерение неудержимое

направить взгляд упорно

нараспашку ужасно

нарумянить (нарумянена) крепко

нарушение яркое

наслаждение неистовое
необъятное
непомерное
нестерпимое
нестерпимая
яростная

насмешка

настаивать изо всех сил
неистово
неудержимо

настойчивость упорная

натуга большую

нахмурить брови	особенно
нахмуриться	крепко
не вчерашний	совсем
не разлюбить	очень
не расспрашивать	очень
не хотеть	твердо
	упорно
негодование	грубое
неделовитость	закоренелая
недостойный (недостойн)	в высшей степени
нелепость	яркая
немец	слишком
ненавидеть	изо всех сил
ненависть	неумолимая
необразованный	глубоко
	грубо
	грязно
необыкновенный	очень
неосуществимый	в высшей степени
неслыханный (дерзости)	совсем
неспособный	вполне
несчастный	горше
нечистота	закоренелая
нисколько не пострадать	совсем

О

обвинение	колоссальное
обвинять	твердо
обдумывать	туго
обидеться	мучительно
	до ощущения большого
обижаться	удовольствия
	до приятности
обличать	слишком
образование	значительное
	чрезмерное
объявить	значительно
объяснение	радикальное

	радикальное
объясняемый	весьма
объяснять	слишком
однообразие	подавляющее
ожидание	немедленное
ознакомиться	удивительно
опереться	изо всех сил
опоздать	слишком
опытность	твердая
опьянелость	большая
осечься	совсем
ослабеть	радикально
основы	твердые
острый угол	ужасно
осудить	горше
отбивать (невесту)	изо всех сил
отвращение	неудержимое
отдаться страсти	бесповоротно
отделить (занавесью)	густо
отказаться	положительно
отказываться	положительно
откровенность	побеждающая
	последняя
откровенный (чувство)	неудержимо
отмахнуться	из всех сил
отметить	очень
отмстить	горько
отпечататься в памяти	резче
отрывистый (человек)	чрезвычайно
отстоять (от людей)	страшно
отчаяние	безвыходное
охватить	неудержимо
	горячо
ошибочный	грубо
ощущать	всею силою ощущения
	неудержимо
ощущение	большое
	неистовое

необъятное
неотразимое
неотразимое
огромное

П

перекреститься глубоко
перепугаться изо всех сил
песня неустанная
петербургский совершенно
повторять неистово
с засосом
подготовить весьма
поддакивать изо всех сил
поддакнуть твердо
подлец яркий
поднять на руки с силою
подозревать крепко
твердо
подтвердить горячо
подтверждать изо всех сил
подтверждение неустанное
подымать изо всех сил
подыматься изо всех сил
глубоко
пожелать изо всех сил
наотрез
позволять слишком
познавать неустанно
позор глубокий
показание сильное
твердое
покраснеть отчаянно
покупаться до давки
полководец чрезвычайный
полюбить до мучения
помещик значительный
помнить наверно

неустанно
слишком
поморщиться крепко
понимать в высшей степени
слишком
понятие огромное
понятие (понятий) огромность
понять в высшей степени
очень
слишком
ужасно
поощрить в высшей степени
попадаться особенно
попросить изо всех сил
особенно
пожалуйста
пора очень
поранить очень
портрет совершенный
порыв неотразимый
посещать очень
поссориться горячо
значительно
очень
постучаться покрепче
потеснить крепко
потребность безудержная
неумолимая
потянуть без возражений
поумнее(-ей) гораздо
похвалиться размашисто
поцеловаться очень
почувствовать безнадежно
больно
правда неотразимая
правдинская
право математическое
правый (прав) очень

праздновать	очень
предаваться слабостям	слишком без удержу
предвидеть	слишком
представление	твердое
предчувствовать	слишком
презрение	неудержимое омерзительное яростное
преступление	неимоверное
привыкнуть	болезненно
привычка	непременная
привязанности	твердость
приживаться	чрезвычайно
прижимать	ужасно
прижиматься	горячо
признаться	совершенно
приключение	колоссальное
приподнять плечи	чрезвычайно
припоминать	особенно
припомнить	слишком совершенно
припомниться	особенно
прислушаться	очень
прислушиваться	горячо любопытно
приставать	ужасно
прихрамывать	глубоко
причина	глубокая сильная
причины	большие
приятно	нестерпимо
проговорить	наотрез
проговориться	в высшей степени слишком
промахнуться	в высшей степени
промелькнуть	неудержимо
промышленно	слишком
пропагандировать	резче

проповедник	большой
просесть	большая
просить	ужасно
просьба	задыхающаяся
протезировать	изо всех сил
протестовать	изо всех сил
противоположность	яркая
противоположный во всех отношениях	совершенно
проучить	слишком
птичье	резко
публика	огромная
пустяки	большие
пьяный	глубоко невозвратно
Р	
работать	ужасно
рабство	полное
радость	едва выносимая страшная
разбросать	чрезвычайно
развратник	исшаркавшийся
разговаривать	стремительно
разъяснение	радикальное
раскрасавица	из красавиц
раскрыться	на всю распахку
рассеянность	большая
рассмеяться	совсем ужасно
рассмотреть	очень
рассчитывать	крепко
решение	огромное
решимость	резкая
решить	горячо
решиться	изо всей силы изо всех сил
ругать	изо всех сил

русский вполне
совершенно
наиболее
совсем
русский костюм до неприличия

С

самолюбивый необъятно
самолюбие необъятное
самоощущение глубокий
самопожертвование большое
самостоятельность широкая
самоубийство полное
самоуверенность неподвижная
отчаянная
сбиваться слишком
свидетельство твердое
свидетельствовать резко
священный особенно
сгримасничать очень
седой (сед) непозволительно
секрет крепкий
семя громадное
сила из всех сильнейшая
система непрерывная
скандал значительный
скопяться сильно
скороговорка горячая
след (крови) густой
следить горячо
слова огромные
сложный (сложнее) бесчисленно
случайность случайная
случаться весьма
слушать из всех сил
из всех сил
любопытно
очень

пристально
ужасно
слышать слишком
смешок многочисленный
смеяться из всех сил
особенно
слишком
совсем

снабдить (средствами) роскошно
совершать близко
совесть глубокая
согласиться бесспорно
содрогание (сердца) горячее
созерцать глубоко
созреть неотразимо
сомкнуться (толпа) густо
сомнение отчаянное
соображение непобедимое
сообразить совершенно
сохраниться тщательно
спать совершенно
спешить из всех сил
неудержимо
стремительно
спокойствие чрезвычайный
спорить жарко
крепко
очень
способности значительные
средневековый в высшей степени
старик закоренелый
старушонка старенькая
степень жгучая
раздражительная
стотысячник большой
стоять густо
страдание бесчисленное
стремление яркое

стыдливость	исступленная
суета	растерявшаяся
суетиться	изо всех сил
существенно необходимо	слишком
суммы	необъятные
схимник	твердый

Т

торопливость	горячая
тоска	безвыходная
	сосредоточенная
тревога	безвыходная
туман	тяжелый
тупой угол	безобразно
тяжба	значительная

У

убедить	в высшей степени
убедиться	слишком
	явно
убеждать	отчаянно
убежден	математически
	упорно
убитый	вполне
убить	вполне
уважать	высоко
	до страсти
	страстно
	чрезмерно
уверенный	безвозвратно
уверить	неотразимо
уверовать	ужасно
уверять	изо всех сил
увеселительное заведение	весьма
увидеться	очень
угадать	наизусть
удовлетворение	радикальное
	радикальное

	радикальное
уединение	безвыходное
узнать	слишком
	твердо
укор	большой
укорить	больно
	горячо

улика	колоссальная
	крепкая

уличение	колоссальное
улыбнуться	совсем
умиление	жгучее
умилиться	ужасно
умирать	ужасно
умный	чрезмерно
упомянуть	тщательно
упорство	твердое

усиливаться (раздражительность)	все сильнее и сильнее
---	-----------------------

условия	огромные
усмешка	жесткая
успокоить	значительно
успокоиться	значительно
установиться	внимательно

	пристально
	ужасно
утверждать	особенно
	твердо
утешения	горячие

Ф

факт	неотразимый
	твердый
	тяжелый

француз	слишком
французская республика	самая полная

Х

хвалить	очень преувеличенно слишком
ходьба	большая
хорошо знать	отлично
хорошо понимать	отлично
хотеть (знать)	изо всей силы
храпеть	грузно

Ц

царица	немалая
целовать	бессчетно
целомудренность	исступленная
целомудренный	до болезни неслыханно ужасно
цивилизованный	слишком
циник	грубый

Ч

частный случай	совершенно
чахоточный	очень
чиновный	весьма
читать	упорно
чувствовать	больно очень слишком

Ш

шуметь	густо
шутить	очень

Э

эмигрант	совсем
-----------------	--------

Я

ярко(явиться)	сознательно
ясно	математически
ясные (мысли)	воочию